

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра культурологии и социально-культурной деятельности

На правах рукописи

Бугрова Екатерина Дмитриевна

«ТРУДНОЕ НАСЛЕДИЕ» КАК РЕСУРС КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО
ТУРИЗМА

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель
Доктор культурологии, профессор
Кириллова Наталья Борисовна

Екатеринбург – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению культурной памяти	15
1.1. Культурная память как предмет культурологического исследования	15
1.2. «Трудное наследие» в контексте анализа проблем сохранения культурно-исторического наследия	31
1.3. Концепты «трудное наследие» и «места памяти» в структуре изучения культурно-познавательного туризма.....	49
Глава 2. Стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» в туризме	71
2.1. Коммеморация как ведущая стратегия репрезентации «трудного наследия»	71
2.2. Музеефикация «мест памяти»	96
2.3. Проблемы аутентичности в репрезентации «трудного наследия»	106
Заключение	132
Список использованных источников и литературы	137
Приложение	161

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в социуме возрастает значимость культурно-познавательного туризма, ресурсом которого является культурно-историческое наследие, включая и концепт «трудное наследие».

Представляя собой одну из важнейших форм взаимодействия человека с окружающим миром, культурно-познавательный туризм способствует расширению кругозора и обогащению знаний об истории, культуре, традициях и обычаях различных стран и регионов. Путешественники получают возможность лично увидеть памятники архитектуры, музеи, театры, художественные галереи и другие объекты культурно-исторического наследия, что позволяет глубже понять особенности той или иной дестинации.

Культурно-познавательный туризм играет важную роль в межкультурной коммуникации. Знакомство с образом жизни, ценностями и традициями других сообществ помогает разрушать стереотипы и предрассудки, что, в свою очередь, способствует снижению уровня конфликтности в обществе. Тем самым культурно-познавательный туризм выполняет социальную функцию – сохранения и популяризации культурно-исторического наследия. Благодаря туристической деятельности многие исторические памятники и культурные объекты получают необходимое финансирование для реставрации и сохранения. Более того, туризм способствует распространению информации о малоизвестных достопримечательностях, что повышает их информационную доступность и привлекает внимание общественности к необходимости их защиты и поддержки.

Появление в XXI веке разнообразных направлений культурно-познавательного туризма свидетельствует о повышенном интересе общества к проблемам культурно-исторического наследия, роль которого становится ведущей в формировании локальной идентичности и сохранении коллективной памяти. Вот почему проблемы изучения культурно-познавательного туризма как инструмента сохранения и трансляции культурной памяти и культурно-исторического наследия становятся все более актуальными в

культурологическом знании. Особое значение в теории и истории культуры приобретает изучение так называемых мест памяти.

Ценность «мест памяти» связана с тем, что они являются важными символическими пространствами, отражающими коллективную память общества о значимых событиях прошлого. Такие места играют ключевую роль в формировании национальной идентичности, репрезентации культурной памяти и традиций. Они служат своеобразными «точками», в которых прошлое встречается с настоящим, создавая возможности для осмысления исторического опыта в контексте современных реалий.

Исследование «мест памяти» позволяет глубже понять, каким образом общество конструирует свою историю, какие события и личности считаются значимыми, а какие остаются забытыми или намеренно игнорируются. Через изучение этих мест можно проследить динамику изменения общественного сознания, выявить механизмы формирования исторических мифов и стереотипов, а также проанализировать влияние идеологических установок на восприятие прошлого.

Таким образом, изучение «мест памяти» является актуальным направлением научного исследования, позволяя не только углубиться в историю и культуру конкретного региона или народа, но и внести вклад в развитие современного общества, способствуя формированию уважительного отношения к прошлому и укреплению национального самосознания.

Исследование «мест памяти» имеет и важное практическое значение, способствуя не только развитию туризма, но и сохранению культурного наследия, повышению интереса к истории своей страны у подрастающего поколения.

Изучение проблем культурно-исторического наследия актуализирует концепт «трудное наследие», относительно недавно появившийся в научном дискурсе культурологии, в который входят «места памяти», связанные с трагическими и неоднозначными событиями. Специфика функциональных особенностей разных направлений культурно-познавательного туризма,

активирующая интерес к объектам «трудного наследия», также требует более полного научного осмысления, поскольку традиционно туризм базировался на позитивных аспектах культурно-исторического наследия – в первую очередь, на достопримечательностях, обладающих высокой художественной ценностью. Объекты «трудного наследия», вызывая зачастую сложные эмоции у посетителей, в то же время представляют собой важные элементы коллективной памяти и обладают значительным нравственным потенциалом, доказывая необходимость их исследования.

Репрезентация объектов «трудного наследия» в контексте изучения культурно-познавательного туризма требует особого подхода, так как подобные «места памяти» зачастую вызывают определенные сложности при трансформации в объект туристского интереса, связанные с проблемами развития инфраструктуры и высоким риском чрезмерной коммодификации и эксплуатации прошлого.

Степень разработанности научной проблемы

Изучение концепта «трудное наследие» в контексте культурно-познавательного туризма базируется на междисциплинарном подходе, требующем комплексного осмысления разных научных направлений. В результате чего было выделено несколько групп исследований, позволяющих наиболее полно осветить тему диссертационной работы.

Первый блок исследований представлен трудами зарубежных и отечественных ученых в области *memory studies*. Это работы Ф. Арьеса, Я. и А. Ассман, Ф. Бартлетта, В. Беньямина, А. Варбурга, Й. Йерушалми, В. Канштайнера, Д. Лоуэнталя, А. Маргалита, П. Нора, Дж. Олика, М. Стёкен, Р. Тердимана, Д. Тригга, М. Фуко, М. Хальбвакса, П. Хаттона, Э. Шилза, О. Н. Астафьевой, Н. А. Бердяева, Е. Г. Трубиной, Н. Г. Федотовой, М. Л. Шуб, Н. У. Ярычева и др. Вопросы культурной памяти и травматических событий в своих исследованиях рассматривали А. Ассман, К. Карут, П. Нора, М. Ротберг, М. Стёкен, Е. Г. Трубина. Концепт ностальгии, в том числе в контексте

туристической деятельности, изучали С. Бойм, Ф. Дэвис, Б. Хэмбер, Р. Н. Абрамов и др.

Вторая группа исследований связана с анализом понятий «культурное наследие» и «трудное наследие», представленным в работах следующих авторов: С. Каасик-Крогерус, Дж. Дж. Леннона, Т. Ляхдесмяки, Ш. Макдональд, Л. Мескелл, Т. Рико, Дж. Э. Танбриджа, М. Фоли, И. ван Хёйс, Л. Эллены, Г. Дж. Эшворта, В. Г. Ананьева, М. Б. Гнедовского, Е. Н. Мастеницы, Н. В. Самовер, А. Ю. Сериковой, Л. И. Скрипкиной, Ю. В. Сливковой В. С. Стафа и др.

С вопросами изучения истории культурно-познавательного туризма и формирования основных его направлений связаны имена таких ученых, как: Д. Дж. Бурстин, П. Гаутши, В. Грёбнер, Д. Гринвуд, Г. Ричардс, Д. Сойез, Л. Тернер, Дж. Урри, Я. Ходел, Дж. Эш, А. Ю. Александрова, О. Е. Афанасьев, И. В. Зорин, В. А. Квартальнов, В. И. Кружалин, Е. В. Мошняга, В. В. Новосельская, Е. Л. Писаревский и др. Отдельные направления культурно-познавательного туризма, анализируемые в данной диссертации, рассматриваются в работах: М. Корстанье, Д. Лайта, Дж. Дж. Леннона, П. Линч, Э. Ситона, Ф. Стоуна, С. Чаушевич, М. Фоли, Р. Шарпли, Е. В. Рыбаковой и др. (*dark-туризм*); Р. Йеоманса, А. Рогош, И. И. Бульгиной, Ю. С. Путрика (*патриотический туризм*); К. М. Холла, П. Христу, А. Эрл (*ностальгический туризм*); А. Василевой, О. Ле Галлю, Т. Эденсора (*руинный туризм*); Д. Сойеза, Т. Эденсора (*индустриальный туризм*).

Особое место в исследовании феномена культурного наследия и культурно-познавательного туризма занимают нормативно-правовые акты: Конвенция ООН «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972); Нарский документ о подлинности (1994); Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001); Будапештская декларация о Всемирном наследии (2002); Рамочная конвенция об этике туризма и Киотская декларация по туризму и культуре ООН (2019); Законы РФ: «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (1996), «О Музейном фонде

Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1996), «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» (2002); Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» (2015); Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. (2019) и др.

Объект исследования – «трудное наследие» в контексте развития культурно-познавательного туризма.

Предмет исследования – стратегии репрезентации объектов «трудного наследия».

Цель – комплексное исследование объектов «трудного наследия» как значимого ресурса культурно-познавательного туризма и фактора сохранения культурно-исторической памяти.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть проблему изучения культурной памяти в культурологическом аспекте;
- проанализировать концепт «трудное наследие» в контексте исследования проблем сохранения культурно-исторического наследия;
- выявить параметры концептов «трудное наследие» и «места памяти» в структуре изучения культурно-познавательного туризма;
- представить коммеморацию как ведущую стратегию репрезентации «трудного наследия»;
- выявить специфику музеефикации и консервации «мест памяти» как значимых стратегий репрезентации объектов «трудного наследия» в туризме;
- раскрыть сущность проблемы аутентичности в репрезентации «трудного наследия» в контексте практик культурно-познавательного туризма.

Эмпирической основой исследования стал анализ конкретных кейсов объектов «трудного наследия», развивающихся и как объекты туристского интереса.

Научная новизна исследования связана с обоснованием культурно-познавательного туризма, который рассматривается в работе как объект культурологического анализа. В фокусе внимания автора также теоретическое осмысление концептов «культурная память» и «трудное наследие» в контексте культурно-познавательного туризма. В диссертационном исследовании предлагается более широкое понимание понятия «трудное наследие», позволяющее продемонстрировать, что многие направления культурно-познавательного туризма на сегодняшний день ориентированы именно на работу с объектами «трудного наследия», представляющего совокупность «мест памяти», связанных с травматическим опытом, моральной дилеммой или сложностью восприятия в современном обществе. Таким образом, толкование понятия «трудное наследие» в работе опирается и на восприятие объекта локальным сообществом (в первую очередь это проблемы, касающиеся необходимости репрезентации такого наследия в целом, а также его коммодификации и чрезмерной эксплуатации), и на восприятие туристами (противоречивые чувства при посещении подобных объектов, развитие рефлексии). В работе предлагается оригинальный подход к описанию стратегий репрезентации объектов «трудного наследия», основанный на идеях Д. Лоуэнталя, в контексте культурно-познавательного туризма. Проанализированы основные стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» как значимых туристских ресурсов, демонстрирующих специфику различных «мест памяти» и их восприятия в социуме.

Методология и методы диссертационного исследования

Методологической основой исследования является культурологический подход, дающий возможность рассматривать «трудное наследие» в аксиологическом аспекте, учитывая культурно-исторические условия существования явления.

Базовым для диссертационного исследования выбран системно-культурологический подход (М. С. Каган, Ю. М. Лотман, Э. С. Маркарян), позволяющий представить культурно-познавательный туризм как системное

целое со своими закономерностями и процессами развития, структурами (направлениями) и особенностями, определяющими содержание и эволюцию всех компонентов. Культурно-исторический анализ дает возможность рассмотреть проблему развития культурно-познавательного туризма в контексте его динамики: становления, эволюции и современного состояния (работы Г. Ричардса, Дж. Урри, Д. Сойеза).

Метод социально-коммуникативного анализа (труды М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, К. Э. Разлогова) помогает проанализировать культурно-познавательный туризм с точки зрения рефлексии туристов относительно своих действий и реакций при посещении тех или иных объектов «трудного наследия», а также социальный контекст, в котором происходит коммуникация туристов и локального сообщества.

Одним из ключевых в диссертации является понятие «место памяти», предложенное П. Нора, – форма мемориализации, связанная с культурно-исторической памятью и предполагающая, что определенные места, объекты или события могут иметь особое значение, связанное с коллективными воспоминаниями.

Методология *memory studies*, опираясь на теорию коллективной памяти, позволяет анализировать прошлое не как установленную данность, а как сущность, подверженную переосмыслению и интерпретациям, и предоставляет основу для анализа коллективной памяти и ее влияния на социальные группы (работы Я. и А. Ассман, А. Варбурга, М. Стёкен, Дж. Олика, М. Хальбвакса, О. Н. Астафьевой, Е. Г. Трубиной, Н. Г. Федотовой, М. Л. Шуб и др.); исторический анализ, подразумевающий исследование нарративов, традиций и ритуалов, которые влияют на формирование коллективной памяти (Д. Лоуэнталь, П. Нора); культурно-историческую психологию, изучающую механизмы запоминания и забывания, а также влияние эмоций и контекста на формирование воспоминаний, помогает понять, как индивидуальные воспоминания могут влиять на коллективную память (работы Ф. Бартлетта, Р. Тердимана).

В процессе исследования для решения конкретных задач также применялись и другие методы:

- структурно-функциональный, позволяющий продемонстрировать ценность культурно-познавательного туризма и его разновидностей как инструментов трансляции памяти;

- компаративный, дающий возможность осветить различные подходы к решению схожих проблем, с которыми могут сталкиваться туристические локации;

- эмпирический, направленный на непосредственное изучение кейсов объектов «трудного наследия» как объектов туристского интереса.

Теоретическая и практическая значимость работы

Полученные автором результаты вносят свой вклад в культурологическое осмысление «трудного наследия», вызывающего социальные разногласия и сложности в практике отбора и сохранения, его связь с культурной памятью и культурно-познавательным туризмом. Данное исследование может послужить базой для дальнейших исследований в сфере культурно-познавательного туризма и «трудного наследия». Предложенный авторский подход к проблеме репрезентации «трудного наследия» в туризме может найти широкое применение в работах, продолжающих изучение данной темы.

Положения, представленные в исследовании, могут быть использованы при разработке концепций и стратегий развития культурно-познавательного туризма в регионах, продвижении объектов «трудного наследия» как значимых туристских ресурсов, необходимых для включения в новые туристические маршруты, способствующие патриотическому воспитанию молодого поколения, формированию национальной идентичности и чувства сопричастности историческим судьбам своего народа, повышению общей культуры, а также развитию преемственности поколений и укреплению межпоколенческих связей. Материалы диссертации могут также послужить основой для подготовки специальных учебных курсов в вузах, обучающих студентов по направлениям,

связанным с историей культуры, менеджментом социокультурной сферы, туризмом и креативными индустриями культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Культурно-историческое наследие все больше становится материальным выражением памяти, символом, связанным с прошлым, в связи с чем значительное внимание следует уделить сохранению так называемого трудного наследия. Особое значение приобретает разработка методологических подходов к исследованию и интерпретации подобных объектов, что позволит не только сохранить их физическую целостность, но и обеспечить понимание их роли в формировании коллективной памяти и национальной идентичности.

2. Под «трудным наследием» в контексте культурно-познавательного туризма предлагается понимать наследие, вызывающее определенные противоречия в локальном сообществе относительно необходимости его репрезентации и коммодификации, а также смешанные эмоции, но при этом располагающее к рефлексии относительно прошлого, настоящего и будущего. Данный подход позволяет обратить внимание на объекты и темы, которые ранее практически не рассматривались с научной точки зрения как «трудное наследие», однако при этом обладают свойствами такого типа наследия и вызывают интерес у аудитории.

3. Объекты «трудного наследия» представляют собой значимый туристский ресурс сразу для нескольких направлений культурно-познавательного туризма – в первую очередь, dark-туризма и патриотического туризма. Ностальгический и руинный виды туризма позволяют включить в туристский контекст большее количество разнообразных объектов, восприятие которых в социуме может рассматриваться неоднозначно.

4. Стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» как достопримечательностей в целом соответствуют общепринятым подходам к сохранению объектов культурно-исторического наследия, однако ведущей стратегией является коммеморация, подчеркивающая специфику объектов «трудного наследия» как буквальных «мест памяти». Другие стратегии также

реализуются с учетом особенностей конкретных объектов и направлений культурно-познавательного туризма. Так, широкое распространение в рамках руинного туризма получила стратегия консервации, для объектов ностальгического туризма характерна стратегия эмуляции, а патриотического туризма, помимо коммеморации, – стратегия инсценировки.

5. Существует ряд сложностей в развитии объектов «трудного наследия» как достопримечательностей, привлекающих широкую аудиторию. Препятствовать развитию туризма на таких объектах могут проблемы, носящие как этический характер, так и сугубо практический, связанный с вопросами инфраструктуры и логистики. Среди этических вопросов особое место занимает необходимость избегать излишней эксплуатации исторических событий в процессе развития «мест памяти» как туристических аттракций. Практические сложности включают проблему транспортной доступности многих объектов «трудного наследия», отсутствие необходимой инфраструктуры для приема большого количества туристов ввиду потребности сохранить аутентичность объекта.

6. Основной проблемой при репрезентации объектов «трудного наследия» является коммодификация, способствующая утрате аутентичности и функции сохранения памяти о конкретных событиях. Коммерческое использование таких объектов может привести к упрощению и искажению их исторического содержания, что снижает их образовательную и мемориальную ценность. Важно найти баланс между необходимостью привлечения туристов и сохранением изначального смысла и значимости «мест памяти», связанных с «трудным наследием», чтобы предотвратить процесс «диснейфикации».

Степень достоверности и апробация результатов работы: по теме диссертации опубликовано 15 научных работ, из них 7 работ – в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, из них 4 – в изданиях, входящих в международные базы цитирования WoS, Scopus.

Результаты исследования освещались на научно-практических конференциях различного уровня:

- *всероссийских*: «Образы индустриального Урала» (Екатеринбург, 2021), II Уральский историко-архивный форум (Екатеринбург, 2022), III Уральский историко-архивный форум (Екатеринбург, 2024), VI Российский культурологический конгресс «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации» (Москва, 2024);

- *международных*: «Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании» (Екатеринбург, 2019), Global Trends: New Challenges to Economic, Social and Cultural Development (Будапешт, 2019), «Речевая коммуникация в современной России» (Омск, 2021), «Постиндустриальное искусство или жизнь?» (пленарный доклад; Иваново, 2022), REC-2023 «Города нового времени: система GLASS» (Екатеринбург, 2023), «Город в контексте глобальной и региональной истории: к 300-летию Екатеринбурга» (Екатеринбург, 2023), «Проблемы и перспективы развития туристского потенциала Беларусь и стран СНГ» (Гродно, 2023).

Достоверность результатов подтверждается их использованием в практической деятельности соискателя: в разработке и преподавании курсов «Туристско-рекреационное проектирование», «Альтернативные виды туризма», «Музеи России и мира» студентам Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; в выступлениях в качестве эксперта на различных отраслевых мероприятиях, в частности, на VII Общероссийском форуме стратегического развития «Города России: новые рубежи» (дискуссия «Вне all inclusive: рекреационный и креативный потенциал российского города») (Екатеринбург, 2023), стратегической сессии «Промышленный туризм как эффективный инструмент развития и продвижения бренда территории: лучшие практики и перспективы развития направления» (в рамках Международной промышленной выставки «ИННОПРОМ»; Екатеринбург, 2024); в участии с материалами по теме «Мемориальные музеи как объект изучения культурно-исторического наследия в системе современного образования» во

Всероссийском обучающем семинаре «Родная литература в школе: актуальные педагогические практики» (Центр изучения родных языков, Москва, 2024) За активное участие в развитии туризма на территории муниципального образования «город Екатеринбург» автор получила благодарность главы Екатеринбурга (2023).

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, двух глав (6 параграфов), заключения, списка литературы, включающего более 150 наименований, и приложения.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению культурной памяти

Культурная память является важным предметом культурологического исследования, особенно в условиях тренда на ностальгию и феномена мемориализации, которые характеризуются усилением общественного интереса к прошлому и стремлением сохранить и осмыслить культурно-историческое наследие. Память выступает как универсальный механизм сохранения информации, имеющей ключевое значение для функционирования общества. Исследования в области культурной памяти получили активное развитие в последние десятилетия, став одним из актуальнейших направлений современного гуманитарного знания. Значимыми представляются теории, касающиеся сохранения памяти о травмирующих событиях, получающей воплощение в так называемом «трудном наследии».

1.1. Культурная память как предмет культурологического исследования

Актуальность изучения проблем культурной памяти обусловлена глобальным «бумом памяти» и феноменом мемориализации, которые наблюдаются в последние десятилетия и проявляются в усилении общественного интереса к прошлому, в стремлении сохранить и осмыслить культурно-историческое наследие. Память – универсальный механизм сохранения той информации, которая имеет ключевое значение для функционирования социума.

Концептуальный аппарат «парадигм памяти» сложился в *memory studies* – одном из самых актуальных направлений современного гуманитарного знания. Во многих научных работах в области *memory studies* внимание уделяется соотношению реального и воображаемого, времени и пространства, индивидуального и коллективного, субъективного и объективного, аутентичного и симулированного в контексте изучения памяти. Так, Н. А. Бердяев писал: «Есть два прошлых: прошлое, которое было и которое исчезло, и прошлое,

которое и сейчас для нас есть как составная часть нашего настоящего. Второе прошлое, существующее в памяти настоящего, есть уже совсем другое прошлое, прошлое преображенное и просветленное, относительно его мы совершили творческий акт, и лишь после этого творческого акта оно вошло в состав нашего настоящего. Воспоминание не есть сохранение или восстановление нашего прошлого, но всегда новое, всегда преображенное прошлое. Воспоминание имеет творческий характер»¹.

Интерес к исследованию памяти формируется в первой половине XX века. В 1920–1940-е гг. появляются работы М. Хальбвакса, А. Варбурга, В. Бенямина и Ф. Бартлетта, обозначившие вектор *memory studies* как междисциплинарного научного направления, связанного с исследованиями в области культурологии, истории, психологии, социологии и др.

В 1920-е гг. к вопросам изучения социальной памяти одним из первых обратился культуролог и историк искусства А. Варбург. В своей концепции А. Варбург рассматривал социальную память как важную составляющую часть культуры, обеспечивающую преемственность и сохранение традиций. Он полагал, что искусство и другие формы культурного выражения служат средством фиксации и передачи социального опыта. Основным носителем социальной памяти в концепции А. Варбурга становится символ, а культура в целом предстает своеобразным «сообществом памяти»².

В это же время М. Хальбвакс также начал исследовать проблемы надиндивидуальной памяти и ввел в научный оборот понятие «коллективная память». М. Хальбвакс утверждал, что индивидуальная память формируется через взаимодействие с другими людьми и под влиянием коллективного представления о прошлом: «свои воспоминания человек, как правило, приобретает, воссоздает в памяти, узнает и локализует именно в обществе»³. Это

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж: YMCA-Press. С. 121–122.

² Васильев А. Теория социальной памяти Аби Варбурга. Между философией культуры и историей искусства // Искусствознание. 2009. № 1–2. С. 28.

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 28.

указывает на существование коллективной памяти и социальных рамок памяти, при этом «наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти»⁴.

Коллективная память меняется со временем по мере изменений состава различных социальных групп, и если прошлое теряет свою актуальность для членов определенной группы, оно выходит за рамки коллективной памяти, поскольку для коллективной памяти, по мнению М. Хальбвакса, важно отвечать социальной потребности в единстве: «Общество стремится устранять из своей памяти все, что могло бы разделять индивидов, отдалять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия»⁵. Таким образом, память представляет собой коллективную функцию, так как она связана с прошлым, но вместе с тем подчиняется настоящему.

Психолог Ф. Бартлетт изучал влияние социальных факторов на процесс запоминания и воспоминания, а также воспроизведения информации. В вышедшем в 1932 г. труде «Воспоминание: исследование в области экспериментальной и социальной психологии» Ф. Бартлетт утверждал, что интересы человека, его темперамент и характер влияют на то, что он вспоминает. В свою очередь, эти аспекты личности формируются под влиянием социальной среды. Так, у разных народов могут быть разные предпочтения в том, как они рассказывают истории или какие темы считают важными для обсуждения. Ф. Бартлетт разрабатывал также концепцию «группового характера» – набора устойчивых предпочтений и реакций, которые определяют поведение группы людей и которые можно изучать, анализируя культурные артефакты, таких как народные сказки и искусство, а также наблюдая за поведением группы в различных ситуациях⁶. Таким образом, Ф. Бартлетт рассматривал организованные знания как сложную систему абстрактных ментальных

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Хальбвакс М. Указ. соч. С. 337.

⁶ Bartlett F. C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 256–267.

структур, отражающих понимание человеком окружающего мира, и исследовал влияние культурного контекста на интерпретацию и запоминание конкретных событий. В одном из своих наиболее известных экспериментов он проанализировал способность испытуемых запоминать события, радикально отличающиеся от их собственной культурной среды. Результаты показали, что чем сильнее расхождение между личным культурным фоном участника и контекстом представленного материала, тем меньше вероятность успешного запоминания этого материала. Ф. Бартлетт сделал вывод, что участники искажали исходные данные в соответствии с собственными культурными стереотипами, а детали, трудные для интерпретации, забывались, так как они не укладывались в их ментальные схемы и не соответствовали устоявшимся представлениям⁷.

А. Маргалит в «Этике памяти» выделяет два типа памяти – общую память (common memory) и совместную, или разделяемую, память (shared memory). Первая – совокупное понятие и объединяет воспоминания всех тех людей, помнящих определенный эпизод, который каждый из них пережил индивидуально; то есть в случае, если количество тех, кто помнит конкретный эпизод, превышает значительный порог и представляет собой подавляющее большинство, воспоминание об этом эпизоде и будет общим воспоминанием в данном обществе. Совместная же память не сводится лишь к сумме отдельных воспоминаний индивидов, а предполагает коммуникацию и взаимодействие, то есть интегрирует и согласовывает различные перспективы тех, кто вспоминает определенное событие. Так, воспоминания непосредственных участников, переживающих лишь фрагмент произошедшего со своей индивидуальной – уникальной – точки зрения, объединяются в единую версию, а те, кто не присутствовал лично на месте событий, могут позже приобщиться к этому опыту

⁷ Макарова Е. А. Фредерик Ч. Бартлетт и его теория схемы: современный взгляд // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 6. С. 116.

посредством описаний, переданной по различным каналам информации, а не вследствие прямого участия⁸.

Дж. Олик указывает, что термин «коллективная память» применяется в отношении обобщенных личных воспоминаний, официальных коммеморативных практик и коллективных представлений⁹; предполагается, что она коренится в традициях, мифах, стилях, языках, искусстве, массовой культуре и материальной среде. Некоторые исследователи, например, Э. Шилз¹⁰, рассматривают коллективную память как образ, объединяющий общество, тогда как другие – как М. Фуко¹¹ и М. Стёкен¹² – видят в ней арену постоянных конфликтов. В некоторых случаях исследователи, к примеру, П. Хаттон¹³, трактуют ее как неотъемлемую «живую» составляющую истории (например, в историографической традиции), а в иных – как второстепенную форму ретроспективного взгляда, эпистемологически противопоставленную историографии, как Й. Йерушалми¹⁴. Это разнообразие порождает вопросы, связанные с потенциальным референтом данного термина (то есть, что именно становится предметом внимания ученого) и способа референции (то есть, на каких аспектах исследователь сосредотачивает свое внимание)¹⁵. Такое разнообразие в подходах свидетельствует о том, что в сфере *memory studies* существует определенный кризис, связанный с неопределенностью самого понятия «память» и отсутствием ясных критериев, позволяющих идентифицировать, что именно можно рассматривать в качестве предмета исследования данной научной области¹⁶.

⁸ Margalit A. *The ethics of memory*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2004. P. 50–52.

⁹ Сафронова Ю. А. *Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.; СПб.: НесторИстория, 2018. С. 15.*

¹⁰ Shils E. *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

¹¹ Foucault M. *Language, counter-memory, and practice*. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1977. P. 113–196.

¹² Sturken M. *Tangled memories: the Vietnam War, the AIDS epidemic, and the politics of remembering*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

¹³ Хаттон П. *История как искусство памяти*. СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2004.

¹⁴ Yerushalmi Y. *Zakhor: Jewish history and Jewish memory*. Seattle; London: University of Washington Press, 1982.

¹⁵ Олик Дж. *Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 41.*

¹⁶ Олик Дж. *Указ. соч. С. 41.*

Таким образом, можно заключить, что концепт коллективной памяти охватывает разнообразные социальные формы, пространства и практики – начиная от индивидуальных воспоминаний и заканчивая стандартизированными формами поддержания традиций.

Историк Д. Лоуэнталь в работе «Прошлое – чужая страна» отмечает: несмотря на то, что в разных культурах прошлое играет разные роли, все знания о нем основываются на памяти – именно воспоминания позволяют осознавать прошлые события, отличать вчерашний день от сегодняшнего. Задачи исследователей в области *memory studies* Д. Лоуэнталь видел в изучении природы и ценности запоминаемого материала, а не собственно процесса запоминания самого по себе, поскольку именно воспоминания становятся основой для формирования идентичности: «различные типы воспоминаний, произвольные и непроизвольные, врожденные и приобретенные, вскрывают разные аспекты событий прошлого и лишь в сочетании дают нам представление о прошлом в его целостности. Необходимость повторно использовать содержание памяти, а также забывать в такой же мере, как и запоминать, вынуждает нас отбирать, очищать, искажать и трансформировать прошлое в соответствии с запоминаемыми событиями и потребностями настоящего»¹⁷.

По Д. Лоуэнталю, прошлое, сохраняющееся в памяти, является одновременно личным и коллективным. С одной стороны, запоминается в первую очередь индивидуальный опыт – и память преобразует общественные события в сугубо личные переживания. С другой стороны, для подтверждения собственной памяти и придания ей устойчивости необходимы воспоминания других людей. События, известные лишь одному человеку, становятся менее определенными и вспоминаются сложнее. Обмениваясь воспоминаниями, люди способствуют их воспроизведению и пополняют собственную память. При этом постепенно становится невозможно различить общие и индивидуальные компоненты: «соединяя разрозненные воспоминания в целостное повествование,

¹⁷ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Изд-во «Владимир Даль»; ИД «Русский Остров», 2004. С. 306.

мы вносим исправления в личностные компоненты таким образом, чтобы они соответствовали коллективной памяти об этих событиях»¹⁸.

Д. Лоуэнталь отмечает, что общества нуждаются в стабильном прошлом для того, чтобы утвердить традицию, удостоверить собственную идентичность и обрести смысл в настоящем, однако при этом «каждый акт признания изменяет то, что досталось нам от прошлого. Если мы ценим или охраняем реликвию, или даже если просто приукрашиваем ее или имитируем, – все это влияет на ее форму и наше восприятие. Точно так же, как избирательное воспоминание изменяет память и субъективную форму исторической интуиции, так и манипулирование древностями изменяет их облик и значение»¹⁹. Таким образом, любое, намеренное или случайное взаимодействие с наследием постоянно изменяет его природу и контекст. Следовательно, наделение того или иного объекта статусом культурно-исторического наследия и превращение его в туристическую достопримечательность меняет восприятие этого объекта, он начинает восприниматься как значимый. Д. Лоуэнталь указывает на то, что «некоторые следы античности столь незаметны, что их можно распознать, только приложив специальные усилия. Если нет никаких указателей, то многие ли из тех, кто ходит по полям старинных сражений, знают, что это место – историческое? Без такого рода маркеров люди обычно проходят мимо старинных памятников даже не сознавая их древности <...> Аналогичным образом памятные доски спасают от забвения дома знаменитых людей»²⁰.

Однако при этом подобные маркеры и указательные знаки порой способны не только охранять историю, но и низводить ее до уровня тривиальности, наделяя статусом достопримечательности места, связанные с незначительными событиями даже с точки зрения локальных нарративов, манипулировать восприятием для получения выгоды. По мнению Д. Лоуэнталя, прошлое – достопримечательности – постоянно подвергается различным процессам

¹⁸ Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 310.

¹⁹ Там же. С. 407.

²⁰ Там же. С. 411–412.

изменения, таким, как идентификация (уже упомянутое наделение определенным статусом), экспонирование (демонстрация и посещение объектов), консервация (попытки защитить и сохранить экспонируемые реликвии прошлого в привычном облике), воссоздание (реставрация объектов, опять же, с целью их сохранения, пусть и путем нарушения их аутентичности), перемещение (перенос реликвий с целью снижения риска их утраты и с учетом возможности возвращения обратно), реадаптация (использование предметов старины в соответствии с современными потребностями), инсценировки (костюмированные реконструкции с целью воссоздать прошлое), копирование (создание реплик, повышающих узнаваемость реликвий и при этом воспринимающихся в большой степени как продукт и имеющих собственную ценность), эмуляция (свободное воссоздание прошлого, вызванного ностальгией, «вольная фантазия», включающая в том числе и элементы настоящего), коммеморация (создание монументов и мемориалов, напоминающих о конкретных эпохах, людях, событиях)²¹.

Вместе с тем В. Канштайнер отмечает, что многие из концептуально интересных исследований памяти тяготеют к термину «культурная память», чтобы сохранить и далее развить акцент М. Хальбвакса на материальности памяти. В этом контексте сопоставление Я. Ассманом коммуникативной (повседневной) и культурной памяти, по мнению В. Канштайнера, особенно полезно. Коммуникативная память понимается как повседневная коммуникация о смысле прошлого, характеризующаяся нестабильностью, дезорганизацией и неспециализированностью. Такие повседневные коммуникации характеризуются достаточно ограниченными временными рамками, варьирующимся от восьмидесяти до ста лет, и подвержены значительному воздействию со стороны современников рассматриваемых событий. Культурная же память, по Я. Ассману, представляет собой «корпус повторно используемых текстов, изображений и ритуалов, характерных для каждого общества в каждую

²¹ Там же. С. 409–490.

эпоху, чье «культивирование» служит стабилизации и передаче самовосприятия каждого общества». Именно на таком коллективном знании, по большей части прошлого, каждая группа основывает свое осознание единства и особенности²². Культурная память состоит из объективированной культуры, то есть текстов, обрядов, изображений, зданий и памятников, которые призваны напоминать о судьбоносных событиях в истории коллектива.

Кроме того, В. Канштайнер указывает на важное различие между потенциальными и актуальными культурными воспоминаниями, которое проводит Я. Ассман, утверждая, что культурные воспоминания возникают или в режиме потенциальности, когда репрезентации прошлого хранятся в архивах, библиотеках и музеях, или в режиме актуальности, когда эти репрезентации принимаются и получают новое значение в новых социальных и исторических контекстах. Эти различия предполагают, что конкретные представления прошлого могут пересекать весь спектр, от сферы коммуникативной памяти до сферы актуальной культурной памяти и, наконец, потенциальной культурной памяти (и наоборот). Но в процессе они меняют свою интенсивность, социальную глубину и значение²³. М. Стёкен указывает, что культурная память нестабильна и ненадежна, а ее подлинность вытекает не из раскрытия какого-либо изначального опыта, а из ее роли в обеспечении преемственности культуры, участия в создании ценностей в этой культуре и фундаментальной материальности, посредством которой эта культура определяется. Культурная память проявляется в разных и неожиданных формах и включает в себя в том числе фантазию, выдумку и реконструкцию, представляя собой процесс взаимодействия с прошлым, а не средство его вызова. Таким образом, основная задача культурной памяти – предоставление людям возможности наполнять прошлое ценностью в настоящем²⁴. Н. Г. Федотова отмечает, что культурная память подвержена изменениям и трансформациям под влиянием современных

²² Assmann J. *Collective Memory and Cultural Identity* // *New German Critique*. 1995. № 65. P. 132.

²³ Kansteiner W. *Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies* // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. Iss. 2. P. 182–183.

²⁴ Sturken M. *Op. cit.* P. 259.

условий, выступая ключевым инструментом интерпретации и конструирования реальности и представляя собой результат осмысления и репрезентации прошлого²⁵.

Среди основных функций культурной памяти, по мнению М. Л. Шуб, выделяются:

- накопительная, связанная с хранением передающейся от одного поколения к другому информации и характерная также для биологической памяти;

- идентификационная, предоставляющая обществу или его отдельным представителям возможность установить содержание общего прошлого, источник бытия, что, в свою очередь, придает смысл текущему состоянию и помогает обозначить направления дальнейшего развития;

- стабилизационная, удовлетворяющая свойственную человеку потребность в ощущении непрерывности времени, что способствует поддержанию необходимого уровня психологического комфорта; объяснительная, способствующая формированию у группы пространства опыта, смыслов, а также выполняющая нормативно-регулятивные задачи, поскольку она сохраняет и передает лишь те воспоминания, которые имеют значение для группы и способствуют формированию социально одобряемых моделей поведения среди ее членов;

- легитимизирующая, обосновывающая право на существование какого-либо явления или субъекта в настоящем;

- компенсаторная, включающая в себя преодоление недостатков настоящего посредством создания образа «идеального» прошлого²⁶.

М. Л. Шуб особо отмечает, что культурная память, рассматриваемая как надындивидуальное явление, представляет собой многослойный и многозначный конструкт. Разнообразие подходов к исследованию памяти

²⁵ Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании / О. Н. Астафьева, Н. Б. Кириллова, О. В. Шлыкова [и др]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. С.73.

²⁶ Шуб М. Л. Функции культурной памяти // Вестник культуры и искусств. 2016. № 4 (48). С. 71–74.

проявляется в использовании различными авторами отличающихся терминов для обозначения ее различных форм (таких как социальная, коллективная, культурная, историческая), причем одни и те же термины могут обозначать разные явления, а разные термины – сходные сущности. Кроме того, феномен памяти анализируется с различных точек зрения и методологических оснований, что усложняет четкое определение подходов к ее интерпретации²⁷.

Отметим, что в 1984–1992 гг. публикуется монументальный коллективный труд «Места памяти» под руководством французского историка П. Нора, в котором разрабатывается концепция так называемых мест памяти. «Места памяти», по мнению П. Нора, – это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем»²⁸. В качестве «мест памяти» могут выступать музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации и др. «Места памяти» возникают и существуют благодаря осознанию того, что спонтанной памяти недостаточно, поэтому необходимо создавать архивы, отмечать юбилеи, устраивать торжества, произносить поминальные речи, нотариально заверять документы, поскольку подобные действия не являются естественными. Эти места являются основными оплотами памяти – если бы воспоминания, хранящиеся там, оставались живыми, в этих укреплениях не было бы потребности. Если, наоборот, история не присвоила бы их, чтобы исказить и трансформировать, они не стали бы местами памяти. Именно такое колебание между ними определяет их сущность: места памяти – это «моменты истории, оторванные от течения истории, но вновь возвращенные ей»²⁹.

Помимо собственно изучения процессов запоминания и воспоминания, исследователи обращают внимание и на процесс забвения. Р. Тердиман утверждает, что самым устойчивым компонентом воспоминания

²⁷ Шуб М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов. Челябинск: ЧГИК, 2021. С. 52.

²⁸ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 26.

²⁹ Там же. С. 27.

становится забывание, исключение несохранного материала, что, в свою очередь, обеспечивает возможность самого процесса запоминания. Именно поэтому прошлое всегда представляет собой существенно модифицированную или размытую версию той информации, которая была доступна сознанию в момент, когда это прошлое являлось настоящим. Такая редукция является необходимым предварительным условием для создания представления о прошедшем, таким образом, утрата служит основой, делающей возможным само существование памяти о прошлом. Вместе с тем ностальгия – как беспрепятственное взаимодействие между настоящим и прошлым – остается чрезвычайно притягательной³⁰.

Однако ни сглаженное ностальгией восприятие прошлого, ни его редукция не способны исключить из настоящего необходимость интегрировать повторяющиеся и настойчивые рематериализации боли и несчастья³¹, поэтому особого внимания заслуживают исследования, касающиеся изучения памяти о драматических событиях. По мнению М. Л. Шуб, «защитные механизмы человеческой психики регулируют содержание памяти: они позволяют нивелировать травмирующие и, напротив, контрастно выделять наиболее приятные события прошлого»³². Е. Г. Трубина, в свою очередь, отмечает, что «травматические события – в силу своей интенсивности – не могут быть постигнуты с помощью обычных когнитивных приемов, а память о них сильно отличается от обычной»³³. Феномены коллективной памяти и культурной травмы оказываются взаимосвязаны: культурная травма представляет собой коллективное явление – сохраняемую поколениями память о значимых событиях, связанных с нарушением нормальности жизнедеятельности и привычного мировосприятия, изменяющим систему базовых ценностей и смыслов. Для нее характерны состояния напряженности и шока, наличие

³⁰ Terdiman R. Present past: modernity and the memory crisis. Ithaca: Cornell University Press, 1993. P. 22.

³¹ Ibid. P. 346.

³² Шуб М. Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования. Челябинск: ЧГИК, 2018. С. 177.

³³ Трубина Е. Множественная травма // Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 902.

проблемных аспектов и сильных эмоциональных переживаний, требующих разрешения. Культурная травма формируется в рамках общественного дискурса, конструируется и репрезентируется обществом, обладая инерционностью, сохраняется в памяти последующих поколений³⁴.

Особенно важным кажется замечание А. Маргалита относительно того, что люди не всегда обращают внимание на каналы передачи информации о различных событиях, однако при этом именно травмирующие события запоминаются детально – многие могут рассказать о том, как, когда и от кого узнали о том или ином трагическом происшествии, следовательно, понимают, через какие каналы были подключены к общей памяти. Значимость события, по мнению А. Маргалита, зависит от личной связи с тем, что произошло: «Мы разделяем не только память о том, что произошло, но и наше участие в этом»³⁵. При этом эмоциональная вовлеченность в событие не обязательно ограничивается одним сообществом памяти, хотя влияние произошедшего на «посторонних» оказывается не столь сильным.

Как считает К. Карут, страшные события становятся осмысленными и памятными и оказываются связаны не только с прошлым, но и с потенциальным будущим. Вместе с тем в условиях сильного страха или полной беспомощности переход между различными областями мозга нарушается. Стрессовые гормоны, вырабатываемые в таких ситуациях, могут повреждать области мозга, отвечающие за контекстуализацию ощущений. Это приводит к тому, что отдельные элементы восприятия не привязаны ко времени и пространству, не классифицированы и не сопоставлены с предыдущими переживаниями, оставаясь изолированными и лишенными смысла и принадлежности, а те, кто «пережили катастрофическое событие, оказываются скорее носителями истории, которая им не вполне принадлежит»³⁶.

³⁴ Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 32.

³⁵ Margalit A. Op. cit. P. 53.

³⁶ Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 562–568.

П. Нора указывает на то, что крупные конфликты XX века оказали колоссальное влияние на культуру памяти. Войны, тоталитарные режимы, геноциды и преступления, которые человечество совершило против себя, стали доминирующим образом эпохи памяти, а своего рода мемориальной матрицей прошлого века стал Холокост³⁷ – бедствие, которое радикально его преобразило. П. Нора отмечает, что именно Освенцим породил «обязанность помнить» и придал квазиисторический статус фигуре жертвы, чей образ теперь настолько силен, что вся прошлая история переосмысливается в ее свете, вместе со всеми правами человека и законами – правами мужчин, женщин, детей, животных, даже самой природы³⁸.

М. Ротберг отмечает, что появление памяти о Холокосте в глобальном масштабе не только не блокировало другие исторические воспоминания в конкурентной борьбе за признание, но и способствовало артикуляции других историй, некоторые из которых предшествовали нацистскому геноциду, как, например, рабство в США, а другие имели место позже – например, Алжирская война за независимость 1954–1962 гг. или резня в Сребренице в 1995 г.³⁹

В современном обществе, по мнению Е. Г. Трубиной, парадоксальным образом травма становится неотъемлемой частью нормативного порядка, придавая смысл самому человеческому существованию. Сегодня культура одержима катастрофами и травмами, что сочетается с манипулированием травматическими нарративами: массовая культура ассимилирует травму, используя разнообразные проверенные методы привлечения аудитории: от иллюзии примирения («богатые тоже плачут») до поверхностно-сенсационных обещаний «рассказать все». Катастрофические события, нарушая нормы и лишая смысла устоявшиеся ценности, обретают повествовательную форму, поскольку непостижимое неизбежно требует осмысления. Этот процесс осуществляется

³⁷ В оригинале П. Нора использует термин «Шоа».

³⁸ Nora P. Foreword // *Heritage, Memory and Identity* / H. Anheier and Y. Isar (eds). Thousand Oaks: Sage Publications, 2011. P. xi–xii.

³⁹ Rothberg M. *Multidirectional Memory: remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford: Stanford University Press. P. 6.

посредством существующих дискурсивных ресурсов и интегрируется либо в мифологию национальной исключительности, либо во вневременные трансцендентальные схемы⁴⁰.

М. Стёкен отмечает, что культурное значение не столько связано с памятным нарративом о конкретном объекте, таком как, например, Мемориал ветеранов Вьетнама или запечатленный момент катастрофы шаттла «Челленджер» в 1986 г., сколько производится в акте «потребления», когда зритель/гражданин взаимодействует с интерпретациями такого нарратива. То, что подобные объекты способны производить достаточно много противоречивых интерпретаций, не делает их менее эффективными как объекты памяти. По мнению исследовательницы, именно оспариваемые аспекты этих историй и воспоминаний производят их значение, наполняют их ценностью. При этом все больше размываются границы между собственно мемориалами как символами памяти, искусством и коммодификацией.

Так, образы, транслируемые в средствах медиаккультуры – в первую очередь через популярные кино-, теле- и видеофильмы, книги, фотографии, гораздо сильнее влияют на культурную память, чем, к примеру, свидетельство ветерана, который посещает Мемориал ветеранов Вьетнама⁴¹. Отметим, что такая медиатизация трагических событий подвергает их дополнительной художественной драматизации и способствует превращению памяти о подобных событиях в востребованный товар. Во избежание глобальной коммодификации воспоминаний особого внимания требуют реальные «места памяти», обладающие большей аутентичностью, чем многочисленные медиаобразы.

А. Ассман подтверждает это, указывая на тот факт, что определенная часть культурной памяти остается неподвижной и связанной с конкретными географическими местами, поэтому доступ к такой памяти возможен только

⁴⁰ Трубина Е. Множественная травма // Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 904–905.

⁴¹ Sturken M. Op. cit. P. 258.

посредством путешествия⁴². Среди значимых мест памяти А. Ассман выделяет мемориалы и травматические места. Мемориалы выступают важной формой коммеморативной практики, являясь объектами, наделенными важным «положительным смыслополаганием», которое способно преобразовать даже негативные воспоминания в позитивные нарративы и сыграть значительную роль в формировании коллективной идентичности.

Мемориал представляется как дань памяти основателям собственной культуры и выдающимся деятелям ее прошлого, чтобы возвысить настоящее⁴³. Травматические места, в свою очередь, оказывают сильное эмоциональное воздействие, характеризуются исторической многослойностью, сочетающей в себе элементы аутентичности и инсценированности (консервация и музеефикация со временем снижает степень аутентичности), и, в отличие от мемориалов, не поддаются однозначной символизации, предоставляя различным посетителям возможность восприятия места в соответствии с их собственным восприятием⁴⁴.

В контексте постмодернистской культуры понятия «память», «наследие» и «идентичность» тесно переплетаются между собой, дополняют друг друга, а также – перемещаются из сферы индивидуального в сферу коллективного⁴⁵. Более того, память и наследие оказываются основой идентичности, формируют ее. В современном понимании память включает в себя не только выстроенный официальный нарратив, но и аффективное и эмоциональное, сохраняющее не только позитивное, но и травматическое. Таким же образом наследие перестает ассоциироваться исключительно с возвышенным и высокой культурой, изменяется и становится материальным воплощением памяти, знаком, относящимся к прошлому, – и такая трансформация позволяет сегодня говорить о разных типах культурного наследия, в частности, о «трудном наследии».

⁴² Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 237.

⁴³ Ассман А. Указ. соч. С. 239.

⁴⁴ Там же. С. 241–246.

⁴⁵ Nora P. Op. cit. P. xi–xii.

1.2. «Трудное наследие» в контексте анализа проблем сохранения культурно-исторического наследия

Культурно-историческое наследие играет значимую роль в укреплении локальной идентичности, создании и трансляции нарративов, позволяющих лучше понять историю того или иного народа, а его изменения под влиянием условного глобального туристического «стандарта» может привести к большому числу негативных последствий. Вопросы сохранения культурно-исторического наследия как одного из основных элементов коллективной памяти занимают важное место в современных исследованиях.

В эпоху глобализации необходимость выявления и упрочения национальной и локальной идентичностей становится необычайно востребованной. Л. В. Кошман отмечает, что «национальное наследие, в котором заключена историческая память народа, – это самоидентификация, культурный код нации»⁴⁶.

В документах ЮНЕСКО подчеркивается, что культурное наследие представляет собой «бесценное и незаменимое достояние не только каждой конкретной нации, но и человечества в целом, а некоторые его составляющие (и материальные, и нематериальные) могут рассматриваться как обладающие универсальной ценностью»⁴⁷. Помимо собственно сохранения, среди своих первостепенных задач ЮНЕСКО видит и популяризацию культурного и природного наследия, в том числе в образовательных целях.

На протяжении многих лет ЮНЕСКО ведет большую работу по выявлению и защите значимых объектов культурно-исторического наследия, а принятая в 1972 г. Конвенция «Об охране всемирного культурного и природного наследия» представляет собой один из основных документов международной системы охраны объектов, относящихся к достоянию человечества. Согласно Конвенции, к культурному наследию относятся памятники, ансамбли и

⁴⁶ Кошман Л. В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 5. С. 8.

⁴⁷ Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/archive/opguide08-en.pdf> (accessed: 31.01.2024). P. 2.

достопримечательные места, обладающие выдающейся универсальной ценностью с точки зрения истории, искусства или науки⁴⁸. В 1992 г. ЮНЕСКО была введена еще одна категория, относящаяся к так называемому смешанному наследию, – культурные ландшафты, охватывающие разнообразие проявлений взаимодействия между человечеством и природной средой. Культурные ландшафты, включенные в список Всемирного исторического наследия, являются культурными объектами и представляют собой «совместные творения природы и человека». Культурные ландшафты делятся на три основных типа:

- четко определенные ландшафты, спроектированные и намеренно созданные людьми. В первую очередь это садовые и парковые ландшафты, созданные по эстетическим причинам, которые зачастую связаны с религиозными или другими монументальными зданиями и ансамблями;

- естественно развивавшиеся ландшафты, которые, в свою очередь, представлены двумя подтипами: реликтовый (или ископаемый) ландшафт и продолжающийся ландшафт, сохраняющий активную социальную роль в современном обществе, тесно связанном с традиционным образом жизни;

- ассоциативные культурные ландшафты, обладающие мощными религиозными, художественными или культурными ассоциациями природного компонента, а не материальных культурных свидетельств, которые могут быть незначительными или даже отсутствовать⁴⁹.

В 1994 г. на XVIII сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, прошедшего в Пхукете, было озвучено заключение по итогам экспертного совещания по «глобальной стратегии» и тематическим исследованиям для репрезентативного списка Всемирного наследия, состоявшегося в июне того же года, в котором особо подчеркивалась проблема, связанная с тем, что Список всемирного наследия основывался на почти исключительно «монументальной» концепции культурного наследия, игнорируя тот факт, что не только научные

⁴⁸ Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (accessed 21.02.2024).

⁴⁹ Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention 2023 // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed: 13.06.2024).

знания, но и интеллектуальные установки относительно масштаба понятия культурного наследия, вместе с восприятием и пониманием истории человеческих обществ, значительно развились за время с момента создания Конвенции – включая восприятие различными обществами своих ценностей, истории взаимоотношений с другими обществами. В 1972 г. идея культурного наследия была в значительной степени воплощалась в исследовании и сохранении исключительно архитектурных памятников. Однако с тех пор история культуры, искусства и архитектуры, археология, антропология и этнология начали концентрировать внимание не только и не столько на отдельных памятниках, исключенных при этом из общего социокультурного контекста, а на изучении уже целых культурных групп – сложных, многомерных, демонстрирующих определенный образ жизни, верований, системы знаний. Следовательно, по мнению экспертов ЮНЕСКО, важным стало рассматривать каждый отдельный объект культурного наследия не изолированно, а в глобальном контексте и с пониманием многочисленных взаимных связей объекта с окружающей средой.

Это стало обоснованием для отказа от идеи жестких ограничительных рамок для списка Всемирного наследия в пользу более динамичной концепции «глобальной стратегии», позволяющей принять во внимание все возможности для расширения всемирного наследия и обогащения его посредством новых типов достояния, ценность которых может стать очевидной по мере развития знаний и идей. Таким образом, список должен стать восприимчивым к многочисленным и разнообразным культурным проявлениям выдающейся универсальной ценности, посредством которых культуры выражали и выражают себя. Кроме того, концепция «глобальной стратегии» должна способствовать устранению возникшего к середине 1990-х гг. дисбаланса, выразившегося, в частности, в доминировании европейского культурно-исторического наследия по отношению к остальному миру; исторических городов и религиозных сооружений к другим типам объектов; христианства по отношению к другим религиям и верованиям; «элитарной» архитектуры по отношению к

вернакулярной архитектуре. Кроме того, значительно недопредставлены были период XX века и «живое» наследие – так, в очередной раз подчеркивалась важность изучения и включения в список Всемирного наследия культурных ландшафтов и в то же время – отказа от чисто архитектурного взгляда на культурное наследие человечества к гораздо более антропологическому, многофункциональному и универсальному и перехода от «монументального» и статичного взгляда к более всеобъемлющему и разнообразному восприятию богатства человеческих культур.

Важным становится привлечение региональных экспертов для сотрудничества с международным научным сообществом и проведение большего числа тематических исследований, сосредоточенных на новых или малоизвестных аспектах наследия, особенно в недопредставленных регионах, таких как Африка или Тихоокеанский регион, а не на категориях объектов, которые уже широко освещены в научной литературе⁵⁰.

Также на XVIII сессии Комитета был принят Нарский документ о подлинности, положения которого сегодня рекомендуется учитывать при оценке объектов, номинируемых для включения в список Всемирного наследия ЮНЕСКО: «Суждения о ценностях, связанных с наследием, и достоверность источников информации о них могут быть различными как для отдельных культур, так и внутри одной культуры. Следовательно, невозможно высказывать суждение о ценности и подлинности, исходя из строго фиксированных критериев. Напротив, уважение к многообразию культур требует, чтобы наследие изучалось и оценивалось в том культурном контексте, к которому оно принадлежит». Согласно этому документу, «крайне важно безотлагательно признать специфический характер ценностей наследия в рамках каждой

⁵⁰ Expert Meeting on the “Global Strategy” and thematic studies for a representative World Heritage List (UNESCO Headquarters, 20–22 June 1994) // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/archive/global94.htm#debut> (accessed: 13.06.2024).

отдельной культуры, и оценить достоверность и правдивость связанных с ними источников информации»⁵¹.

Таким образом, эксперты еще раз подчеркнули необходимость гибкого подхода к определению культурно-исторического наследия, а также наличие некоторого рода субъективности в понимании аутентичности каждой конкретной культурой.

В 2002 г. на XXVI сессии Комитета были сформулированы стратегические цели, направленные на консолидацию усилий по сохранению всемирного наследия, – так называемые «Четыре “си”»:

- credibility (достоверность) – укрепление списка Всемирного наследия как репрезентативного и географически сбалансированного списка культурных и природных объектов выдающейся универсальной ценности;

- conservation (сохранение) – обеспечение эффективного сохранения объектов всемирного наследия;

- capacity-building (наращивание потенциала) – содействие разработкам эффективных мер по наращиванию потенциала культурного, природного и смешанного наследия, включая помощь в подготовке номинации объектов в список Всемирного наследия, для понимания и реализации Конвенции о всемирном наследии и связанных с ней инструментов.

- communication (коммуникация) – повышение осведомленности общественности для участия в поддержке всемирного наследия посредством коммуникации⁵².

На XXXI сессии в 2007 г. этот список был дополнен пятой «си» – communities («сообщества») – подчеркивающей важнейшую роль локальных сообществ в вопросах выявления и сохранения культурно-исторического и природного наследия⁵³.

⁵¹ Report on the Conference on authenticity in relation to the World Heritage Convention // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/documents/734> (accessed: 13.06.2024).

⁵² Budapest Declaration On World Heritage // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1217/> (accessed: 13.06.2024).

⁵³ The “fifth C” for “Communities” // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/5197/> (accessed: 13.06.2024).

При этом звучала и критика подхода ЮНЕСКО к определению культурного наследия. В частности, ряд исследователей, таких как, например, Д. Бирн, Л. Мескелл, Я. Туртинен, А. Чадха⁵⁴ отмечали в своих работах, что требования ЮНЕСКО к объектам, которые могут быть включены в список Всемирного наследия, принуждают нации представлять свое наследие таким образом, чтобы конфликты не упоминались или соответствовали утвержденному набору политических вопросов.

Таким образом, была обозначена необходимость выработать определенные подходы к освещению наследия, представляющего историю разнообразных конфликтов, «места памяти», связанные с травматическим опытом и противоречивым восприятием в современном обществе, то есть так называемого трудного наследия.

По мнению Т. Рико, относительность конфликтов, демонстрируемая в описаниях первых объектов «трудного наследия», включенных в список Всемирного наследия, воспринималась как инструмент, который использовался для преобразования «*трудного наследия*» в приемлемое *выдающееся наследие*⁵⁵, что, в свою очередь, могло спровоцировать новые конфликты, как, например, протесты со стороны КНР и США, касающиеся включения в список Всемирного наследия в 1996 г. Мемориала Мира в Хиросиме. И КНР, и США указывали на отсутствие исторического контекста в репрезентации этого объекта – при этом оба государства понимали под историческим контекстом разные аспекты⁵⁶.

Также Т. Рико указывает на то, что в целом Конвенция способна поддерживать неоднородное понимание наследия в государствах-участниках и процесс демократизации наследия, в рамках которого государства-члены смогут

⁵⁴ См.: Byrne D. Western hegemony in archaeological heritage management // *History and Anthropology*. 1991. Vol. 5, Iss. 2. P. 269–276; Meskell L. Negative heritage and past mastering in archaeology // *Anthropological Quarterly*. 2002. Vol. 75. Iss. 3. P. 557–574; Turtinen J. Globalising heritage: on UNESCO and the transnational construction of a world heritage // *SCORE rapportserie*. Vol. 12. Stockholm: Stockholm Center for Organizational Research, 2000. 25 p.; Chadha A. Ambivalent heritage: between affect and ideology in a colonial cemetery // *Journal of Material Culture*. Vol. 11. Iss. 3. P. 339–363.

⁵⁵ Rico T. Negative Heritage: The Place of Conflict in World Heritage // *Conservation and Management of Archaeological Sites*. 2008. Vol. 10. № 4. P. 349.

⁵⁶ Inscription: Hiroshima Peace Memorial (Genbaku Dome) (Japan) : Decision 20 COM VIII.C // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2997> (accessed: 13.06.2024).

осуществлять свою свободу выбора негативного, «трудного» наследия в качестве составляющей своей идентичности⁵⁷. Основанием для подобных мнений служила, например, поправка, принятая ЮНЕСКО при включении концлагеря Освенцим в 1979 г. в список Всемирного наследия и ограничивающая включение в список подобных мест в дальнейшем⁵⁸. Кроме того, в справочном документе для Комитета Всемирного наследия также говорилось, что «в целях сохранения своего символического статуса как памятника всем жертвам Освенцим, по-видимому, должен оставаться изолированным. Другими словами, мы рекомендуем, чтобы он стоял особняком среди культурных объектов, свидетельствуя о глубине ужаса и страданий, а также о высоте героизма, и чтобы все другие места того же характера символизировались через него», а «места, представляющие положительные и отрицательные стороны человеческой истории, будут наделены реальной силой только в том случае, если мы превратим самые выдающиеся из них в уникальные символы, каждый из которых будет означать целую серию подобных событий. По этому принципу Освенцим будет включен в список, но не станет прецедентом для целой серии подобных мест»⁵⁹.

Своеобразным ответом на претензии такого рода стала проведенная в 2018 г. Международная конференция по реконструкции, посвященная проблемам восстановления всемирного наследия, по итогам которой были созданы Варшавские рекомендации по восстановлению и реконструкции культурного наследия. В документе была освещена проблема существования различных видов политики «культурной чистки», а также указано, что реставрация пострадавшего культурно-исторического наследия является эффективным средством для подтверждения своей идентичности, восстановления своего достоинства и создания условий для устойчивого

⁵⁷ Rico T. Op. cit. P. 350.

⁵⁸ Report of the rapporteur on the Third Session of the World Heritage Committee // UNESCO [site]. URL: <https://whc.unesco.org/document/730> (accessed: 13.06.2024). P. 11.

⁵⁹ Evaluations of World Heritage Nominations related to Sites Associated with Memories of Recent Conflicts // ICOMOS [site]. URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/World_Heritage/ICOMOS_Discussion_paper_Sites_associated_with_Memories_of_Recent_Conflicts.pdf (accessed: 13.06.2024). P. 6.

социального и экономического возрождения и преодоления травмы конфликтов, войн и катастроф.

По мнению экспертов ЮНЕСКО, работа над восстановлением культурно-исторического наследия открывает уникальные возможности, особенно в контексте процессов стабилизации, для содействия взаимному признанию, поощрения диалога и создания основы для примирения между всеми слоями общества, в частности, в районах, характеризующихся сильным культурным разнообразием.

Вместе с тем в рекомендациях особо подчеркивается тот факт, что увековечение памяти о разрушении должно быть рассмотрено для сообществ и заинтересованных сторон. По мере необходимости фиксирование памяти о травмирующих событиях может быть произведено посредством сохранения отдельных остатков разрушений, которые могут использоваться в образовательных или туристических целях. В контексте постконфликтного восстановления и реконструкции такие места должны быть интегрированы в максимально возможной степени общее повествование о травматических событиях, которые привели к разрушению, отражая взгляды всех слоев общества, чтобы способствовать взаимному признанию и социальной сплоченности, а также создавать условия для примирения⁶⁰.

Таким образом, изначальные достаточно жесткие унифицированные рамки критериев всемирного наследия за пять десятилетий претерпели значительные изменения, что показывает – «универсальная ценность» тех или иных объектов не означает исключения этих объектов из социокультурного контекста, не отрицает возможность их развития (однако с учетом разработанных рекомендаций), не изолирует их от локальной культуры и окружающей реальности. Более того, некоторые изменения объектов наследия оказываются не менее важны для местной культуры, фиксируют трансформацию общества и течение истории.

⁶⁰ Warsaw recommendation on recovery and reconstruction of cultural heritage // UNESCO [site]. URL: <https://whc.unesco.org/en/news/1826> (accessed: 13.06.2024).

Такой сдвиг в понимании ЮНЕСКО культурно-исторического наследия позволяет рассматривать в качестве всемирного наследия, обладающего универсальной ценностью, и многочисленные объекты «трудного наследия», что подтверждается тем, что на сессиях Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2023 г. и 2024 г. в список были включены такие объекты, как погребальные и мемориальные комплексы Первой мировой войны (Западный фронт) во Франции и Бельгии; мемориальные комплексы геноцида Ньямата, Мурамби, Гисози и Бисеро в Руанде; памятные места Н. Манделы (ЮАР), в состав которых входит также место массового убийства протестовавших против несправедливых «законов о пропусках» в Шарпевиле в 1960 г.

К вопросам изучения «трудного наследия» научное сообщество обратилось в середине 1990-х гг., однако этому предшествовал ряд предпосылок, в частности, развитие *memory studies* и появление работ Д. Лоуэнталя, П. Нора, Дж. Э. Янга, А. Хёйссена⁶¹, процессы «второй музейной революции», которая развернулась в конце 1960-х – начале 1970-х гг. как реакция на культурный и институциональный кризис того времени⁶². Важными этапами стали принятие Декларации Сантьяго-де-Чили в 1972 г., пересмотр определения музея Международным советом музеев (ИКОМ) и, соответственно, появление новых типов музеев.

Эти изменения способствовали возникновению попыток создания мемориальных комплексов на местах трагических событий, таких как преступления против человечности. Первые подобные инициативы появились еще на рубеже 1950–1960-х гг., например, в Польше, Германии и Израиле⁶³. Именно в контексте управления наследием проблема «трудного наследия» получила свое первое четкое теоретическое оформление – в работе Дж. Э. Танбриджа и Г. Дж. Эшворта «Диссонантное наследие: управление

⁶¹ См.: Huyssen A. The Politics of Identification: “Holocaust” and West German Drama // *New German Critique*. 1980. № 19. Special Iss. 1: Germans and Jews. P. 117–136; Лоуэнталь Д. Указ. соч.; Франция-память; Young J. E. The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. New Haven; London: Yale University Press, 1993.

⁶² Ананьев В. Г. К вопросу о периодизации музеологии // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2013. № 2 (34). С. 38–42.

⁶³ Серикова А. Ю. Трудное наследие в работах зарубежных исследователей: сущность и трактовки // *Вестник СПбГИК*. 2022. № 3 (52). С. 109.

прошлым как ресурсом в конфликте», опубликованной в 1996 г. Дж. Э. Танбридж и Г. Дж. Эшворт применяют понятие «диссонанс» для анализа принципов и практик управления наследием. Хотя анализ противоречий в представлении прошлого и управлении наследием не является новым явлением (об этом упоминал, к примеру, и Д. Лоуэнталь), авторы более подробно рассматривают вопросы локальной специфики наследия, включая «наследие злодеяний» (*heritage of atrocity*), то есть акцентируют внимание на тех аспектах человеческой истории, которые зачастую игнорируются интерпретаторами и менеджерами объектов наследия. В контексте исследования Дж. Э. Танбриджа и Г. Дж. Эшворта *диссонантным* оказывается наследие, вызывающее конфликты («диссонансы»), возникающие при его идентификации, администрировании, продвижении и интерпретации.

Таким образом, практически любое наследие оказывается «диссонантным» – полностью или частично, фактически или потенциально⁶⁴, на разных уровнях. В качестве основных причин для появления «диссонанса» в наследии авторы называют возможные конфликты, связанные с коммодификацией наследия (вопросы уместности превращения подобных объектов в продукт, негативная реакция локального сообщества на такие процессы), местом расположения наследия (возможность развития объекта как значимого объекта наследия в целом, потенциальная негативная реакция разных социальных групп в локальном сообществе), создаваемых и транслируемых нарративов, утраты наследия, а также спонтанных региональных культурных конфликтов⁶⁵.

В качестве особого типа «диссонантного» наследия, как уже отмечалось, Дж. Э. Танбридж и Г. Дж. Эшворт выделяют «наследие злодеяний», где под «злодеянием» подразумеваются «акты особой жестокости, злобы или беспощадности, преднамеренно совершаемые людьми против людей», а также «события, которые особенно шокируют или ужасают других»⁶⁶. При управлении

⁶⁴ Tunbridge J. E. Ashworth G. J. *Dissonant Heritage: the management of the past as a resource in conflict*. Chichester: John Wiley & Sons, 1996. P. 21.

⁶⁵ *Ibid.* P. 21–33.

⁶⁶ *Ibid.* P. 95.

таким наследием проблемы «диссонанса» становятся особенно заметными. Основными категориями «наследия злодеяний» являются:

- злодеяния, возникающие в результате усугубления стихийных или случайных бедствий предполагаемыми действиями или халатностью человека (например, Великий голод в Ирландии в 1845–1852 гг. или крушение «Титаника» в 1912 г.);

- злодеяния, интерпретируемые как совершенные целой категорией людей против другой категории в качестве автоматического следствия подобного группового членства (например, Амритсарская бойня – расстрел демонстрации мирных жителей в индийском Амритсаре колониальными войсками Британской империи в 1919 г. или уже упоминавшийся расстрел мирной демонстрации протеста чернокожих в южноафриканском Шарпевиле в 1960 г.; также экологические злодеяния – такие, как истребление черного носорога в Западной Африке или выброс нефти из танкера «Эксон Валдиз» в 1989 г.);

- злодеяния, возникающие в результате войны или в контексте войны (например, преступления, совершенные в ходе Второй мировой войны).

Также Дж. Э. Танбридж и Г. Дж. Эшворт выделяют специфические категории:

- злодеяния, сегодня воспринимающиеся как существовавшие в прежних судебных системах (культурные злодеяния, как, например, исключение лингвистических групп из официальных мероприятий и сдерживание использования местных языков как основных элементов локальной идентичности в таких регионах как Фландрия, Уэльс, Бретань, Каталония и др.);

- злодеяний, связанные с преследованием групп по расовым, этническим или социальным причинам (авторы не приводят примеров, однако можно отметить сходство причин этих злодеяний со злодеяниями, совершенными одной категорией людей против другой категории, рассмотренными выше);

- злодеяния – массовые убийства или резня (например, «полицейские операции» Нидерландов в Индонезии в 1947–1948 гг.; массовое убийство мирных жителей, совершенное солдатами армии США в деревенской общине

Сонгми в Южном Вьетнаме в 1968 г.; также категория связана с категорией злодеяний во время войн);

- злодеяния, которые можно отнести к самым крайним проявлениям жестокости – геноцидам (например, Холокост, геноцид в Камбодже, организованный режимом «красных кхмеров» в 1975–1979 гг., геноцид против тутси в Руанде по приказу правительства хуту в 1994 г.)⁶⁷.

Тем не менее, несмотря на значительный вклад авторов в выявление базовых ценностных конфликтов и разработку основ активного управления «диссонантным» наследием, многие вопросы все же остались нерешенными⁶⁸ и лишь обозначили существование определенных трудностей в развитии объектов наследия как достопримечательностей, то есть объектов, привлекающих разные группы посетителей, включая туристов, для которых не все локальные нарративы оказываются очевидными, а память о конкретных событиях – значимой.

О необходимости своевременной идентификации и репрезентации объектов «трудного наследия» как значимых достопримечательных мест в том же 1996 г. говорили М. Фоли и Дж. Дж. Леннон, указывая на то, что интерес к интерпретации наследия, связанного со смертью и катастрофами, значительно возрастает после освещения подобных событий в мировых СМИ, на телевидении, в кино, популярных романах и песнях. Особенно значимым, по мнению исследователей, оказывается отображение в кино недавних исторических эпизодов, вызвавших широкий общественный резонанс и оказавшихся в центре обсуждений в медиа. В качестве конкретных примеров подобного явления авторы приводят повышенное внимание к теме Холокоста, вызванное фильмом С. Спилберга «Список Шиндлера», а также убийство Дж. Ф. Кеннеди и картину О. Стоуна «JFK»⁶⁹. Популяризация определенных тем

⁶⁷ Tunbridge J. E. Ashworth G. J. Op. cit. P. 95–108.

⁶⁸ Hall C. M. Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict by J. E. Tunbridge and G. J. Ashworth // *Annals of Tourism Research*. 1997. Vol. 24. Iss. 2. P. 498.

⁶⁹ Foley M., Lennon J. J. Editorial: Heart of darkness // *International Journal of Heritage Studies*. 1996. Vol. 2. Iss. 4. P. 197.

посредством медиа становится причиной не только повышенного интереса к изучению истории, но стремление посетить конкретные музеи или места, непосредственно связанные с определенными событиями.

После выхода книги Дж. Э. Танбриджа и Г. Дж. Эшворта многих ученых привлекли проблемы, связанные именно с осмыслением «наследия злодеяний».

В ходе изучения феномена стали появляться новые термины, которые, по мнению их авторов, более точно характеризовали это явление. Так, помимо диссонантного (или противоречивого) наследия и «наследия злодеяний», в научной литературе широко распространены такие понятия, как трудное наследие (*difficult heritage*), оспариваемое наследие (*contested heritage*) и темное или мрачное наследие (*dark heritage*); также используются термины некомфортное наследие (*uncomfortable heritage*), токсичное наследие (*toxic heritage*)⁷⁰, нежелательное наследие (*undesirable heritage* или *unwanted heritage*), негативное наследие (*negative heritage*), травматическое наследие (*traumatic heritage*) и др.

Важной вехой в исследовании подобного наследия стала опубликованная в 2009 г. работа антрополога Ш. Макдональд «Трудное наследие: преодоление нацистского прошлого в Нюрнберге и за его пределами», в которой в научный оборот и было введено понятие «трудное наследие». В концепции Ш. Макдональд «трудное наследие» – это «прошлое, которое признается значимым в настоящем, но также оспариваемым и неудобным для общественного примирения с позитивной, самоутверждающейся современной идентичностью»⁷¹. Ш. Макдональд отмечает, что «трудное наследие» зачастую оказывается проблематичным, поскольку может спровоцировать социальные разногласия в настоящем. Такое наследие тревожит и воспринимается неудобным, а не тем, что можно праздновать или как минимум спокойно признавать в качестве части ценной истории нации или города, соответственно,

⁷⁰ Серикова А. Ю. Трудное наследие в работах зарубежных исследователей: сущность и трактовки // Вестник СПбГИК. 2022. № 3 (52). С. 108.

⁷¹ Macdonald S. *Difficult heritage: negotiating the Nazi past in Nuremberg and beyond*. Oxon: Routledge, 2009. P. 1.

его публичное представление и восприятие создает определенные сложности, в первую очередь в вопросах практики отбора и сохранения.

Изучение «трудного наследия» демонстрирует непростую взаимосвязь между идентичностью, памятью, а также временными категориями прошлого, настоящего и будущего. Ш. Макдональд показывает, что Дж. Э. Танбридж и Г. Дж. Эшворт в своей классификации «наследия злодеяний» учитывают только непосредственно связанные с конкретными злодеяниями места, в то время как есть и объекты «совершения на расстоянии» (*perpetration at a distance*), то есть объекты, являющиеся частью аппарата совершения злодеяния, но не местами, в которых страдания были причинены напрямую (например, вилла Ванзее в Берлине, где 20 января 1942 г. была проведена Ванзейская конференция, на которой представители правительства нацистской Германии и органов СС определили пути и средства «окончательного решения еврейского вопроса», то есть программы геноцида еврейского населения в Европе). Несмотря на то, что все места злодеяний вызывают трудности публичного представления, в первую очередь связанные с тем, как изображается страдание, есть и некоторые специфические дилеммы, касающиеся мест «совершения на расстоянии».

По мнению Ш. Макдональд, презентация наследия и музеефикация обычно рассматриваются как маркеры «достойной» истории, то есть наследия, которое заслуживает восхищения или увековечения в памяти – следовательно, сохранение и публичная демонстрация мест злодеяний могут быть истолкованы как наделение злодеяний своеобразной легитимностью в силу «эффекта наследия», то есть «чувствительности, основанной на определенных визуальных и воплощенных практиках, вызванных определенными типами пространств и способами показа»⁷². Более того, Ш. Макдональд отмечает, что существует риск того, что подобные места могут со временем стать местами паломничества у поклонников преступников. Следовательно, «трудное наследие» должно в первую очередь быть представлено как образовательные экспозиции.

⁷² Macdonald S. Op. cit. P. 3.

Ш. Макдональд также говорит о том, что «трудное наследие» следует рассматривать не как аналитическую категорию, а как исторический и этнографический феномен, как особую совокупность дискурсов и материальных представлений о чем-то неудобном и проблематичном. Такой подход позволяет обратить внимание исследователей не только на содержание истории или памяти, но и на вопросы коммуникаций, посредством которых они структурируются, и, в частности, на то, каким образом те или иные виды прошлого вовлекаются в публичную культуру. Это особенно важно для современной культуры, создающей большое количество различных мемориальных досок, информационных щитов, музеев, памятников, олицетворяющих наследие как значимое прошлое, которое следует помнить.

Сегодня многие социальные, этнические и другие группы стремятся обеспечить себе публичное признание посредством идентификации и демонстрации «своего» наследия, включая все больше и больше зданий и других объектов в качестве свидетельств истории. Музеи и объекты культурно-исторического наследия становятся ключевыми компонентами «маркетинга мест» и «управления имиджем», привлекая посетителей со всего мира в места, которые могут претендовать на статус наследия, достойное посещения⁷³. В контексте такого глобального увлечения коммеморацией необходимо грамотно представлять и особые виды наследия (как, например, «трудное наследие») во избежание провоцирования новых конфликтов или, как уже было отмечено ранее, легитимации преступлений, совершенных в прошлом, непреднамеренной трансформации их в «достойное» наследие, которым нужно гордиться.

Исследование Ш. Макдональд в основном посвящено анализу «трудного наследия», связанного с местами проведения съездов нацистской партии в Нюрнберге, вместе с тем многие выводы можно экстраполировать на восприятие «трудного наследия» в целом. В первую очередь это указание на то, что, его репрезентация и посещение объектов «трудного наследия» становится поводом

⁷³ Macdonald S. Op. cit. P. 1.

для размышлений. Конкретные объекты, относящиеся к «трудному наследию», – это то, что люди, с одной стороны, признают похожим в некоторых отношениях на другие подобные места, но, с другой стороны, в то же время признают уникальными, отличительными чертами, присущими локальной истории и культуре; такое восприятие побуждает посетителей проводить сравнения и задавать вопросы. Зачастую «трудное наследие» представляет собой своего рода палимпсест – пространство из многих слоев, с фрагментами и следами из разного прошлого, проступающими в настоящем. Подобные объекты провоцируют рефлексию, размышления не только о собственно прошлом, но и о том, как оно по-разному обсуждалось в разное время⁷⁴.

Трактовка Ш. Макдональд позволяет включать в категорию «трудного наследия» самые разные объекты и места, учитывать локальную специфику и представления. «Трудное наследие», по мнению Ш. Макдональд, имеет потенциал для того, чтобы расстраивать посетителей, вызывать тревогу – но именно эти черты превращают объекты «трудного наследия» в места для развития критического и этического мышления⁷⁵.

Схожую идею относительно функций «трудного наследия» высказывают и И. ван Хейс, С. Каасик-Крогерус, Т. Ляхдесмяки и Л. Эллена, утверждая, что противоречивость «трудного наследия» следует понимать не только как «кульминацию расходящихся взглядов или как открытый конфликт по поводу значений наследия», а осмыслять в контексте постоянно меняющихся ценностей, которые приписываются наследию как во времени, так и внутри сообществ и во взаимодействии между ними⁷⁶. В таком ключе важными становятся задачи избегания тривиализации и чрезмерной эксплуатации такого наследия.

В рамках отечественных исследований «трудного наследия» Е. Н. Мастеница и А. Ю. Серикова выделяют три тематических блока: первый

⁷⁴ Macdonald S. Op. cit. P. 190–191.

⁷⁵ Ibid. P. 192.

⁷⁶ van Huis I., Kaasik-Krogerus S., Lähdesmäki T., Ellena L. Introduction: Europe, Heritage and Memory – Dissonant Encounters and Explorations // *Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe*. Cham: Springer Nature Switzerland; Palgrave Macmillan. P. 8.

связан с попытками теоретического осмысления этого вида наследия и представлен в первую очередь работами М. Б. Гнедовского, В. Г. Ананьева, предлагающими такие понятия, как «музей совести», «историческое место совести» и др.⁷⁷ М. Б. Гнедовский противопоставляет культурное наследие, выражающее «доставшиеся нам от прошлых поколений позитивные ценности» – истину, добро и красоту, и наследие «со знаком минус, рассказывающее о насилии, страданиях и несправедливости»⁷⁸.

Второй тематический блок посвящен описанию и анализу деятельности конкретных российских музеев, занимающихся работой с трудным наследием. Значительное внимание уделяется памяти о ГУЛАГе как ведущем историческом нарративе «трудного наследия» России. В качестве особенности этого блока работ Е. Н. Мастеница и А. Ю. Серикова называют наблюдаемое на данный момент «географическое» разграничение исследовательских подходов. По мнению авторов, столичные музеи обладают большими возможностями для углубленного теоретического осмысления музейного опыта по сохранению памяти о трагических событиях, тогда как региональные музеи чаще ограничиваются описанием экспозиций, выставок, фондов и культурно-образовательных программ.

Третий тематический блок отечественных исследований связан с изучением зарубежного опыта по работе с трудным наследием, в основном касающимся проблем репрезентации Холокоста в различных странах⁷⁹.

Н. В. Самовер отмечает тот факт, что Россия в вопросах репрезентации «трудного наследия» движется в общем русле – список различных событий и проектов в музейной сфере, касающихся вопросов «трудного наследия», постоянно пополняется⁸⁰. В последние годы активно разрабатываются новые

⁷⁷ Мастеница Е. Н., Серикова А. Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // Образование и культурное пространство. 2021. № 1. С. 79–80.

⁷⁸ Цит. по. Самовер Н. В. «Трудное» наследие как Всемирное: Россия в контексте международного опыта // Журнал Института Наследия. 2018. № 3 (14). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/241.html> (дата обращения: 15.07.2024).

⁷⁹ Мастеница Е. Н., Серикова А. Ю. Указ. соч. С. 80–81.

⁸⁰ Самовер Н. В. «Трудное» наследие как Всемирное: Россия в контексте международного опыта // Журнал Института Наследия. 2018. № 3 (14). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/241.html> (дата обращения: 15.07.2024).

области исследования «трудного наследия», связанные с наследием революций, Гражданской и Великой Отечественной войн⁸¹. Л. И. Скрипкина подчеркивает, что в настоящее время «трудным для интерпретации наследием можно назвать большинство исторических событий и фактов»⁸².

В. С. Стаф указывает на то, что одной из ключевых проблем современного российского общества продолжают оставаться различные аспекты коллективной памяти⁸³. Это подтверждается тем, что в фокусе отечественных работ по изучению «трудного наследия» находятся в первую очередь музейные практики, связанные с трансляцией мемориальных нарративов, а также деятельность мемориальных музеев, ориентированных на интерпретацию «трудного наследия»; иные объекты «трудного наследия» (например, собственно мемориалы, аутентичные места трагедий, катастроф и др.) практически не исследуются.

На основе рассмотренных подходов можно предложить определение *«трудного наследия» как наследия, способного вызвать определенные противоречия в локальном обществе относительно необходимости его репрезентации и коммодификации, а также смешанные эмоции, но при этом располагающее к рефлексии относительно прошлого, настоящего и будущего*. В первую очередь такое наследие ассоциируется с «наследием злодеяний», однако не исчерпывается им, включая в себя и иные неоднозначно воспринимаемые объекты. Например, в ряде случаев трудным наследием может оказаться индустриальное наследие или разнообразные заброшенные и руинированные объекты, которые сложно вписать в современное социокультурное пространство, даже если они обладают определенной культурной значимостью.

⁸¹ «Трудное наследие» российской истории в экспозиционно-выставочной деятельности музеев: Межрегиональный научный семинар в рамках заседания Научного совета исторических и краеведческих музеев РФ. Рязань, 25–27 апреля 2018 г.: материалы и доклады / отв. ред. И.В. Чувилова. Рязань: Издатель Ситников, 2019.

⁸² Скрипкина Л. И. Проблемы презентации «трудного наследия» в экспозиционно-выставочной работе историко-краеведческих музеев // «Трудное наследие» российской истории в экспозиционно-выставочной деятельности музеев: Межрегиональный научный семинар в рамках заседания Научного совета исторических и краеведческих музеев РФ. Рязань, 25–27 апреля 2018 г.: материалы и доклады. Рязань: Издатель Ситников, 2019. С. 12.

⁸³ Стаф В. С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 186.

Следует отметить, что важным аспектом исследований «трудного наследия» стало его включение в поле изучения не только собственно наследия, памяти и травм (heritage, memory и trauma studies), но и – парадоксальным образом – туризма (tourism studies). Еще в 1996 г. исследователь туризма Т. Ситон отметил, что «смерть – это единственное наследие, которое разделяют все, и она является элементом туризма дольше, чем любая другая форма наследия»⁸⁴. Систематический обзор литературы по оспариваемому наследию, опубликованной в период с 1996 по 2019 гг. в англоязычных журналах, индексируемых в международных базах данных, показал, что наибольшее количество статей, посвященных изучению такого наследия, опубликовано в дисциплинах «Наследие» и «Туризм»⁸⁵. При этом авторы особо подчеркивают тот факт, что термин и его вариации активно используются, но редко получают определение, исследования сфокусированы на анализе как конкретных кейсов, связанных с послевоенным, постколониальным и посткатастрофическим контекстами, так и более нейтральных объектов, включающих исторические кварталы, традиционные ритуалы, религиозные объекты и даже антиквариат⁸⁶, что также созвучно широкому пониманию «трудного наследия», позволяющего рассматривать его как важный туристический ресурс в рамках культурно-познавательного туризма.

1.3. Концепты «трудное наследие» и «места памяти» в структуре изучения культурно-познавательного туризма

Среди наиболее эффективных инструментов для продвижения культурно-исторического наследия и привлечения к нему самой широкой аудитории специалисты ЮНЕСКО называют туризм – в первую очередь, культурно-познавательный туризм и его многочисленные разновидности. С 2015 г.

⁸⁴ Seaton A. V. Guided by the Dark: from thanatopsis to thanatourism // International Journal of Heritage Studies. 1996. Vol. 2. Iss. 4. P. 234.

⁸⁵ Liu Y., Dupre K., Jin X. A systematic review of literature on contested heritage // Current Issues in Tourism. 2020. Vol. 24. Iss. 4. P. 446.

⁸⁶ Liu Y., Dupre K., Jin X. Op. cit. P. 448–449.

совместно с ООН Туризм (до 2024 г. – Всемирная туристская организация, ЮНВТО/UNWTO) ЮНЕСКО проводит Всемирные конференции по туризму и культуре. Была разработана также Программа ЮНЕСКО по всемирному наследию и устойчивому туризму, в которой указывается, что сектор туризма играет важную роль в его сохранении всемирного наследия и обеспечивает поддержку социального и экономического развития этих объектов⁸⁷.

В Киотской декларации ЮНЕСКО и ООН Туризма, принятой в 2019 г. в рамках IV Всемирной конференции по туризму и культуре, говорится, что в настоящее время требуется укрепление мер, направленных на сохранение материального и нематериального наследия, поощрение и охрана разнообразия форм культурного самовыражения и соответствующих ценностей, а также необходима разработка мер политики для смягчения вызванного сверхтуризмом негативного воздействия на использование культурных и природных ресурсов, в особенности объектов, входящих в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Кроме того, особо подчеркивается необходимость создания инициатив, объединяющих в туристических локациях практических специалистов и носителей традиционных знаний для укрепления систем, передающих культурные ценности будущим поколениям⁸⁸, таким образом, важнейшей задачей на сегодняшний день представляется сохранение локальных культурных идентичностей.

На XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН Туризма в 2017 г. было утверждено определение культурно-познавательного туризма – «тип туристической деятельности, в котором основной мотивацией посетителя является изучение, открытие, получение опыта и потребление материальных и нематериальных культурных достопримечательностей/продуктов в туристической дестинации»⁸⁹. В качестве примеров таких

⁸⁷ UNESCO World Heritage and Sustainable Tourism Programme // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/uploads/activities/documents/activity-669-7.pdf> (accessed 01.03.2024).

⁸⁸ Kyoto Declaration on Tourism and Culture: Investing in future generations // UN Tourism. URL: https://prewebunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2019-12/Kyoto-Declaration_FINAL_13122019.pdf (accessed 01.03.2024).

⁸⁹ Tourism and Culture // UN Tourism. URL: <https://www.unwto.org/tourism-and-culture> (accessed 01.03.2024).

достопримечательностей и продуктов называются искусство, архитектура, историческое и культурное наследие, кулинарное наследие, литература, музыка, творческие индустрии и культура жизни (жизненный уклад, верования и традиции).

В 2022 г. Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) в рамках ежегодной Генеральной Ассамблеи принял новую версию своей Международной хартии по туризму в сфере культурного наследия, в которой утверждается следующее определение культурно-познавательного туризма – еще более широкое, чем определение, предложенное ООН Туризмом: «все виды туристической деятельности в местах и направлениях наследия, включая разнообразие и взаимозависимость их материальных, нематериальных, культурных, природных, прошлых и современных измерений»⁹⁰. В Хартии особо подчеркивается, что брендинг и маркетинг культурного наследия стимулировали рост туризма в дестинациях, продвигающих свое культурно-историческое наследие. Такой интерес туристов и туристического сектора к материальному и нематериальному наследию способствовал повышению осведомленности местных сообществ о ценности их наследия и его критической важности для качества их жизни и идентичности, осознанию необходимости обеспечения того, чтобы туризм поддерживал, а не разрушал наследие и традиции. Таким образом, локальные сообщества, «хозяева», имеют первоочередное право выражать свои взгляды на наследие и управлять им в соответствии со своими устоявшимися практиками и значениями и при необходимости противостоять навязыванию туристических стандартов извне.

Известный исследователь культурно-познавательного туризма, регулярно публикующий научные работы по этому направлению на протяжении 30 лет, Г. Ричардс также указывает на то, что практически невозможно дать

⁹⁰ ICOMOS International Charter for Cultural Heritage Tourism (2022): Reinforcing cultural heritage protection and community resilience through responsible and sustainable tourism management // ICOMOS. URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Secretariat/2023/CSI/eng-franc_ICHTCharter.pdf (accessed 01.03.2024).

исчерпывающие общие определения понятий «культурно-познавательный туризм» и «культурное наследие», в связи с чем большинство современных исследований сосредоточено на изучении частных проблем, связанных с потреблением культуры (мотивация туристов, их поведение) или производством культурного опыта (например, границы понятия «аутентичность» в туризме, удовлетворенность от посещения объектов культурно-познавательного туризма). При этом Г. Ричардс подчеркивает, что сегодня в контексте туризма становится все труднее разделять потребление и производство, поскольку в своем стремлении к получению уникального и аутентичного опыта туристы начинают играть все более активную роль во взаимодействии с локальной культурой – сегодня в культурно-познавательном туризме наблюдается высокий спрос на иммерсивные и перформативные практики⁹¹.

Во все более усложняющемся постмодернистском потребительском ландшафте типичные категории, такие как «музей», «памятник» или «тематический парк» перестают быть показательными⁹², количество объектов, включаемых в рамки культурно-познавательного туризма и его нишевых видов стремительно растет – и каждая новая категория объектов обладает своей спецификой, которую необходимо учитывать при трансформации в туристическую достопримечательность.

Можно констатировать, что в контексте туристической индустрии культура и культурно-историческое наследие в их самом широком понимании предстают в качестве основы для захватывающего путешествия во времени, погружения в миры прошлого, вместе с тем оно должно быть аутентичным и репрезентативным⁹³. Развитие культурно-познавательного туризма становится важным направлением как для внутреннего туризма (воспитание чувства гордости, осознание национальной идентичности), так и для въездного

⁹¹ Richards G. Rethinking cultural tourism. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 11.

⁹² Richards G. What is cultural tourism? // Erfgoed voor toerisme: een visie van de gezamenlijke erfgoedkoepels op erfgoed en cultuurtoerisme / E.den Hartigh, A. van Maaren (eds.). Amsterdam: Stichting Nationaal Contact Monumenten, 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/324031354_What_is_Cultural_Tourism.

⁹³ Gautschi P., Hodel J. Public History and Tourism – A Success Story? // Public History Weekly. 2023. Vol. 11. № 4. URL: [dx.doi.org/10.1515/phw-2023-21496](https://doi.org/10.1515/phw-2023-21496) (accessed: 01.03.2024).

(понимание истории и культуры другой страны)⁹⁴. Также культурно-познавательный туризм способствует преодолению различных стереотипов, предрассудков и страхов как в отношении чужой, так и в отношении собственной культуры⁹⁵.

Культурно-познавательный туризм сегодня является одним из основных направлений глобального туризма. Исследования ООН Туризма показывают, что в среднем 30 % туристов указывают знакомство с наследием страны, куда они отправляются, в качестве основной мотивации, а еще 17 % – в качестве вторичной, таким образом, почти 50 % путешественников заинтересованы в культурно-исторической составляющей поездки, а 85 % стран используют культурно-историческое (как материальное, так и нематериальное) наследие как важный элемент своего туристического бренда⁹⁶. Согласно данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), в настоящее время каждое десятое место рабочее место в мире связано с индустрией туризма⁹⁷, культурно-познавательный туризм, в свою очередь, составляет значительную долю занятости в этой сфере, генерируя около 40 % мировых доходов от туризма⁹⁸. Индустрия туризма стала мощным инструментом социально-экономической актуализации локальной истории и культуры⁹⁹. Именно локальное историческое и культурное наследие становится своего рода идентификатором, позволяющим туристу выбрать самое интересное место для путешествия, отличить его от других мест¹⁰⁰.

Культурно-познавательный туризм занимает особое место в системе современного туризма и представляет собой концепт, отражающий в некотором

⁹⁴ Arumugam A., Nakkeeran S., Subramaniam R. Exploring the Factors Influencing Heritage Tourism Development: A Model Development // Sustainability. 2023. № 15. 11986.

⁹⁵ Новосельская В. В. Потенциал культурного туризма как направления туристской индустрии: комплексный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 252.

⁹⁶ Tourism and Culture Synergies // UN Tourism. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/book/10.18111/9789284418978> (accessed 01.03.2024).

⁹⁷ Global Travel & Tourism Catapults into 2023 Says WTTC // World Travel & Tourism Council. URL: <https://wttc.org/news-article/global-travel-and-tourism-catapults-into-2023-says-wttc> (accessed 01.03.2024).

⁹⁸ Cutting Edge | Bringing cultural tourism back in the game // UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/cutting-edge-bringing-cultural-tourism-back-game> (accessed 01.03.2024).

⁹⁹ Gautschi P., Hodel J. Op. cit.

¹⁰⁰ Arumugam A., Nakkeeran S., Subramaniam R. Op. cit.

смысле идеологию туризма как важнейшей глобальной социокультурной практики, «способа познания себя и других, своей и чужих культур», таким образом, значительная часть видов туризма может быть включена в это направление, поскольку любые путешествия сегодня так или иначе подразумевают пересечение национальных и культурных границ, проживание в иной культурной среде, межкультурное общение¹⁰¹.

Это подтверждает, к примеру, и Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г., в которой культурно-познавательный туризм, отнесенный к социально значимым видам туризма, определяется как «путешествие с познавательными целями, которое знакомит туриста с историко-культурными и природными ценностями, традициями и обычаями, в том числе посредством осуществления экскурсионной деятельности и проведения событийных мероприятий», при этом отмечается и связь культурно-познавательного туризма с другими видами, например, круизным и деловым туризмом. Также подчеркивается, что гармоничное сочетание элементов культурно-исторического наследия и нового туристского предложения представляет собой основу для продвижения и повышения узнаваемости отечественного туристского продукта, в свою очередь формирующегося за счет природного, культурного, этнического разнообразия регионов России.¹⁰² Кроме того, в качестве важных социальных следствий развития туризма для населения в Стратегии названы интеллектуальное, духовное и творческое развитие, а также адаптация и формирование уважения к культурному и религиозному многообразию Российской Федерации. Таким образом, культурно-познавательному туризму присущи такие гуманитарные функции, как культурно-познавательная и образовательная, культуuroохранная и консервационная, коммуникационная и миротворческая¹⁰³.

¹⁰¹ Мошняга Е. В. Концептуальное пространство межкультурной коммуникации в туризме в условиях глобализации. М.: Советский спорт, 2010. С. 58.

¹⁰² Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁰³ Основы туризма / под ред. Е. Л. Писаревского. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. С. 42.

Помимо этого, важна и связь культурно-исторического наследия с концептом памяти, играющим значимую роль в формировании туристского продукта. В контексте постмодерна наследие тесно связано с коллективной памятью, социальной конструкцией, возникающей из общих коммуникаций о прошлом и широкого спектра значений, связанных с различными формами присутствия, реальными или воображаемыми¹⁰⁴.

Выделенные Д. Лоуэнталем процессы изменения памяти (идентификация, экспонирование, консервация и др. – см. параграф 1.1 данной работы) актуальны в контексте культурно-познавательного туризма, они созвучны основным способам работы с туристскими ресурсами (включающими в качестве основных элементов исторические и социально-культурные объекты¹⁰⁵), и репрезентации объектов культурного наследия как объектов туристского интереса и важных элементов туристско-рекреационных кластеров, рассматриваемыми специалистами в области туризма и туристского проектирования, такими как А. Ю. Александрова, О. Е. Афанасьев, И. В. Зорин, В. А. Квартальнов, Д. А. Кошечев и О. Ю. Исопескуль, В. И. Кружалин¹⁰⁶. Значимыми пространствами с точки зрения различных направлений культурно-познавательного туризма становятся «места памяти», которые, согласно теории П. Нора, представляют собой обладающие символическим значением объекты, основное содержание которых – память; «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Nora P. Op. cit. P. xi–xii.

¹⁰⁵ Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. N 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изменениями на 14 октября 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9032907> (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁰⁶ См.: Афанасьев О. Е. Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества: роль и функции в туризме // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 3. С. 7–17; Зорин И. В., Квартальнов В. А. Энциклопедия туризма. М.: Финансы и статистика, 2014. 368 с.; Квартальнов В. А. Туризм. М.: Финансы и статистика, 2014. 336 с.; Кошечев Д. А., Исопескуль О. Ю. Проектирование туристских кластеров: системно-агломерационный подход. М.: ИНФРА-М, 2020. 326 с. Туризм и рекреация на пути устойчивого развития: отечественные и зарубежные исследования / под ред. В. И. Кружалина, А. Ю. Александровой. М.: Советский спорт, 2008. 432 с.

¹⁰⁷ Франция-память. С. 78–79.

Наследие оказывается продуктом творческого воображения – прошлое существует и определяется теми, кто живет в настоящем. Наследие стимулирует множественные воспоминания, начиная от воспоминаний, которые перетекают друг в друга и расходятся, резонируют вперед и назад и сращивают личное и коллективное¹⁰⁸. Места, имеющие непосредственное отношение к событиям, обладающим особой символической значимостью, характеризуются уникальным эмоциональным воздействием и вызывают у туристов специфические переживания. Эти пространства не изолированы от окружающего мира и не воспринимаются исключительно как музейные экспонаты, отделенные от контекста. Такие «места памяти», следуя терминологии Д. Тригга, обладают собственной памятью – *памятью места*¹⁰⁹, которая предоставляет необходимую материальную основу для погружения в соответствующий культурно-исторический контекст. Связь конкретного места с произошедшим событием и его репрезентацией в коллективной памяти создает своеобразный эффект удвоенной памяти: подлинность пространства и сохраненных объектов в сочетании со знанием того, что именно здесь произошло, позволяет посетителям ощутить себя участниками этих событий и сформировать личные воспоминания, интегрируемые в общую нарративную структуру. Таким образом, осмысление (насколько это возможно) драматических событий и сохранение памяти о них оказываются связаны с путешествиями, то есть с культурно-познавательным туризмом.

Материальное воплощение памяти и взаимодействие с ним помогает конструированию национальной идентичности, пониманию и своеобразному (со)переживанию туристами знаковых, символических моментов глобальной и локальной истории. Соприкосновение с разной историей делает туризм важнейшим инструментом, способствующим не только сохранению собственно объекта, но и трансляции культурной памяти.

¹⁰⁸ Edensor T. *Industrial Ruins: Space, Aesthetics and Materiality*. London: Bloomsbury Academic, 2005. P. 141–142.

¹⁰⁹ Trigg D. *The Memory of Place: A Phenomenology of the Uncanny*. Athens: Ohio University Press, 2012.

Разнообразие информации и возможность получить в поездке яркие, необычные впечатления приводят к диверсификации туристского продукта и появлению в рамках культурно-познавательного туризма нишевых направлений, связанных не только непосредственно с отдыхом, но с интересами путешественника, с принадлежностью к какой-либо субкультуре, с влиянием медиа и инфлюэнсеров и т. д. Е. В. Мошняга подчеркивает, что нишевые направления культурно-познавательного туризма «несут в себе заряд экзистенциальной значимости, эмоциональности, экспрессивности, эстетической пограничности», «отражают глубокие этические и ценностные мотивы путешественников», а в условиях глобализации культуры и трансформации идентичности на разных уровнях становятся еще и инструментом «поиска и возрождения утраченной идентичности» и способствуют удовлетворению «потребности в самоидентификации»¹¹⁰. В основе нишевых направлений культурно-познавательного туризма чаще всего – культурно-историческое наследие, связанное с конкретной тематикой, например, популярны гастрономический туризм в его разнообразных формах, кинотуризм¹¹¹, литературный туризм и др.

Посещение туристами объектов «трудного наследия» может быть связано с несколькими нишевыми направлениями культурно-познавательного туризма, в первую очередь – с так называемым dark-туризмом.

Термином «dark-туризм» сегодня можно обозначают направление туризма, касающееся посещения объектов, история которых так или иначе связана со смертью, трагедиями, страданиями или преступлениями; фактически «трудное наследие» представляет собой основу dark-туризма. В рамках направления выделяются специфические виды, характерные для определенных локаций, например, туризм, связанный с историей рабства (slavery tourism),

¹¹⁰ Мошняга Е. В. Концептуальное пространство межкультурной коммуникации в туризме в условиях глобализации. М.: Советский спорт, 2010. С. 102.

¹¹¹ Малетин С. С. Туризм специальных интересов: концептуальные подходы исследования // Вестник НГУЭУ. 2014. № 4. С. 220.

развивающийся не только в США, но и, например, в Гане¹¹² или Сенегале (крупнейший центр работорговли на африканском побережье XV–XIX вв. побережье, остров Горе в 1978 г. был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и сегодня является важным туристическим центром¹¹³), мемориальный туризм (посещение различных мемориалов и мемориальных музеев)¹¹⁴, так называемый Дракула-туризм в Румынии, выстраиваемый вокруг своеобразного противопоставления исторических фактах и локальном фольклоре и образов, тиражируемых глобальной массовой культурой¹¹⁵; также к специфическим видам dark-туризма можно отнести туризм катастроф, атомный туризм, трупобный туризм, тюремный туризм и др.¹¹⁶. При этом важно отметить, что в современном обществе, с одной стороны, наблюдается феномен *отрицания смерти*, подробно рассмотренный Э. Беккером и Ф. Арьесом: в повседневной жизни тема смерти вытесняется из общественного дискурса, неприятие обществом естественной природы этого процесса приводит к медиализации смерти, к табуированию публичных обсуждений смерти и умирания, широкое использование эвфемизмов и др.¹¹⁷. С другой стороны, как указывает К. Деркин, параллельно существует и интерес к теме смерти и связанным с ней явлениям, что находит отражение в массовой культуре, в частности, в виде популярности фильмов ужасов, жанра «труп-крайм» и т. д.¹¹⁸. Н. В. Минькова отмечает, что «постмодернизм представляет смерть как культурный продукт, имидж, ресурс получения удовольствия, обращенный к страхам и скрытой деструктивности человека – на реальную смерть наложено табу, она заменяется игрой на тему

¹¹² Holsey B. Slavery Tourism: Representing a Difficult History in Ghana // The Oxford Handbook of Public History / P. Hamilton and J. B. Gardner (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017.

¹¹³ Bocoum H., Toulhier B. La fabrication du Patrimoine : l'exemple de Gorée (Sénégal) // In Situ. Revue des patrimoines. 2013. № 20. URL: <http://journals.openedition.org/insitu/10303> (accessed: 01.09.2024).

¹¹⁴ Drvenkar N., Banožić M., Živić D. Development of memorial tourism as a new concept – possibilities and restrictions // Tourism and Hospitality Management. 2015. Vol. 21. № 1. P. 63–77; González D. Dark tourism and memorial tourism: Nexus and divergences between theoretical models // European Journal of Tourism Research. 2018. Iss. 20. P. 46–58.

¹¹⁵ Banyai M. Dracula's image in tourism: Western bloggers versus tour guides // European Journal of Tourism Research. 2010. Vol. 3. № 1. P. 5–22.

¹¹⁶ Light D. Progress in dark tourism and thanatourism research: An uneasy relationship with heritage tourism // Tourism Management. 2017. № 61. P. 281.

¹¹⁷ См. Becker E. The Denial of Death. NY: Free Press, 1975; Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992.

¹¹⁸ Durkin K. F. Death, Dying, and the Dead in Popular Culture // Handbook of Death & Dying: in 2 vols. Thousand Oaks: SAGE Publ., 2003. Vol. 1. The Presence of Death. P. 43–49.

смерти и ее симулякром», а «современная культура предлагает замену “переживания смерти” удовольствием от подглядывания за смертью Другого»¹¹⁹. Таким образом, востребованность dark-туризма становится иллюстрирует амбивалентное отношение современного социума к теме смерти и страданий. В качестве мотивации в dark-туризме могут выступать и тяга к «мрачному опыту», вызванная болезненным любопытством и поиском острых ощущений; и желание сравнить образы, транслируемые медиа, с реальными местами; и стремление получить новые уникальные знания, посетив «место памяти» и узнав его историю лучше; и восприятие таких путешествий как важной коммеморативной практики¹²⁰.

В 2006 г. Ф. Стоун, возглавляющий Институт исследования dark-туризма при Центральном университете Ланкашира, предложил концепцию спектра dark-туризма, основанную на различиях туристских продуктов в данной области. Этот спектр охватывает градации от «самого светлого» (lightest) до «самого мрачного» (darkest) направлений. Согласно Ф. Стоуну, наиболее «мрачные» объекты представляют собой непосредственно «места смерти и страданий», характеризующиеся рядом особенностей в контексте туристической деятельности: ориентацией на образовательные цели, фокусировкой на исторические события, консервацией и мемориализацией, аутентичностью локации, неразвитостью туристической инфраструктуры, значительным влиянием идеологических факторов, а также непосредственной связью с недавними событиями. Напротив, «самые светлые» объекты лишь ассоциируются с темой смерти и страданий, отличаясь более развлекательной направленностью, акцентированием на наследии, романтизацией и коммерциализацией, неаутентичностью локаций, хорошо развитой инфраструктурой, слабым влиянием идеологии и значительной временной удаленностью от современности. В соответствии с этой шкалой, Ф. Стоун

¹¹⁹ Минькова Н. В. Амбивалентность отношения к смерти во Второе Средневековье и в массовой культуре постмодерна // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 210–211.

¹²⁰ Lewis H., Schrier T., Xu S. Dark tourism: motivations and visit intentions of tourists // International Hospitality Review. 2022. Vol. 36. № 1. P. 107–123.

выделил семь видов продуктов dark-туризма – в порядке от «самых светлых» к «самым мрачным»:

- парки развлечений (dark fun factories), к которым относятся такие объекты, как иммерсивный музей «Подземелья Лондона»);
- выставки (dark exhibitions), по Стоуну – объекты по типу Катакомб капуцинов в Палермо;
- подземелья (dark dungeons), которые включают различные музеефицированные тюрьмы);
- пристанища (dark resting places), то есть места захоронений, кладбища;
- святилища (dark shrines) – мемориалы, связанные с трагическими событиями в мирное время, например, Национальный мемориал и музей 11 сентября в Нью-Йорке;
- места конфликтов (dark conflict sites), в которые входят мемориалы военного времени и места сражений;
- лагеря геноцида (dark camps of genocide), включающие музеефицированные места геноцида, например, мемориал и музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме.

Спектр Ф. Стоуна получил широкое распространение среди исследователей dark-туризма, поскольку позволил перевести эту сложную тему в практическую плоскость – появилась возможность классифицировать объекты «трудного наследия» как туристические объекты, единообразно описывать основные достопримечательности; кроме того, были выделены определенные критерии оценки потенциала развития dark-туризма на конкретных территориях. Использование спектра и перечня продуктов dark-туризма помогает достаточно эффективно решать важнейшую задачу по грамотному встраиванию трагических страниц истории разных стран в поле индустрии туризма, демонстрации потенциала таких специфических объектов в качестве значимых туристических аттракций.

Развитие dark-туризма, связанного и с развитием объектов «трудного наследия», позволяет создавать нарративы, соответствующие местному восприятию тех или иных событий, укрепить локальную идентичность, транслировать их на широкую аудиторию. В современном обществе, во многом формируемом различными медиа, соприкосновение с аутентичным местом, сохранившим память о смерти, несущим на себе печать скорби, позволяет путешественникам, с одной стороны, прочувствовать прошлое, с другой – ощутить себя в настоящем и, возможно, примириться с неизбежным будущим. Dark-туризм – то направление культурно-познавательного туризма, где развлекательная, рекреационная функция заметно уступает познавательной; где необычайно важны коммеморативные практики. Даже связанные со столь коммодифицированными темами, как, например, крушение «Титаника», объекты в первую очередь стремятся погрузить посетителей в конкретную историческую эпоху и вызвать искреннее сочувствие к жертвам.

Объекты dark-туризма универсальны в контексте эмоционального восприятия событий, о которых они рассказывают, но в то же время неотделимы от идентичности, культуры того сообщества, чью память они хранят. Основной функцией dark-туризма становится преодоление трудностей и потрясений, пережитых обществом, а также определение и осознание места смерти в прошлом, настоящем и будущем, формирование и трансляция обществу послания, позволяющего извлечь урок из травмирующего опыта¹²¹. Следовательно, мрачный туризм тесно связан с феноменом психологической устойчивости¹²² и представляет собой один из способов восстановления и сохранения единства сообщества, пережившего какую-либо трагедию. Бескорыстное сочувствие, которое испытывают посетители этих объектов, подчеркивает универсальную значимость мест, связанных как

¹²¹ Stone P., Sharpley R. Consuming Dark Tourism a Thanatological Perspective // *Annals of Tourism Research*. Vol. 35. 2008. Iss. 2. P. 574–595.

¹²² Korstanje M. E., Ivanov S. Tourism as a Form of New Psychological Resilience: The Inception of Dark Tourism // *Cultur: Revista de Cultura e Turismo*. 2012. No 6 (4). P. 56–71.

с индивидуальными переживаниями, так и с укреплением коллективной памяти, что способствует созданию новой культуры поминовения¹²³.

Дж. Урри отмечает: «Через приход туристов и публичное выражение ими «почтения» происходит коллективное свидетельствование. Как будто бы визит чужаков, паломников к святым местам смерти, может дать бессмертие тем, кто умер там по той или иной причине. Итак, эти места дают посетителям возможность осуществить комплексный ритуал скорби в память о смерти целой расы, народа, вождя или кумира, обычно известного через медиаобразы. Эти места смерти и игры – комплексные, стимулирующие “представления” памяти, почтения, коллективной печали и эмоций. Как требует от посетителей знаменитая надпись на Арлингтонском национальном кладбище, где похоронен Дж. Кеннеди: “Молчание и почтение”. Именно так следует “представлять” посетителям это место, где с почтением помнится о смерти особого рода»¹²⁴.

Таким образом, при развитии dark-туризма необходимо четко понимать, как работать с потребительством на месте и его целью. Хотя потребительство неизбежно, его следует делать так, чтобы избежать «диснейфикации» или «банализации» «трудного наследия». Кроме того, важным становится достижение общественного консенсуса в местах dark-туризма¹²⁵. Когда история места не согласуется с локальным сообществом, со специалистами, исследующими историю объекта и событий, с ним связанных, формируется исключительно под влиянием медиа происходит искажение памяти о произошедшем, нарушается восприятие объекта, изменяется представление о зрелищности такой достопримечательности.

Подчеркивая значимость dark-туризма в репрезентации «трудного наследия», осмысления травмирующего прошлого и преодоления его последствий, С. Чаушевич и П. Линч предложили свою концепцию в рамках этого направления – концепцию «феникс-туризма». Эта концепция

¹²³ Sather-Wagstaff J. *Heritage That Hurts: Tourists in the Memoryscapes of September 11*. NY: Routledge, 2011.

¹²⁴ Урри Дж. Мобильности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 465.

¹²⁵ Mather J. From trauma to tourism: Balancing the Needs of the Living and the Dead // *The Routledge Handbook of museums, heritage, and death* / T. Biers, K. Stringer Clary (eds.). Oxon; NY: Routledge, 2024. P. 301.

демонстрирует важную роль туризма в возрождении и нормализации социальных отношений на постконфликтных территориях. Развитие dark-туризма в этой концепции представляет собой процесс перехода от «мемориализации» мест конфликтов к устойчивости через этапы скорби, личного и социального катарсиса, а также через идентификацию и интерпретацию мест и событий, связанных с конфликтом. Таким образом, работа с трудным наследием в рамках туризма рассматривается как способ эмоционального и духовного исцеления: «Не только военные мемориальные места излучают катарсический опыт, но и туризм играет свою роль в процессе осознания момента изменения. Со временем, через размышления и катарсис, конфликт становится частью истории»¹²⁶.

Еще одно важное направление, включающее посещение объектов, в том числе представляющих и «трудное наследие», – патриотический туризм. В общих чертах это направление культурно-познавательного туризма можно охарактеризовать как вид туристической деятельности, направленный на укрепление патриотических чувств у туристов через посещение мест, связанных с историей и культурой их родины. Он может включать в себя экскурсии по историческим местам, участие в культурных мероприятиях, а также посещение музеев и других достопримечательностей, которые способствует воспитанию гордости за свою страну. Патриотический туризм рассматривается как эффективный инструмент для примирения сообществ и создания общей идентичности¹²⁷.

Наиболее часто встречается формат военно-патриотических экскурсий, подразумевающих посещение военных мемориалов, разработку военно-исторических маршрутов по местам значимых сражений. Показательным здесь кажется название проекта Российского исторического общества по сохранению

¹²⁶ Causevic S., P. Lynch P. Phoenix Tourism: Post-Conflict Tourism Role // *Annals of Tourism Research* 2011. Vol. 38. Iss. 3. P. 792.

¹²⁷ Yeomans R. *From Comrades to Consumers. Holidays, Leisure Time, and Ideology in Communist Yugoslavia // Yugoslavia's sunny side: a history of tourism in socialism (1950s–1980s)*. Budapest: Central European University Press, 2010. P. 72.

военно-исторического наследия – «Место памяти»¹²⁸. Изначально направленный на создание базы данных о «местах памяти» Великой Отечественной войны на территории России, сегодня проект значительно расширил свои временные и географические рамки, к примеру, присутствует информация о входящей в мемориальный комплекс «Алтарь памяти» в Мельбурне мемориальной доске, посвященной русским солдатам – участникам Первой мировой войны, или об обелиске, установленном в Марне в память о солдатах и офицерах Русской армии, погибших во время французской кампании 1814 г.

Особого внимания в контексте работы с трудным наследием в рамках развития патриотического туризма заслуживают так называемые *разделенные* (divided) объекты, играющие важную роль в патриотическом нарративе каждой из участвовавших в конфликте сторон. В таких случаях патриотический туризм особенно значим как инструмент примирения посредством прямого контакта туристов, объединенных чувством скорби. Например, памятники сербским и албанским партизанам, сражавшимся за свободу Югославии в 1941–1945 гг., в Митровице и Ландовице (Косово) сталкиваются с нарративами приграничных и конфликтных территорий, однако при этом могут рассматриваться как объекты, сохраняющие коллективную память поколений, выросших в Югославии¹²⁹ – то есть как объединяющие.

Помимо dark-туризма и патриотического туризма, «трудное наследие» оказывается и в фокусе ностальгического туризма.

Музыка, литература, кинематограф, телевидение, видеоигры, мода – все это способно спровоцировать возникновение чувства ностальгии у широкой аудитории, что, в свою очередь, вызывает повышенный спрос на образы прошлого, что в конечном счете приводит к превращению воспоминания в продукт¹³⁰. В результате коммодификации памяти ностальгия стала глобальным

¹²⁸ Местопамяти.рф [сайт]. URL: <https://xn--80ajknckhoje6l.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.09.2024).

¹²⁹ Rogoś A. Dynamics of the particular and the common: Monuments and patriotic tourism in socialist Yugoslavia – a case study of Kosovo // *Slavia Meridionalis*. 2019. № 19. 1970. URL: <https://doi.org/10.11649/sm.1970> (accessed: 19.07.2024).

¹³⁰ Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 8.

трендом в создании и продвижении контента и способствовала формированию особого типа в культуре потребления – *ностальгического потребления*, для которого характерен ряд неизменных стереотипов «простой» ностальгии – «тогда было лучше / прекраснее / здоровее / счастливее / цивилизованнее / интереснее, чем сейчас», «прекрасное прошлое и непривлекательное настоящее»¹³¹, а также определенная склонность к пессимизму/пастизму, то есть приукрашиванию и идеализации прошлого по сравнению с настоящим, ложным воспоминаниям и даже деклинизму, упадническому восприятию настоящего в контексте позитивного образа прошлого и негативного представления о будущем, которое находит отражение в клише «старые добрые дни» (the good old days), активно используемом в поп-культуре и маркетинге¹³². Глобальная необходимость «материализации» прошлого для аудитории заставляет постоянно производить новый ностальгический продукт. С. Бойм отмечает «явный переизбыток ностальгических артефактов, продаваемых индустрией развлечений», который «подчеркивает фундаментальную ненасытность ностальгии»¹³³. Такая «ненасытность» распространяет тренд на прошлое на все в новые и новые сферы, в том числе и как сферу туризма: здесь ностальгия начинает выступать в качестве одного из распространенных типов туристской мотивации.

Ностальгический туризм, как и рассмотренный выше dark-туризм, представляет собой сложное, неоднородное явление, ключевым для которого является баланс между коллективной и индивидуальной памятью. В целом можно выделить два условные направления ностальгического туризма – этнокультурное и социокультурное. Основными туристическими аттракторами оказываются музеи и события, а наиболее эффективными инструментами привлечения туристов – интерактивность и иммерсивность.

¹³¹ Davis F. *Yearning for yesterday: A Sociology of Nostalgia*. NY: The Free Press, 1979. P. 18.

¹³² Havlena W. J., Holak S. L. *The Good Old Days: Observations on Nostalgia and Its Role in Consumer Behavior* // *Advances in Consumer Research* / Holman R. H., Solomon M. R. (eds). Provo: Association for Consumer Research, 1991. P. 323–329.

¹³³ Бойм С. Ю. *Будущее ностальгии*. М.: «НЛО», 2001. С. 15.

В рамках этнокультурного направления актуальны этнографические музеи и музеефицированные кварталы, а также реконструкция событий, таких, как ярмарки или турниры, позволяющие посетителям получить примерное впечатление о том, каким был быт – в том числе и в далеком прошлом, понять истоки многих традиций. Особую роль в создании этнокультурного ностальгического туризма начинают играть формат так называемой живой истории и применяющие его в своей деятельности музеи, а также движения исторических реконструкторов.

Для социокультурного направления характерна эксплуатация темы воспоминаний о детстве и юности, а также принадлежности к той или иной молодежной субкультуре, социальной группе.

Точками притяжения для ностальгических туристов становятся музеи, которые связаны с бытом недавних эпох, использующие интерактивные экспозиции – для туристов важно не только увидеть, но и взаимодействовать с объектами, актуализировать таким образом свои воспоминания и получить новые. Зачастую именно такие пространства могут восприниматься как «трудное наследие», поскольку представленные события или образы, вызывающие различные воспоминания у аудитории, провоцируют и споры, связанные репрезентацией эпохи: чрезмерная идеализация или демонизация может вызывать одинаковое недовольство у посетителей, экспозиции нередко становятся предметами спора и неоднозначного восприятия.

Спрос на ностальгический продукт, связанный с определенными эпохами и политическими режимами, привел к возникновению терминов для обозначения специфической ностальгии, присущей для конкретных культур (например, *остальгия* в Германии, *югоностальгия* в странах бывшей Югославии, *советская ностальгия* на постсоветском пространстве).

Таким образом, ностальгия глубоко укоренена в идеализированных воспоминаниях о прошлом, но она также может действовать одновременно и в ретроспективном, и в перспективном ключе.

Опираясь на работу С. Бойм, Б. Хэмбер указывает на то, что крупномасштабный политический конфликт впоследствии способен вызвать чувство рефлексивной ностальгии, то есть ностальгии, которая основывается на амбивалентности человеческого стремления и принадлежности и более комфортно себя чувствует с противоречием и критическим мышлением: «тоска и критическое мышление не противоречат друг другу, поскольку аффективные воспоминания не освобождают человека от сострадания, суждения или критической рефлексии»¹³⁴.

Большинство современных музеев, связанных с трудным наследием, больше склоняются к этой форме ностальгии: основное внимание при создании экспозиций и нарративов уделяется размышлению об истории и течении времени. Особо подчеркивается образовательная направленность: такими музеями активно разрабатываются образовательные экскурсионные программы.

Вместе с тем необходимо отметить и процессы коммодификации элементов «трудного наследия», превращение их в модные сувениры. В качестве такого примера Б. Хэмбер называет музей Берлинской стены – дом-музей у знаменитого контрольно-пропускного пункта «Чекпойнт Чарли» на улице Фридрихштрассе в Берлине. Б. Хэмбер отмечает, что экспозиция этого музея представляет собой собрание фотографий и артефактов, относящихся к эпохе разделения Берлина, включая разнообразные устройства, используемые для нелегальной переправки людей из восточной части города в западную. Несмотря на впечатляющие экспонаты, такие как автомобили и чемоданы, адаптированные для перевозки людей, общая атмосфера коллекции кажется «сюрреалистичной, усиливающейся присутствием актеров в советской униформе, предлагающих фотосессии, и продажей сувенирной продукции эпохи холодной войны»¹³⁵. По мнению Б. Хэмбера, ностальгическая интерпретация прошлого, представленная в музее Берлинской стены и сопутствующих сувенирах, особенно заметна в

¹³⁴ Бойм С. Ю. Указ. соч. С. 61.

¹³⁵ Hamber B. Conflict museums, nostalgia, and dreaming of never again // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2012. Vol. 18. Iss. 3. P. 274.

интересе к репрезентации продуктов питания, автомобилей и телевизионных программ ГДР, а также в сохранении символики, такой как изображение человека в федоре, встречавшегося на светофорах бывшей ГДР, то есть фактически музей представляет собой в некоторой степени «остальгическое» пространство.

Кроме того, Б. Хэмбер полагает, что некоторые объекты «трудного наследия» вызывают такой тип ностальгии, который невозможно соотнести ни с реставрирующим, ни с рефлексирующим типами ностальгии, предложенными С. Бойм. Таким объектом Б. Хэмбер называет, в частности, Музей Сараевского туннеля в Боснии и Герцеговине, отметив что это место представляет собой странную тоску по времени, когда «сообщество работало вместе перед лицом невзгод, и времени, когда выбор был проще и делался с мужеством и моралью, несмотря на все трудности», при этом в экспозиции можно обнаружить экспонаты, воспринимающиеся как китч¹³⁶.

В случае с заброшенными и руинированными объектами, О. Ле Галлю предлагает работу в рамках руинного туризма – легальной версии феномена «городских исследований» (urban exploration), нередко связанного с незаконными проникновениями («взломами») заброшенных зданий вне зависимости от их истории и назначения¹³⁷. Руины зачастую интерпретируются как аллегорическое воплощение прошлого, однако эти пространства также могут восприниматься как площадки, на которых формируются новые структуры, порядок и эстетические формы, выступающие в роли дистопических или утопических образов в зависимости от восприятия текущего момента и представлений о будущем. Например, заброшенные промышленные зоны и покинутые объекты, связанные с определенными политическими режимами, существуют в контексте многослойного временного измерения. В частности, таков пример дома-памятника Болгарской коммунистической партии, также

¹³⁶ Hamber B. Op. cit. P. 274.

¹³⁷ Le Gallou A. From urban exploration to ruin tourism: a geographical analysis of contemporary ru-ins as new frontiers for urban tourism // International Journal of Tourism Cities. 2018. № 4 (2). P. 245–260.

известного как памятник «Бузлуджа», утратившего свою идеологическую значимость в 1990 г. Большое количество связанных с объектом споров, касающихся различных аспектов – политического, социально-экономического, эстетического, не позволило должным образом содержать здание, в результате памятник был заброшен, разграблен и подвергся многочисленным актам вандализма (граффити, порча мозаик и др.). Вместе с тем необычный архитектурный объект и в заброшенном виде смог привлечь большое количество туристов – любителей эстетики упадка и руин, а также представителей субкультуры «городских исследователей»¹³⁸, так, «Бузлуджа» обрела популярность и узнаваемость в XXI веке именно как покинутое пространство.

В том или ином варианте с трудным наследием можно работать и в рамках иных направлений культурно-познавательного туризма. Например, Д. Союз видит определенный потенциал «трудного наследия» в контексте индустриального туризма. Д. Союз справедливо указывает на то, что промышленные регионы стремятся презентовать себя исключительно в позитивном ключе, опуская, к примеру, негативные факты, связанные с историей развития промышленности в том или ином регионе, то есть чаще всего в контексте индустриального туризма история предприятий преподносится достаточно однобоко. По мнению Д. Союза, признание и освещение мрачных и травматических периодов индустриализации (как в мирные, так и военные годы) лишь укрепило бы статус предприятий как социально ответственных компаний¹³⁹.

«Трудное наследие» занимает важное место в современных исследованиях культурной памяти и наследия. Такое наследие часто воспринимается как

¹³⁸ Vasileva A. Contextualising Buzludzha: Dissonance, Rejection and Cultural Appropriation of Bulgarian Postwar Heritage // In *Restauro: Post-war Heritage of Art and Architecture in Central and Eastern Europe. Integrated Approaches to Dissonant Monuments and Sites*. Berlin: hendrik Bäßler verlag. P. 79.

¹³⁹ Soyez D. Le tourisme industriel en Allemagne: États de lieux, point faibles et défis // *Geography, Environment, Sustainability*. 2014. Vol. 7. Iss. 4. P. 36–37.

неудобное и проблематичное, поскольку связано с историей насилия, страданий и несправедливости.

Одной из ключевых особенностей «трудного наследия» является его способность вызывать противоречия в обществе относительно необходимости его репрезентации и коммерциализации. Это наследие часто ассоциируется с негативными эмоциями и требует деликатного подхода в его интерпретации и представлении.

В контексте культурно-познавательного туризма «трудное наследие» становится значимым туристским ресурсом и привлекает внимание туристов. Особенно важной здесь становится репрезентация объектов «трудного наследия» как «мест памяти», играющих существенную роль в формировании и укреплении коллективной памяти о травмирующих событиях, нередко приобретающих символическое значение. Однако при этом существует угроза тривиализации и даже легитимизации преступлений из прошлого.

Таким образом, «трудное наследие» требует внимательного и ответственного подхода, в особенности со стороны туристской индустрии. Важно находить баланс между сохранением памяти о трагических событиях и предотвращением их романтизации и чрезмерной коммодификации.

Глава 2. Стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» в туризме

В современном мире туризм становится все более значимым явлением, играющим важную роль в экономике, культуре и общественной жизни многих стран. Одной из важных тенденций в развитии туризма является растущий интерес к так называемому «трудному наследию» – историческим событиям и местам, связанным с трагическими и болезненными страницами прошлого. Эти объекты требуют особого подхода к их репрезентации и интерпретации, поскольку они не только имеют высокую историческую ценность, но и могут вызывать сложные эмоциональные реакции у посетителей.

В этом контексте важно рассмотреть, какие стратегии используются для репрезентации объектов «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме, как они влияют на восприятие этих объектов и каким образом они способствуют сохранению исторической памяти.

2.1. Коммеморация как ведущая стратегия репрезентации «трудного наследия»

Коммеморация представляет собой «совокупность публичных актов “вспоминания” и (пере)осмысления персоналий и событий прошлого в современном контексте»¹⁴⁰.

Коммеморация, по мнению А. Мегилла, появляется «в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий»¹⁴¹, а коммеморация трагических событий, связанных со страданием конкретных личностей и особенно групп, таким образом идентифицирующихся, играет одну

¹⁴⁰ Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4 (87). С. 10.

¹⁴¹ Мегилл А. Историческая эпистемология. Историческая эпистемология: Научная монография / пер. Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. С. 116.

из ключевых ролей в формировании идентичности – первостепенной задачи, которая ставится сегодня перед историей¹⁴².

В отечественной науке и прагматической деятельности коммеморации также уделяется большое внимание. Так, Н. У. Ярычев указывает на то, что феномен коммеморации имеет «достаточно размытые смысловые границы», зависящие от подходов исследователей к интерпретации этого понятия. Вслед за М. Л. Шуб¹⁴³, Н. У. Ярычев выделяет три наиболее распространенных подхода: *функциональный*, в рамках которого анализируются выполняемые в ходе коммеморативных актов задачи; *морфологический*, в основе которого изучение различных видов коммеморативных актов (например, в работах П. Нора, А. Ассман); синтетический подход, позволяющий рассматривать коммеморацию как «сложное единство разнообразия форм мемориальной деятельности, ориентированной на решение разнообразных социокультурных задач»¹⁴⁴.

К числу наиболее распространенных коммеморативных практик, представляющих собой «целенаправленную, часто стереотипную и ритуализованную деятельность, необходимую для сохранения и трансляции коллективной памяти»¹⁴⁵, относятся такие формы социальной активности, как парады, празднование юбилеев выдающихся личностей и знаменательных исторических событий, годовщины образования городов и республик, регулярно повторяющиеся ритуалы и церемонии, а также создание музейных экспозиций, установка или демонтаж памятников и архитектурных сооружений, памятных табличек.

Ф. Арьес пишет о том, что культ мертвых, помимо частного аспекта, связанного с семейным и личным, имеет и аспект национальный, патриотический. Первыми мемориалами погибшим, по мнению Ф. Арьеса, стали

¹⁴² Там же. С. 440.

¹⁴³ Шуб М. Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования. Челябинск: ЧГИК, 2018.

¹⁴⁴ Ярычев Н. У. Феномен коммеморации в структуре мемориальной культуры // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы междунар. науч.-творч. форума (научной конференции), 18–19 нояб. 2021 г. Челябинск: ЧГИК, 2021. С. 99.

¹⁴⁵ Красильникова Е. И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Автореф. дисс. ... д. и. н.: 07.00.02. Омск, 2016. С. 6.

объекты, связанные с эпохой Французской революции, – монумент «Умиравший лев» (Löwendenkmal) в Люцерне, посвященный швейцарским гвардейцам, погибшим во время штурма дворца Тюильри в день восстания 10 августа 1792 г. (открыт в 1821 г.); искупительная часовня и кладбище Пикпюс в Париже, где похоронены гильотинированные по решению революционного трибунала на площади Опрокинутого трона (современное название – площадь Нации); а также памятник на месте первоначального захоронения расстрелянных французских эмигрантов-роялистов, капитулировавших в битве на Кибероне в июле 1795 г. Франко-прусская и Первая мировая войны ознаменовали окончательное слияние культа мертвых с патриотизмом – кенотафы, имеющие исключительно мемориальную функцию, начинают устанавливаться за пределами кладбищ, в том числе в центре городов, а годовщина победы 1918 г. воспринимается не как день триумфа, а как день поминовения погибших¹⁴⁶. Впоследствии подобная практика распространилась и в других странах. Д. Лоуэнталь также отмечает, что мемориалы, установленные в память о трагических событиях, например, на полях сражений, и служат достижению национальных единства и сплоченности¹⁴⁷.

В контексте культурно-познавательного туризма и «трудного наследия» важнейшую роль играют те мемориалы и мемориальные музеи, которые представляют собой непосредственно «места памяти», где присутствие тяжелого прошлого для посетителей ощутимо в наивысшей степени.

По мнению ряда ученых (П. Уильямс, О. В. Иванова), такие музеи следует называть «музеями памяти», которые от классических мемориальных музеев в понимании российской музееведческой традиции отличает сохранение памяти о травмирующих событиях¹⁴⁸. Особой значимостью в таком ключе обладает коммеморация событий Первой и Второй мировых войн.

¹⁴⁶ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. С. 444–448.

¹⁴⁷ Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 486–488.

¹⁴⁸ См.: Williams P. Memorial museums. The global rush to commemorate atrocities. Oxford; New York: Berg Publisher, 2007; Иванова О. В. Коммеморативные практики музеев памяти: опыт Музея истории ГУЛАГа // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 4. С. 1366–1418.

В частности, интерес у туристов вызывают объекты, связанные с памятью о Холокосте (не только музеи и мемориалы на месте бывших нацистских концентрационных лагерей, но и такие, как Национальный мемориал Катастрофы и Героизма «Яд ва-Шем» в Иерусалиме, Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, который с 2012 по 2022 г. входил в список самых посещаемых музеев Северной Америки¹⁴⁹), блокаде Ленинграда, значимых сражениях (как Сталинградская битва), ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, а также событиях японо-китайской войны 1937–1945 г. (так, в 2019 г. за время «золотой недели» по случаю Дня образования КНР Мемориальный зал жертв Нанкинской резни японскими захватчиками посетило 530 тыс. человек¹⁵⁰). Рассмотрим несколько примеров.

Одним из самых известных объектов, сохраняющих память о Холокосте и преступлениях нацистов, является Государственный музей Аушвиц-Биркенау (Освенцим). Как уже упоминалось ранее, музей включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО: объект описывается как место, «ставшее в XX веке символом человеческой жестокости по отношению к себе подобным»¹⁵¹. Он был образован в середине 1940 г. рядом с г. Освенцим. Город, а вместе с ним и концентрационный лагерь получили немецкое название «Аушвиц»¹⁵². В пиковый период существования концлагерь состоял из трех основных частей: Аушвиц 1 на территории адаптированных под лагерные потребности казарм; Аушвиц 2 Биркенау, где находились газовые камеры, в которых было убито большинство депортированных в лагерь евреев; и Аушвиц 3 Мановиц, в 1944 г. ставший отдельным концлагерем Мановиц и находившийся рядом с одним из построенных в военное время заводов немецкого химического концерна I. G. Farbenindustrie. 27 января 1945 г. концентрационный лагерь был освобожден

¹⁴⁹ AECOM's Theme Index and Museum Index Reports// AECOM. URL: <https://aecom.com/theme-index/> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁵⁰ Nanjing Massacre hall sees record high visitors during National Day holiday // Xinhua News [site]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/09/c_138458193.htm (accessed: 27.09.2024).

¹⁵¹ Auschwitz Birkenau German Nazi Concentration and Extermination Camp (1940–1945) // UNESCO [site]. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/31> (accessed: 01.09.2024).

¹⁵² В русскоязычной традиции принято использовать название «Освенцим», в тексте работы для единообразия опираемся на вариант, отраженный в современном официальном названии музея.

солдатами Красной Армии. За менее чем пять лет функционирования концлагеря число погибших достигло приблизительно 1,1 млн человек¹⁵³, в основном евреев, также большое количество жертв было среди советских военнопленных, цыган и поляков.

2 июля 1947 г. польским Сеймом был принят Закон о сохранении на вечные времена территории и объектов бывшего концлагеря и об основании Государственного музея Освенцим-Бжезинка, в 1999 г. переименованного в Государственный музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме. Территория музея включает бывшие части комплекса концлагеря Аушвиц: Аушвиц 1 и Аушвиц 2 Биркенау. 27 января 2025 г. в музее пройдут памятные мероприятия, посвященные 80-летию со дня освобождения концентрационного лагеря Аушвиц Красной Армией.

Сотрудники музея отмечают, что вопросы, касающиеся организации, деятельности и развития музея, остаются предметом дискуссий среди бывших узников, музейных специалистов, реставраторов, историков, педагогов и представителей медиа. Уже на этапе основания музея возникал вопрос о том, должна ли его деятельность ограничиваться описанием прошлого – или должна проводиться более обширная исследовательская работа. Также продолжается обсуждение названия музея – современное название «Государственный музей Аушвиц-Биркенау» вызывает определенные разногласия, поскольку для одних бывший концлагерь прежде всего является кладбищем, другие рассматривают его как мемориал памяти, третьи видят в нем институт памяти, центр воспитания и исследования судеб погибших здесь людей. Сотрудники подчеркивают, что фактически музей выполняет все эти функции, так как они взаимодополняют, а не исключают друг друга¹⁵⁴. В настоящее время основная выставка, где освещена история концлагеря, представлена на территории бывшего Аушвица 1, а территория бывшего Аушвица 2 Биркенау сохранена практически без

¹⁵³ Вахсман Н. История нацистских концлагерей. М.: Центрполиграф, 2018. С. 593.

¹⁵⁴ Аушвиц-Биркенау. Будущее и настоящее // Auschwitz-Birkenau State Museum [site]. URL: https://www.auschwitz.org/gfx/auschwitz/userfiles/auschwitz/historia_terazniejszosc/auschwitz_historia_i_terazniejszo_sc_wer_rosyjska_2010.pdf (accessed: 01.09.2024).

изменений: решение не создавать там крупных экспозиций музейного характера связано с тем фактом, что большинство узников погибло именно в этой части комплекса¹⁵⁵. Здесь же установлены монументы в память о жертвах концлагеря (см. рис. 1 в приложении).

Сотрудники музея также ведут работу, связанную с разъяснениями и комментариями относительно репрезентации истории концлагеря в медиа. В частности, было опубликовано исследование, посвященное разбору ошибок, допущенных в популярном романе Х. Моррис «Татуировщик из Освенцима», основанном на реальных событиях из жизни Л. Соколова¹⁵⁶ (отметим, что в 2024 г. вышел сериал – телеадаптация романа, однако пока комментариев музея по этому поводу не прозвучало). Схожей критике сотрудники музея подвергают и роман Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме», и его экранизацию, более того, в 2020 г. в социальных сетях музея было опубликовано заявление, что «Мальчика в полосатой пижаме» «следует избегать всем, кто изучает или преподает историю Холокоста», поскольку произведение тиражирует вредительские стереотипы о жертвах Холокоста и по сути исторически неточно¹⁵⁷ (укажем, что, в отличие от книги Моррис, роман Дж. Бойна – полностью художественное произведение, не использующее в качестве основы истории реальных людей). При этом сам музей во многом приобрел популярность у туристов после выхода фильма С. Спилберга «Список Шиндлера», который также воспринимается неоднозначно с точки зрения исторической достоверности¹⁵⁸.

Сегодня туристы могут посетить музей самостоятельно или в составе организованных групп, сопровождаемых музейным гидом: предлагается три вида экскурсий – общая обзорная (3,5 ч.), специальная (6 ч.) или двухдневный осмотр территории. Помимо основной деятельности, связанной с

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Witek-Malicka W. Fact-checking “The Tattooist of Auschwitz” // Memoria. 2018. № 14. URL: <https://viewer.joomag.com/memoria-en-no-14-11-2018/0766192001543510530> (accessed: 01.09.2024).

¹⁵⁷ The Boy In The Striped Pyjamas author defends work from criticism by Auschwitz memorial // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/jan/07/john-boyne-defends-work-from-criticism-by-auschwitz-memorial> (accessed: 02.07.2024).

¹⁵⁸ Hodgkinson S. The concentration camp as a site of “dark tourism” // Témoigner. Entre histoire et mémoire. 2013. Vol. 116. P. 22–23.

коммеморативными задачами, музей развивает и туристическую инфраструктуру: открыты большие парковки для посетителей возле каждой из частей комплекса, также между ними курсирует автобус. Открыты визит-центр и книжные магазины, где можно приобрести различные исследования, связанные с историей нацистских концлагерей, в том числе и издания, подготовленные исследовательским центром музея, продаются туристские путеводители и открытки с фотографиями различных объектов на территории музея. Действовало почтовое отделение, откуда можно было отправить такую открытку с самого открытия музея в 1947 г., особой популярностью услуга пользовалась в 1950–1960-е гг.¹⁵⁹.

Любопытным кажется и тот факт, что советские буклеты-путеводители 1970-х гг. уже отмечали Освенцим (город, «название которого стало во всем мире синонимом жестокости и нечеловеческих страданий»¹⁶⁰) как место, рекомендуемое советским туристам для посещения: «...экспонаты музея, который находится на территории бывшего лагеря, и уцелевшие бараки рассказывают о преступлениях фашистов так, как не смогли бы рассказать сотни книг»¹⁶¹. Другие достопримечательности города не упоминаются.

Согласно отчетам о посещаемости мировых достопримечательностей Theme Index and Museum Index Reports, ежегодно публикуемых транснациональной консалтинговой компанией АЕСОМ с 2012 г., Государственный музей Аушвиц-Биркенау в 2015–2022 гг. входил в число 20 самых посещаемых музеев Европы¹⁶². Всего же с января 2001 г. по сентябрь 2024 г. музей принял более 30 млн посетителей¹⁶³.

¹⁵⁹ Szypulski P. Greetings from Auschwitz. Zurich: Edition Patrick Frey, 2016.

¹⁶⁰ См.: Посетите Польшу / Главное управление по иностранному туризму при Совете министров СССР. М.: Внешторгиздат, № 17126.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² АЕСОМ's Theme Index and Museum Index Reports // АЕСОМ. URL: <https://aecom.com/theme-index/> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁶³ См.: Number of visitors to the Auschwitz-Birkenau State Museum in Poland from 2001 to 2023 // Statista [site]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1115176/attendance-auschwitz-birkenau-memorial/> (accessed: 27.09.2024); Over 1.2 million people have already visited the Auschwitz Memorial and Museum in 2024 // Auschwitz-Birkenau State Museum [site]. URL: <https://www.auschwitz.org/en/museum/news/visit-auschwitz-org,1716.html#:~:text=Over%201.2%20million%20people%20have,expected%20to%20exceed%201.8%20million> (accessed: 27.09.2024).

Таким образом, Государственный музей Аушвиц-Биркенау, несмотря на то, что представленное в нем «трудное наследие» относится к самой «мрачной» части спектра Ф. Стоуна, успешно функционирует и как туристическое пространство. Вместе с тем необходимо отметить, что рост числа посетителей, а также увеличение временного разрыва между событиями Второй мировой войны и настоящим, привели к упрощению нарратива, транслируемого в издаваемых сегодня путеводителях, по сравнению с текстами путеводителей 1960–1970-х гг. Проведенный Е. И. Серпионовой и Е. И. Кудриным компаративный анализ русскоязычных путеводителей по музею, выпущенных в период с 1961 по 2018 г., показал, что со временем значительно изменилась структура основных путеводителей: от формата хронологически выстроенного повествования «от события к месту» к формату «от места к событию», начинающему рассказ с информации о собственно музее. Трансформации подверглась и содержательная часть: исчезли выдержки из архивных документов, сократился объем представленной информации (в частности, исчезла историческая справка о событиях, приведших к появлению концлагерей), уступив место большому количеству визуального материала, в текстах же подчеркивается эксклюзивность и уникальность экспонатов, что указывает на появление «маркетинговой тональности»¹⁶⁴, представляющейся неуместной в контексте истории локации.

Ориентация только на массового туриста заставляет воздействовать на эмоции и моментальную реакцию, а не на рефлексию и сохранение памяти. О подавленном состоянии и отрицательных эмоциях (такие как скорбь, грусть, страх, ужас, гнев) во время посещения музея в отзывах пишут многие туристы, однако о предостережении, которое несет в себе это мемориальное пространство, упоминают значительно реже, в основном воспроизводя расхожие формулировки и клише¹⁶⁵ («фабрика смерти», «место окончательного решения

¹⁶⁴ См.: Серпионова Е. И., Кудрин Е. И. «Фабрика смерти стала фабрикой туризма». Сравнительный анализ путеводителей по мемориалу Аушвиц // Военно-исторический журнал. 2023. № 11. С. 86–91.

¹⁶⁵ См.: Бугрова Е. Д. Речевой портрет танатотуриста // Речевая коммуникация в современной России : тезисы докладов VI Международной научной конференции (Омск, 27–30 сентября 2021 г.). Омск : Изд-во ОмГУ, 2021. С. 7–9.

еврейского вопроса», «царство смерти», «ад на земле», «место памяти», «место великих злодеяний», «место невероятного ужаса» и др.), музей словно бы воспринимается обособленно от общего контекста исторических событий, как своего рода «заповедник зла», вместе с тем обязательный для посещения¹⁶⁶.

В контексте отечественной истории активно велась и ведется работа по коммеморации событий Великой Отечественной войны, которая занимает особое место в коллективной памяти жителей России, воплощая культурный код прошлого, настоящего и будущего страны¹⁶⁷ и представляя собой сложившийся образ, определяемый в русскоязычной картине мира как «подвиг народа» и «священная война»¹⁶⁸. Исследования показывают, что для всех основных возрастных групп победа в Великой Отечественной войне представляется важнейшим фактом XX века, память о котором должны хранить последующие поколения, и воспринимается как «центральное в коллективной памяти россиян событие»¹⁶⁹, а Волгоградская область – регион, который ассоциируется в первую очередь именно с Великой Отечественной войной в целом и Сталинградской битвой в частности. Память об этом сражении прочно вписана в социокультурное пространство как Волгограда¹⁷⁰, так и многих других городов. Это событие воспринимается значимым не только в России, но и за рубежом, о чем свидетельствуют коммеморативные урбанонимы в разных странах. Как отмечают Л. Б. Зубанова и М. Л. Шуб, факт присвоения названия улице или иному городскому пространству представляет собой акт коммеморации «лишь в том случае, если наименования носят мемориальный характер, т.е. призваны

¹⁶⁶ См. Государственный музей Аушвиц-Биркенау // Tripadvisor [site]. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g274754-d275831-Reviews-Panstwowe_Muzeum_Auschwitz_Birkenau-Oswiecim_Lesser_Poland_Province_Southern_Polan.html (accessed: 02.07.2024).

¹⁶⁷ Андреева О. В. Великая Отечественная война в исторической памяти России // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в. : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Стерлитамак, 28 сентября 2018 г.). Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 5–11.

¹⁶⁸ Венедиктова Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Тюмень, 2004.

¹⁶⁹ Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11 (107). С. 76–82.

¹⁷⁰ Дулина Н. В. Культурная память как механизм идентификации в социокультурном пространстве города (на примере г. Волгограда) // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 406–407.

зафиксировать в коллективной памяти значимые для группы фрагменты прошлого»¹⁷¹, и, несомненно, использование отсылок к Сталинграду и Сталинградской битве в урбанонимах несет в себе мемориальную коннотацию. По данным поисково-информационных картографических сервисов «Google Карты» и «Яндекс.Карты» площадь Сталинградской Битвы и станция метро «Сталинград» есть в Париже (Франция), площади и улицы, названные в честь Сталинграда, существуют в Бордо, Лионе, Реймсе, Лиможе, Гренобле, Ницце, район Сталинград в Дижоне и др. Проспект Сталинграда есть и в историческом центре Брюсселя (Бельгия), иногда название в качестве неофициального используют для всего прилегающего района.

В Волгограде же хранит память об этом решающем сражении Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», в состав которого включены историко-мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане, музей-панорама «Сталинградская битва», возведенный на историческом месте высадки в сентябре 1942 г. 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. И. Родимцева, исторический заповедник – руины мельницы им. К. Н. Грудина (также известна как мельница Гергардта), в которой находился наблюдательный пункт командира гвардейского стрелкового полка И. П. Елина. Кроме того, неподалеку находятся Дом Павлова, Стена Родимцева, БК-13 и музей «Память», расположенный в подвальной части здания Центрального универмага, где размещался штаб немецкой армии и где 31 января 1943 г. сдался в плен генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс¹⁷². В 2011 г. Указом Президента Российской Федерации Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» был отнесен к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации¹⁷³, а мемориальный комплекс на Мамаевом кургане с

¹⁷¹ Зубанова Л. Б., Шуб М. Л. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 54.

¹⁷² О музее-заповеднике // Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» [сайт]. URL: <https://stalingrad-battle.ru/about/> (дата обращения: 02.07.2024).

¹⁷³ Указ Президента РФ от 22 декабря 2011 г. N 1671 «Об отнесении федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации // Электронный фонд правовых и

2014 г. является кандидатом на внесение в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО как «символ героизма и патриотизма советского народа и дань памяти погибшим в великой битве на Волге, самом значимом сухопутном сражении в истории человечества, ставшем переломным моментом во Второй мировой войне»¹⁷⁴.

Таким образом, музей-заповедник «Сталинградская битва» – буквальное воплощение «места памяти», представляющее собой и аутентичное место сражения, и мемориал, отличающийся исключительным уровнем символизма, и музей, и своего рода иммерсивная инсталляция (панорама)¹⁷⁵. Именно здесь можно наблюдать максимальное сближение истории и памяти, ориентированное на широкую аудиторию, которое позволяет представлять объект и как важнейшее мемориальное место локального и глобального уровня, и как место притяжения туристов, внутренних и въездных, со всей необходимой инфраструктурой и ресурсами для посетителей. В 2023 г. музей-заповедник «Сталинградская битва» стал вторым по посещаемости музеем России, приняв 3,6 млн посетителей и обогнав по этому показателю даже Эрмитаж¹⁷⁶. Возможно, в 2025 г. количество туристов в музей-заповедник вырастет еще – в связи с 80-летней годовщиной Победы в Великой Отечественной войне.

Не менее важным является и сохранение памяти о блокаде Ленинграда, которая воспринимается как «культурная травма» и как общая, коллективная память россиян¹⁷⁷ о страшной трагедии и великом подвиге. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (далее в тексте – Музей обороны и блокады Ленинграда) находится на территории Соляного городка в Санкт-Петербурге. История музея начинается с открытия выставки

нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902319333> (дата обращения: 02.07.2024).

¹⁷⁴ Mamayev Kurgan Memorial Complex «To the Heroes of the Battle of Stalingrad» // UNESCO [site]. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/5936/> (accessed: 02.07.2024).

¹⁷⁵ См. подробнее: Бугрова Е. Д., Кириллова Н. Б. Культурно-познавательный туризм как ресурс memory studies // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21. № 4. С. 348–357.

¹⁷⁶ Музей-заповедник «Сталинградская битва» занял второе место по посещаемости в России // Смотрим [медиаплатформа]. URL: <https://smotrim.ru/article/3757041> (дата обращения: 02.07.2024).

¹⁷⁷ Головашина О. В. Как боль становится общей? Культурная травма как процесс // Studia Humanitatis. 2018. № 4. URL: <https://st-hum.ru/content/golovashina-ov-kak-bol-stanovitsya-obshchey-kulturnaya-travma-kak-process> (дата обращения: 02.07.2024).

«Героическая оборона Ленинграда» в конце апреля 1944 г. В октябре 1945 г. выставка была преобразована в музей, ставший, таким образом, единственным в мире военным музеем, созданным в период боевых действий Второй мировой войны¹⁷⁸. С 1953 г. музей не функционировал, а 8 сентября 1989 г. был вновь открыт. Сегодня музей является важной площадкой для изучения и трансляции истории Ленинграда – Санкт-Петербурга в годы Великой Отечественной войны. Здесь разработано семь авторских экскурсий, созданных сотрудниками музея и посвященных разным аспектам жизни в блокадном городе. Например, экскурсия А. Грицай посвящена подвигу женщин в блокадном Ленинграде, а на экскурсии Е. Куракина можно узнать о том, как во время блокады боролись с одной из главных болезней – дистрофией. Экскурсии реализуются как в самом музее, так и за его пределами – таковы, в частности, экскурсия Д. Мастридеева по Соляному городку и пешеходная экскурсия А. Кучиной, включающая рассказ о центре Ленинграда – Санкт-Петербурга в годы блокады. Это подчеркивает важность понимания, что не только музей, а практически весь город представляет собой *место памяти* о событиях Великой Отечественной войны. Отдельно упомянем интерактивную экскурсию для детей, посвященную тому, как собирались экспонаты для музея и какую роль в этом сыграли рядовые жители Санкт-Петербурга¹⁷⁹.

Отметим, что коммеморация значимых событий Великой Отечественной войны активно продолжается, активно развиваются и обновляются многие мемориальные музеи. Так, в 2020 г. в Петрищеве состоялось открытие нового музейного комплекса памяти Героя Советского Союза Зои Космодемьянской, посвященного контрнаступлению советских войск в битве под Москвой. Сегодня в состав музейного комплекса входят собственно современный мультимедийный музей «ЗОЯ», Дом В. и П. Кулик (изба, где З. Космодемьянская находилась перед казнью), мемориал на месте казни и место первого

¹⁷⁸ История музея // Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда [сайт]. URL: <https://blokadamus.ru/history/#> (дата обращения: 02.07.2024).

¹⁷⁹ См.: Bugrova E. D., Kirillova N. B. Memorial museums as an object for studying cultural and historical heritage in the system of modern education // Perspectives of Science and Education. 2024. Vol. 70. № 4. P. 40–53.

захоронения. Можно предположить, что обновление музейного и мемориального пространства в Петрищево во многом связано с реакцией на распространившийся в конце 1980-х и 1990-е гг. феномен дегероизации, то есть отступления «от героического пафоса и героических образов в художественном творчестве и шире – в постоянно инициируемых социальных практиках, навязываемых всему обществу»¹⁸⁰, и дискуссий о сложившихся устойчивых героических символах и их прототипах¹⁸¹. Отметим, что этот процесс коснулся не только индивидуальных (Зоя Космодемьянская, Александр Матросов¹⁸²) или групповых (герои-панфиловцы) образов-символов времен Великой Отечественной войны, но и более ранних – как, например, пионер-герой Павлик Морозов¹⁸³. В таком контексте обновленный музей «ЗОЯ», несомненно, актуализирует героический образ-символ и становится важным объектом в рамках патриотического направления культурно-познавательного туризма. Однако музей, находящийся на расстоянии около 100 км от Москвы, обладает низкой транспортной доступностью – относительно быстро до Петрищево туристы могут доехать только на автомобилях или в составе организованных автобусных экскурсий; при поездке на общественном транспорте требуется пересадка, а расписание автобуса, на котором от железнодорожной станции «Дорохово» можно добраться до Петрищево, не адаптировано под потенциальных туристов – в день совершается всего один рейс по этому маршруту¹⁸⁴. Кроме того, в том же направлении расположен еще один объект, связанный с военно-патриотическим туризмом и обладающий большей транспортной доступностью и медийностью, – Центральный военно-патриотический парк культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации «Патриот», который, возможно, представляется туристам более

¹⁸⁰ Смирнов С. Ю. Технологии дегероизации в сознании российского общества // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 3. № 4. С. 223.

¹⁸¹ Сенявская Е. С. Проблема героических символов в общественном сознании России: уроки истории // Вестник РУДН. Серия «Отечественная история». 2002. № 1. С. 20.

¹⁸² Масаев М. В., Разбеглова Т. П. О некоторых аспектах феномена культурной войны // Дискурс-Пи. 2016. № 1 (22). С. 64.

¹⁸³ См., например, Кононенко В. Посмертно... репрессировать? // Человек и закон. 1989. № 1. С. 73–78.

¹⁸⁴ По состоянию на 2024 г. См., например: Автобус Руза → Митинка: билеты и расписание // Tutu.ru [сайт]. URL: https://bus.tutu.ru/raspisanie/gorod_Ruza/gorod_Mitinka/ (дата обращения: 09.09.2024) и др.

привлекательным объектом ввиду развитой инфраструктуры, а также большого количества активностей и мероприятий. Таким образом, музейному комплексу «ЗОЯ» сложно реализовать весь свой туристический потенциал, несмотря на современную экспозицию и аутентичное расположение, значительно влияющего на восприятие памятного нарратива.

Появляются новые монументы: в 2020 г. был открыт Ржевский мемориал Советскому Солдату в память о погибших в боях подо Ржевом в 1942–1943 годах в ходе Великой Отечественной войны. Важно, что этот монумент обладает достаточной транспортной доступностью – в 2021 г. была открыта железнодорожная станция «Ржевский мемориал» – туристы, желающие посетить мемориальный комплекс, могут уехать с Рижского вокзала Москвы на скоростных поездах «Ласточка»¹⁸⁵. Также примечательно, что мемориал изображен на обновленной сторублевой купюре.

Особое место в культурном наследии России также занимают объекты, сохраняющие память о политических репрессиях в Советском Союзе. Уже в конце 1953 г. в МВД СССР была подготовлена справка, согласно которой число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления за период с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. составило более 4 млн человек¹⁸⁶. Массовые репрессии затрагивали различные социальные, этнические и профессиональные группы населения: крестьянство, интеллигенцию или представителей государственного и партийного аппарата; а исполнители одной волны репрессий вскоре сами могли оказаться жертвами.

Согласно Федеральному закону «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» к достопримечательным местам могут быть отнесены и места захоронений жертв массовых репрессий¹⁸⁷.

¹⁸⁵ В Тверской области открылась железнодорожная станция «Ржевский мемориал» // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11315591> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁸⁶ Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и Политика. 2009. № 6 (33). С. 92.

¹⁸⁷ Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями на 8 августа 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения: 21.08.2024).

Важной вехой в процессе коммеморации этого явления стало утверждение в 2015 г. Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, в которой отмечается «необходимость объективного анализа как достижений Российского государства, так и его трагических страниц, в том числе политических репрессий»¹⁸⁸, а также, среди прочих, поставлены такие задачи, как формирование инфраструктуры, связанной с увековечением памяти жертв политических репрессий, и использование ее в качестве ресурса развития территорий; а также обеспечение доступности для населения мемориальных объектов, посвященных памяти жертв политических репрессий. Выполнение этих задач позволяет развивать такие объекты «трудного наследия» и в качестве туристических достопримечательностей, способствующих «укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России»¹⁸⁹.

Значительную работу по реализации задач указанной концепции выполняют музеи памяти, ориентированные на репрезентацию и осмысление «трудного прошлого», активно применяющие коммеморативные практики в своей экспозиционно-выставочной, образовательной и воспитательной деятельности и способствующие функционированию коммеморации как социокультурного явления, способствующего сохранению в общественном сознании памяти о ключевых событиях «трудного прошлого»¹⁹⁰. В 2015 г. по инициативе Музея истории ГУЛАГа была создана Ассоциация музеев памяти, которая объединяет музеи, которые посвящены истории советских массовых репрессий, а также музеи, которые считают эту тему важной. На сегодняшний день в Ассоциацию входит 58 музеев из 30 регионов России¹⁹¹.

¹⁸⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. N 1561-р «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» (с изм. на 20 июня 2024 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420294740?marker=6500IL> (дата обращения: 07.08.2024).

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Иванова О. В. Коммеморативные практики музеев памяти: опыт Музея истории ГУЛАГа // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 4. С. 1388.

¹⁹¹ См.: Ассоциация музеев памяти [сайт]. URL: <https://memorymuseums.ru/> (дата обращения: 27.08.2024).

На текущий момент сохранился только один лагерь сталинской эпохи, превращенный в подобный музей, – Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» в Кучине (Пермский край). Исправительно-трудовая колония (ИТК) № 6 появилась в 1942 г., несколько раз меняла свою дислокацию, пока в 1946 г. не была переведена в д. Кучино Чусовского района. Большая часть заключенных представляла осужденных по уголовным статьям, таким как кражи и растраты. В 1953 г. профиль колонии изменился: теперь здесь содержались заключенные из числа бывших сотрудников силовых ведомств (милиции, суда, прокуратуры, ГУЛАГа), которые содержались на общем и облегченном режиме. Этот период известен как «красная зона». Следующим этапом истории ИТК стал 1972 г., когда колония УТ 389/6 и Скальнинская воспитательно-трудовая колония были ликвидированы, а на их месте появились колонии ВС 389/36 («Пермь-36») и ВС 389/35 для содержания политических заключенных¹⁹². В 1980 г. при колонии «Пермь-36» был создан участок особого режима для «особо опасных государственных преступников». В 1988 г. колония была закрыта. Работы по консервации и мемориализации участка особого режима начались в 1994 г., тогда же создан Мемориальный музейно-архивный комплекс «Мемориал жертв политических репрессий» (с 2019 г. – Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36»). Заведующий научно-методическим отделом музея С. А. Шевырин отмечает, что в настоящее время хорошо изучены два периода истории ИТК – ГУЛАГовский и «красной зоны», а третий сложен для исследования ввиду того, что архивные документы этого периода еще не рассекречены, информация о нем получена в основном из воспоминаний бывших заключенных и бывших охранников¹⁹³.

Помимо работы по пополнению музейных коллекций, реконструкции комплекса и исследовательской деятельности, музей «Пермь-36» активно

¹⁹² Шевырин С. А. История музея-заповедника «Пермь-36»: опыт историографического осмысления и музеефикации // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 4. С. 1332–1334.

¹⁹³ Там же. С. 1334.

использует современные технологии и новые подходы к работе с посетителями. Многие экспозиции в музее выстроены вокруг рассказа об истории политических репрессий через судьбы людей.

В 2023 г., помимо методических семинаров, посвященных актуальным вопросам сохранения памяти о жертвах политических репрессий, на базе музея был проведен открытый методический семинар для экскурсоводов. Запланирована разработка новых туристических маршрутов, организацию передвижных выставок и кинопоказов из фильмотеки «Пермь-36», активное участие музея в различных культурных проектах, как «Ночь музеев», «Астафьевские чтения» и др.¹⁹⁴ Музей организует разнообразные мероприятия, направленные на привлечение молодежной аудитории, в частности, студентов училищ творческой направленности в Пермском крае. Результатом такого взаимодействия становятся выставки студенческих художественных работ – эскизов, набросков и картин. Количество посетителей в 2023 г. составило 43 795 человек из 11 стран и 72 регионов России¹⁹⁵. «Пермь-36» представляет собой уникальный мемориальный объект, организованный в аутентичном пространстве, рассказывающий историю разных этапов функционирования ИТК и относительно доступный для широкой аудитории (особенно в сравнении с объектами Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря Дальстроя в Магаданской области) – объект можно посетить в рамках однодневной поездки из Перми, также в Перми работает офис музея.

Стоит также отметить уникальный церковно-общественный мемориал, посвященный памяти жертв репрессий советского периода в Бутове. Мемориальный центр «Бутово» создан в 2002 г. на территории Бутовского полигона (бывшей спецзоны НКВД-ФСБ «Бутово»), крупнейшего в Московском регионе места массовых расстрелов и захоронений жертв сталинских репрессий.

¹⁹⁴ В 2023 году Музей-заповедник «Пермь-36» вел активную и разностороннюю просветительскую деятельность // Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» [сайт]. URL: <https://mperm36.ru/v-2023-godu-muzej-zapovednik-perm-36-vel-aktivnuyu-i-raznostoron> (дата обращения: 09.06.2024).

¹⁹⁵ Там же.

Одним из основных объектов комплекса является открытый в 2017 г. мемориал «Сад памяти» – крупнейшего памятника России, установленного на месте захоронения жертв массовых репрессий. Символическая значимость этого мемориала выходит за рамки простого увековечения памяти погибших, поскольку он служит свидетельством трагической страницы в истории России XX века, важным назиданием для ныне живущих. Протоирей К. Г. Каледа указывает, что при создании мемориала «в основу идейно-художественного решения был положен принцип символического воспроизведения “расстрельных списков” Бутовской спецзоны НКВД 1937–1938 гг., предписаний о приведении в исполнение приговоров о высшей мере наказания и актов об их исполнении», таким образом, «Сад памяти» представляет собой «образ раскрытого “расстрельного рва”, спускаясь в который, посетители оказываются на одном уровне с расстрелянными, тела которых находятся в погребальных рвах рядом. На стенах памятника, на гранитных плитах, высечены имена всех 20 762 человек, убиенных на полигоне в 1937–1938 гг., вне зависимости от их национальностей, вероисповеданий и политических мировоззрений и того, реабилитированы они или нет»¹⁹⁶.

Экскурсии по территории комплекса разработаны с учетом профиля посетителей – есть варианты как для паломнических, так и для светских групп, в том числе и образовательные для учащихся высшей и средней школы, адаптированные к возрасту экскурсантов. Кроме того, Приход Храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове совместно с Мемориальным научно-просветительским центром «Бутово» предлагают краткосрочные курсы, направленные на изучение истории памятника, особенностей мемориального комплекса, а также правил экскурсионного обслуживания на данной территории. Данные курсы позволяют овладеть навыками для проведения базовой экскурсии и разработки авторского

¹⁹⁶ Каледа К. Г. Бутовский полигон: история и мемориализация // Церковь. Богословие. История : Материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции, посвященной 100-летию мученической кончины святых Царственных страстотерпцев и их верных спутников, Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 года. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 28.

экскурсионного продукта. По итогам обучения у слушателей есть возможность получить аккредитацию, сдав базовую экскурсию по объекту. По результатам слушатели получают свидетельство об аккредитации, дающее возможность проведения экскурсий по территории мемориального комплекса с осмотром двух действующих Храмов и мемориала «Сад памяти»¹⁹⁷.

Важным проектом мемориального центра является интерактивная карта «Национальная трагедия. Массовые захоронения жертв политических репрессий 1937–1938 гг. на территории Российской Федерации»¹⁹⁸, данные которой в том числе можно использовать для создания тематических туристических маршрутов и экскурсий в разных регионах страны.

Однако не все в структуре «трудного наследия» представлено материально и, соответственно, способно стать значимым объектом туристского интереса. Так, объекты, связанные с современными техногенными и антропогенными катастрофами, достаточно сложно поддаются идентификации в качестве значимого наследия. Болезненные воспоминания, имеющие свойство со временем стираться и оставаться в *прошлом*, достаточно редко трансформируются в монументальные «места памяти», служащие напоминанием о «трудной» истории и предостережением от повторения подобного в будущем, и, соответственно, обычно не становятся объектами, способными привлекать большое количество туристов, несмотря на определенный потенциал. Чаще всего интерес вызывают широко освещенные в медиа события, приобретающие глобальную символическую значимость и растворяющие в себе нарративы о других схожих событиях, которые при этом не менее важны и актуальны для локальных сообществ.

Например, Кыштымская авария, одна из наиболее серьезных радиационных аварий, произошедшая на Южном Урале почти за три десятилетия до чернобыльской катастрофы, долгое время оставалась

¹⁹⁷ Бутовский полигон – наша память! [сайт]. URL: <https://butovo-polygon.ru/> (дата обращения: 09.06.2024).

¹⁹⁸ Национальная трагедия. Массовые захоронения жертв политических репрессий 1937–1938 гг. на территории Российской Федерации [сайт]. URL: <https://rusgolgotafamar.ru/> (дата обращения: 09.06.2024).

малоизвестной. Сведения об инциденте, случившемся 29 сентября 1957 г. на комбинате № 817 (в настоящее время известном как Производственное объединение «Маяк»), на протяжении многих лет не разглашались советскими властями, последствия аварии скрывались от населения страны, включая жителей Уральского региона, непосредственно подвергшегося радиоактивному загрязнению. Тем не менее из-за обширной зоны радиоактивного заражения и привлечения к послеаварийным работам большого числа людей, впоследствии разъехавшихся по стране, слухи о «ядерном взрыве», «радиационной аварии» и «взрыве атомного реактора» рядом с Кыштымом в Челябинской области распространились далеко за пределы региона, достигнув даже зарубежных стран¹⁹⁹. По международной шкале ядерных событий (ИНЕС/INES), разработанной Международным агентством по атомной энергии, Кыштымская авария относится к шестому уровню и квалифицируется как «Серьезная авария», уступая по тяжести последствий только авариям на Чернобыльской АЭС и АЭС Фукусима-1, относящихся к максимальному седьмому уровню – «Глобальная авария»²⁰⁰.

В 2006 г., в двадцатую годовщину Чернобыльской катастрофы в Донецке был открыт Мемориал чернобыльской славы участникам ликвидации последствий аварии на ЧАЭС – в память о 8 тыс. дончан, принимавших участие в послеаварийных работах, а в 2016 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию, провозгласившую 26 апреля Международным днем памяти о чернобыльской катастрофе²⁰¹. А в 2020 г. в Футабе был открыт Мемориальный музей Великого восточно-японского землетрясения и ядерной катастрофы (также известен как «Дансёкан»), в котором около 200 экспонатов рассказывают об ущербе, нанесенном

¹⁹⁹ Толстикова В. С., Кузнецов В. Н. Кыштымская радиационная авария 1957 года: первые оценки радиационной обстановки после взрыва // Глобальная ядерная безопасность. 2018. № 2 (27). С. 107–108.

²⁰⁰ ИНЕС: Руководство для пользователей международной шкалы ядерных и радиологических событий // Международное агентство по атомной энергии [сайт]. URL: <https://www.iaea.org/ru/publications/8446/ines-rukovodstvo-dlya-polzovateley-mezhdunarodnoy-shkaly-yadernyh-i-radiologicheskikh-sobytyiy> (дата обращения: 01.09.2024).

²⁰¹ Международный день памяти о чернобыльской катастрофе, 26 апреля // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/observances/chernobyl-remembrance-day> (дата обращения: 26.04.2024).

землетрясением, цунами и ядерной аварией. Посетители могут увидеть пожарную машину, раздавленную цунами, детальную диораму, изображающую поврежденную в результате аварии атомную электростанцию Фукусима-1, а также материалы, демонстрирующие суровые условия эвакуации из-за ядерной катастрофы. Музей служит сохранению памяти о трагедии и своего рода руководством на будущее – на случай, если подобная «тройная катастрофа» где-либо когда-либо повторится²⁰².

В отличие от аварий на ЧАЭС и Фукусиме-1, память о непосредственно Кыштымской аварии представлена лишь одним доступным для широкой аудитории мемориалом – мемориалом «Жертвам Кыштымской аварии 1957 года», установленном в Кыштыме и представляющим собой плиту из мрамора со знаком радиационной опасности и надписью «Ликвидаторам аварии. Кыштым 57». Кроме того, на территории «Маяка» есть мемориальный камень с надписью «Помни»²⁰³, но предприятие находится в ЗАТО Озерск, что исключает возможность посещения памятника туристами. Однако отметим, что на территории уральских регионов присутствует достаточное количество мемориалов, посвященных жертвам и ликвидаторам радиационных катастроф в целом, таким образом, Чернобыльская и Кыштымская аварии начинают представлять собой единый памятный нарратив о радиационных катастрофах на территории бывшего СССР.

Тем не менее туристический интерес к истории аварии достаточно высок. В частности, Н. А. Рундквист, известный уральский путешественник и автор большого числа путеводителей, посвятил Кыштымской аварии отдельный очерк в своей книге «Страшные тайны Урала», рассчитанной на широкий круг читателей, но в первую очередь – на любителей путешествий²⁰⁴. Кроме того, в рамках массового опроса, реализованного М. Л. Шуб для получения

²⁰² 東日本大震災・原子力災害伝承館 [site]. URL: <https://www.fipo.or.jp/lore/en> (accessed: 11.03.2024).

²⁰³ Жертвам Кыштымской аварии 1957 г. // ВДПО [сайт]. URL: <https://xn--b1ae4ad.xn--p1ai/place/1865#:~:text=Мемориал%20расположен%20в%20микрорайоне%20Кыштымского,Кыштым%2057> (дата обращения: 29.09.2024).

²⁰⁴ Рундквист Н. А. Страшные тайны Урала. Екатеринбург: «Квист», 2016.

информации о стратегиях формирования и восприятия городской идентичности жителей городов Южного Урала, жители Озерска называли ПО «Маяк» среди тех городских объектов, которые нужно сохранить для потомков²⁰⁵.

Опрос студентов Южно-Уральского государственного университета, проведенный в 2023 г. И. В. Сибиряковым и Е. Г. Сосновских, также показал, что большая часть респондентов выразила желание посетить место аварии, помимо этого, участники опроса отметили необходимость установки памятника ликвидаторам аварии в Челябинске и создания посвященного катастрофе раздела в музее Южного Урала²⁰⁶. Также исследователи указали на то, что одним из значимых визуальных образов, связанных с памятью об аварии, стал дорожный знак «р. Теча»²⁰⁷, таким образом, можно предположить, что эта река, подвергнувшаяся интенсивному радиоактивному загрязнению, представляет собой едва ли не основу доступных для туристов объектов «трудного наследия» Кыштымской аварии.

Подобным образом ситуация обстоит и с коммеморацией катастроф в области здравоохранения. Если ранее на протяжении столетий существовала практика коммеморации различных эпидемий (установка чумных колонн как символов победы над чумой; возведение церквей и часовен, в частности, в Санкт-Петербурге в 1832 г. при Никольской единоверческой церкви были построены две часовни в память об избавлении от холеры²⁰⁸), то с наступлением XX века такие обычаи уходят в прошлое. К примеру, унесшая жизни не менее 17 млн человек в 1918–1920 гг. пандемия испанского гриппа у исследователей истории медицины получила название «забытой пандемии»²⁰⁹, не появилось и крупных мемориалов жертвам пандемии COVID-19 (предложенный в 2020 г. уругвайским

²⁰⁵ Шуб М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей промышленных городов. Челябинск: ЧГИК, 2021. С. 272.

²⁰⁶ Сибиряков И. В., Сосновских Е. Г. Виртуальный образ экологической катастрофы (на примере Кыштымской аварии 1957 г.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2023. Т. 23. № 3. С. 30.

²⁰⁷ Там же. С. 27–30.

²⁰⁸ Шерих Д. Агонизирующая столица. Как Петербург противостоял семи страшнейшим эпидемиям холеры. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. С. 225.

²⁰⁹ См.: Pandemic Re-Awakenings The Forgotten and Unforgotten 'Spanish' Flu of 1918–1919 / ed. G. Beiner. Oxford: Oxford University Press, 2022. 391 p.; Banerjee D. The Mystery of the Missing Pandemic // History of the Present. 2023. Vol. 13. Iss. 1. P. 57–70.

архитектурным бюро Gómez Platero проект Всемирного мемориала памяти жертв пандемии на сегодняшний день не реализован). Также практически не представлена материальными «местами памяти» широко освещаемая СМИ с 1970-х гг. талидомидовая трагедия, в основном сохраняясь в виртуальных медиа (например, сайты фондов жертв трагедии в разных странах, тематические публикации, приуроченные ко Международному дню инвалидов и Международному дню борьбы за права инвалидов). Немецкая компания Chemi Grünenthal, несмотря на недостаточные исследования безопасности лекарства для людей, выпустила препарат Contergan как седативное средство в октябре 1957 г. – это лекарство стало одним из самых продаваемых лекарств в Западной Германии в том году. В рекламной кампании заявлялось, что препарат безвреден и безопасен, в том числе и для беременных. В результате продажи в течение первого года производства достигли 90 тыс. единиц в месяц в двадцати странах и распространились за пределы Европы²¹⁰, а в конце 1961 г. была установлена связь между увеличением числа врожденных аномалий у новорожденных и приемом их матерями талидомида на ранних стадиях беременности. В общей сложности, согласно разным источникам, применение талидомида привело к рождению от 8 до 12 тыс. детей с различными формами физических уродств. После этого открытия препарат был запрещен, а трагическая ситуация стала ключевым событием в истории фармаконадзора – во многих странах была ужесточена система мониторинга безопасности лекарственных средств²¹¹.

Однако первый мемориал, посвященный жертвам талидомида, появился лишь в 2012 г. – в Штольберге, где находится компания Chemie Grünenthal, производившей опасный препарат, и представляет собой скульптурную композицию, изображающую ребенка с синдромом фокомелии (отсутствием верхних конечностей) – характерной патологией, вызванной талидомидом

²¹⁰ См.: Moro A., Invernizzi N. A tragédia da talidomida: a luta pelos direitos das vítimas e por melhor regulação de medicamentos // *História, Ciências, Saúde – Manguinhos*. 2017. Vol. 24. № 3, jul.-set. P. 606.

²¹¹ Мурашко М. А., Пархоменко Д. В., Асецкая И. Л., Косенко В. В., Поливанов В. А., Глаголев С. В. Роль и практика фармаконадзора в российском здравоохранении // *Разработка и регистрация лекарственных средств*. 2014. № 3 (8). С. 182–190.

(развитие синдрома фокомелии вследствие приема лекарственных средств также известно как талидомидовый синдром). Также компания создала аффилированный сайт о трагедии, на главной странице сообщается: «Трагедия с талидомидом навсегда останется частью истории нашей компании. Мы стремимся сохранить память живой, постоянно предоставляя больше доступной информации»²¹². Впоследствии были открыты еще два мемориала: в Великобритании в 2016 г.²¹³ и в 2023 г. – в Австралии. Накануне открытия мемориала в Канберре премьер-министр Австралии Э. Албаниз принес общенациональные извинения всем австралийцам, пострадавшим в результате талидомидовой трагедии, названной им «одной из самых мрачных глав в истории медицины Австралии, когда будущие матери, не по своей вине, подверглись воздействию препарата с разрушительными последствиями, которые были осознаны слишком поздно». На момент выступления премьер-министра в Австралии было официально зарегистрировано 148 жертв талидомидовой трагедии, хотя точно число пострадавших неизвестно²¹⁴. В настоящее время талидомид продолжает выпускаться как средство от лепры.

При этом стоит отметить, что в целом темы болезней и эпидемий пользуются популярностью у туристов – разрабатываются тематические экскурсии и маршруты, связанные с историей борьбы с холерой, чумой и другими болезнями (например, экскурсии бюро Discover Medical London²¹⁵, рассказывающие медицинской истории Лондона или авторская экскурсия «Эпидемии в Петербурге»²¹⁶).

Открытое признание ошибок прошлого в случаях техногенных катастроф и катастроф в области здравоохранения способно пресечь распространение

²¹² The Thalidomide tragedy and our engagement today [site]. URL: <https://www.thalidomide-tragedy.com/> (accessed: 11.06.2024).

²¹³ Thalidomide // Science Museum [site]. URL: <https://www.sciencemuseum.org.uk/objects-and-stories/medicine/thalidomide> (accessed: 11.06.2024).

²¹⁴ National Apology to all Australians affected by the Thalidomide Tragedy // Parliament of Australia [site]. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Hansard/Hansard_Display?bid=chamber/hansardr/27183/&sid=0030 (accessed: 11.06.2024).

²¹⁵ Discover Medical London [site]. URL: <https://discovermedicallondon.com> (accessed: 11.06.2024).

²¹⁶ Эпидемии в Петербурге // Tripster [сайт]. URL: <https://experience.tripster.ru/experience/23146/> (дата обращения: 11.06.2024).

слухов и «городских легенд», не соответствующих действительности и создающих негативный фон в социуме. Коммеморация подобных событий, признание их «трудным наследием» становится важным сигналом о принятии ответственности за произошедшее и указывает на то, что такие трагедии не должны и не будут повторяться.

Однако следует отметить и определенный вектор, связанный с перемещением коммеморативных практик в виртуальное пространство (как упомянутый сайт, посвященный талидомидовой трагедии). Веб-мемориалы активно появляются в последние годы. С одной стороны, подобный процесс позволяет не только сохранять память о большом количестве разных событий, но сделать ее доступной для большого количества людей²¹⁷. С другой – «цифровые» мемориалы не создают того ощущения сопереживания, о котором упоминала А. Ассман, таким образом, этот формат вряд ли сможет полностью заместить материально воплощенные мемориалы и интерес к ним в том числе и туристов, поэтому можно предположить, что реальное и виртуальное в данном случае должно дополнять друг друга.

Мемориальные музеи и мемориальные комплексы представляют собой основной туристский ресурс, используемый при репрезентации «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме. Объекты, непосредственно располагающиеся в непосредственных «местах памяти» воспринимаются как аутентичные и историкоцентричные объекты, следовательно, наиболее отвечающие познавательной функции. Для таких объектов характерно ощущение эмпатии, возможность разделить не только память, но получить свои личные переживания, усиливающие связь с прошлым, – посещение этих объектов представляется своеобразным погружением в историю (из рассмотренных и упомянутых примеров к таким можно отнести объекты, связанные с массовыми репрессиями в СССР, Мемориальный музей Великого

²¹⁷ См.: Ксенофонтова И. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 133–144.

восточно-японского землетрясения и ядерной катастрофы). Отдельно следует выделить среди них объекты, получившие особую символическую значимость. Такие объекты-символы обладают сверхвысокой узнаваемостью и медийностью, создают чувство общности и принадлежности к определенной культуре и привлекают к себе основные туристские потоки. Эта группа объектов включает музей-заповедник «Сталинградская битва», Государственный музей Аушвиц-Биркенау и др.

Мемориальные музеи, посвященные «трудному наследию», также рассматриваются как важный туристский ресурс – здесь снижен эмоциональный отклик, однако за счет более развитой инфраструктуры и транспортной доступности такие музеи могут использовать современные практики взаимодействия с посетителями, что позволяет эффективно реализовать познавательную функцию. Кроме того, такие музеи зачастую охватывают большее количество событий, в отличие от тех, которые посвящены истории конкретного места и происходивших там событий, а также обладают более высокой пропускной способностью.

Сложнее всего интегрируются в туристский продукт небольшие мемориалы и мемориальные доски, посвященные локальным трагедиям и происшествиям, способные заинтересовать широкую аудиторию лишь в составе комплексного продукта (например, тематической экскурсии), по отдельности такие объекты «трудного наследия» обычно находятся в тени более известных событий схожего характера и известны только местному населению или тем, кого с произошедшим связывают причины личного характера.

2.2. Музеефикация «мест памяти»

Интерес к сохранности объектов часто определяет то, как именно их будут экспонировать. У каждой формы воздействия на объект есть свои характерные последствия, более или менее значительные: от идентификации объектов, их

показа и охраны до перемещения, эмуляции и реадаптации²¹⁸. Все эти действия так или иначе приводят к значительным изменениям объектов. Особенно заметны такие изменения в случае включения объекта в туристический контекст: развитие туризма в любой локации требует появления соответствующей инфраструктуры. В данном параграфе рассматриваются такие стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме, как *экспонирование, консервация и перемещение*.

Адаптация аутентичных объектов «трудного наследия» для показа туристам – непростой процесс, поскольку, с одной стороны, необходимо оберегать сохранившееся оригинальное пространство, с другой – нужно соответствовать требованиям, предъявляемым сегодня к туристическим объектам, которые не всегда оказываются воплощаемыми в реальность без ущерба для подлинности объекта. К примеру, обеспечение доступной среды может оказаться весьма сложной задачей в случае руинированных объектов, аутентичных объектов на месте бывших тюрем, концлагерей и т. д. Стратегия *экспонирования* объекта «трудного наследия» подразумевает определенную «туристификацию», однако ее степень может сильно различаться – в зависимости от каждого конкретного случая. Стремление к демонстрации объекта и привлечению большего числа посетителей, желание, чтобы экспонируемое было понятно для широкой аудитории может приводить к значительной трансформации пространства, его наполнения. Стратегия *консервации* связана в большей мере с желанием сохранить объект «как есть» – объект скорее не посещают, а наблюдают; соответственно, степень антропогенного вмешательства в пространство здесь несколько меньше, однако усиливается влияние природных факторов.

Яркими примерами экспозиции и «туристифицированной» музеефикации могут выступить такие объекты, как бывшие тюрьмы и рассекреченные бункеры.

²¹⁸ Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 415.

Остров Алькатрас, находящийся рядом с Сан-Франциско, несмотря на свою достаточно разнообразную историю, известен прежде всего благодаря располагавшейся на его территории одноименной тюрьме, сегодня значительно коммерциализированной и являющейся узнаваемым образом в массовой культуре. Тюрьма действовала с 1934 по 1963 г., позиционировалась как место, откуда нельзя совершить побег; среди ее самых знаменитых заключенных – гангстер Аль Капоне. С 1972 г. бывшая тюрьма управляется Службой национальных парков США. Первоочередная задача этой службы состояла в том, чтобы очистить место от его сенсационных и постыдных ассоциаций и наполнить умы посетителей многослойной историей, включая уникальную естественную историю, значение острова как первого места расположения маяка на западном побережье и важность Алькатраса как военного форта. Директор Службы национальных парков во время перехода Алькатраса в ведение своего агентства счел необходимым преуменьшить значение тюрьмы как достопримечательности, заявив, что остров не будет представлять исключительно мемориал военному и гражданскому заключению²¹⁹. В 1976 г. Алькатрас был внесен в Национальный реестр исторических мест, а десять лет спустя был объявлен Национальным историческим памятником. Однако, несмотря на все усилия, Алькатрас привлекает посетителей именно как «место ужаса», свидетельствующее о своей самой мрачной и жестокой части истории, которая имеет значительное влияние на восприятие Алькатраса людьми²²⁰. При этом активное развитие музеефицированной тюрьмы привело к тому, что объект представляет собой не только «трудное наследие», но и представляется как пространство более развлекательной направленности. В музее представлены разнообразные программы, позволяющие посетителям исследовать сложную историю и наследие острова, есть возможность посетить Алькатрас в ночное

²¹⁹ Strange C., Kempa M. Shades of dark tourism: Alcatraz and Robben Island // *Annals of Tourism Research*. 2003. Vol. 30. № 2. P. 391.

²²⁰ Prodan A. Alcatraz Island: Historic Monument & Uncomfortable Heritage // *A Reader in Uncomfortable Heritage and Dark Tourism* / eds. S. Merrill, L. Schmidt. Cottbus: BTU Cottbus, 2009. P. 14–18.

время²²¹, некоторое время даже организовывалась мистическая экскурсия, рассказывающая о тюремных призраках, однако на сезон 2024–2025 была отменена²²².

Еще один объект «трудного наследия», ориентирующий в первую очередь на ожидания туристов, – музеефицированный «Бункер-42» в Москве. Объект «Бункер-42» («ЧЗ-293», «ГО-42») – это фортификационное сооружение заглубленного типа, расположенное в самом центре города. Разработка проекта сооружения началась после появления в США нового типа оружия массового уничтожения – атомной бомбы. В 1950 г. организация «СМУ Мосметростроя» приступила к строительству бункера. Параметры конструкции и глубина залегания объекта в 65 м были определены на основе результатов ядерных испытаний, проведенных в СССР в 1949 г. Предполагалось, что в условиях ядерной атаки данный объект обеспечит безопасное функционирование высшего руководства страны и будет способен противостоять всем поражающим факторам ядерного взрыва. В 2000 г. бункер был полностью рассекречен, спустя несколько лет выкуплен частной компанией с целью открытия музея, посвященного периоду «холодной войны». Экспозиция музея посвящена не только демонстрации технических возможностей противоатомного бункера, а экскурсии способствуют пониманию угроз, возникающих при глобальном конфликте. Следовательно, музей не просто документирует изменения в обществе, но и активно участвует в распространении знаний о прошлом, заставляет задуматься о последствиях возможных катастроф, при этом используя современные инструменты взаимодействия с посетителями²²³.

В настоящее время посещение музея возможно исключительно в рамках организованных экскурсий – сборных либо индивидуальных. Предлагаются разнообразие тематические экскурсии, такие как «Спецобъект», «Карибский

²²¹ Alcatraz Island // National Park Service [site]. URL: <https://www.nps.gov/alca/index.htm> (accessed: 23.07.2024).

²²² Alcatraz and Ghost Hunting Tour // The Haunt Ghost Tour [site]. URL: <https://thehaughthostours.com/alcatraz-ghost-tour/> (accessed: 21.07.2024).

²²³ Сливкова Ю. В. Экспозиционная деятельность музеев: трансформация как индикатор общественных изменений // Дни Ришелье в Гурзуфе : Сборник научных трудов VI научно-практической конференции, Гурзуф, 21 сентября 2019 года. Ялта: ГБУК Республики Крым «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник», 2021. С. 12.

кризис», «Легенды истории» и др. На территории бункера регулярно проходят мастер-классы по начальному военному обучению, уроки истории для учащихся школ, квесты и интерактивные игры, творческие встречи с художниками и писателями-фантастами, съемки документальных и художественных фильмов, а также телевизионных репортажей. Центральным элементом экспозиции является сам подземный бункер, сохранивший оригинальную архитектуру коридоров и помещений. Также в музее функционируют различные экспонаты, среди которых представлены советские радиостанции середины XX века, средства химической защиты, противогазы, счетчики Гейгера и агитационные плакаты той эпохи. На территории объекта также есть технические комнаты, кинозал, в котором демонстрируются документальные фильмы, освещающие историю Советского Союза времен холодной войны, макет центрального командного пункта, выставочный зал, рекреационная зона и подземный ресторан, вмещающий почти 700 человек.

Музей включен в национальную президентскую программу «Маршруты Победы». Помимо частных туристов и экскурсионных групп, музей принимает международные делегации политиков, студентов и молодежи по приглашению Министерства обороны Российской Федерации, Министерства иностранных дел и иных государственных учреждений²²⁴.

Как отмечалось в главе 1 данной работы, промышленные предприятия разных стран редко пытаются осветить и мрачные этапы своей истории, кроме того, экспонирование объектов «трудного наследия» индустриальной направленности осложнено еще и тем, что зачастую такие объекты продолжают функционировать и, соответственно, доступ туристов на территорию предприятия ограничен или полностью закрыт (как, например, на ПО «Маяк»: см. предыдущий параграф). Тем не менее в ряде случаев работа с корпоративными музеями компаний позволяет предоставить возможность для

²²⁴ Бункер-42 на Таганке [сайт]. URL: <https://bunker42.com/> (дата обращения: 21.07.2024).

туристов ознакомиться с историей конкретного предприятия, не скрывая и негативных аспектов.

Показателен пример сталелитейной компании voestalpine, основной завод которой был основан в Линце в 1938 г. как часть нацистского концерна Reichswerke Hermann Göring. Сегодня завод в Линце открыт для туристов – есть возможность посетить мультимедийный индустриальный парк Stahlwelt («Стальной мир»), представляющий новейшие технологии производства стали в доступном для самой широкой аудитории формате, экскурсию на производство, позволяющую увидеть соответствующие процессы своими глазами²²⁵, и Музей современной истории, посвященный строительству предприятия. Предисловие в буклете музея представляет собой обращение руководителя voestalpine Stahlwelt М. Кирхштайгера: «Быть на шаг впереди – это девиз и философия voestalpine. Музей современной истории посвящен нацистским подневольным работникам на территории предприятия Reichswerke Hermann Göring AG в Линце. В период с 1938 по 1945 г. тысячи иностранных рабочих использовались для работы в Линце в унижающих достоинство условиях: женщины и мужчины, молодые люди, военнопленные и узники концентрационных лагерей из более чем 30 стран. В музее современной истории основное внимание уделяется людям и их судьбам. Компания voestalpine создала место вечных воспоминаний, зная, что только тот, кто смотрит в прошлое, может заглянуть и в будущее»²²⁶. Отмечается, что в центре внимания выставки – люди и сложные условия жизни и труда, поскольку именно подневольные работники создали основу для компании, которая сегодня работает по всему миру, а сам музей современной истории – возможность для voestalpine погрузиться в свою историю и тщательно и всесторонне исследовать мрачную главу первых лет промышленного развития Линца²²⁷. Помимо этого, компания сообщает о выплаченных компенсациях²²⁸,

²²⁵ voestalpine Stahlwelt // Linz Tourismus [site]. URL: <https://www.linztourismus.at/en/leisure/discover-linz/museums-and-exhibitions/voestalpine-stahlwelt> (accessed: 31.07.2024).

²²⁶ Zeitgeschichte museum. – Linz: voestalpine Stahlwelt GmbH. P. 4.

²²⁷ Ibid. P. 6.

²²⁸ Ibid. P. 14.

таким образом, voestalpine подчеркивает, что не только не скрывает свою сложную историю, но и берет за нее ответственность, что положительно влияет на имидж как самой компании и Линца как крупного индустриального центра в целом.

В качестве примера *консервации* «трудного наследия» можно назвать город-призрак Вароша (Мараш) на Кипре, представляющий собой своеобразный «травматический» ландшафт, появившийся в результате фактического разделения Кипра на две части – греческую (Республика Кипр) и турецкую (здесь в 1984 г. была создана Турецкая Республика Северного Кипра, официально признанная только Турцией). Разделению предшествовал длительный конфликт, завершившийся в 1974 г. в государственном перевороте на Кипре, осуществленном Национальной Гвардией Кипра при поддержке находившейся у власти в Греции военной хунты и последующим вторжением турецких войск, что привело к серьезным военным столкновениям²²⁹. Для урегулирования конфликта с 1974 г. на острове находятся Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре, охраняющая «Зеленую линию» – демаркационную линию, установленную ООН в качестве границы между греческой и турецкой частями Кипра.

Именно на территории «Зеленой линии» и оказался квартал города-порта Фамагусты Вароша, покинутый жителями все в том же 1974 г. Отличительной чертой Вароши, выделяющей квартал из числа других городов-призраков, является то, что в 1970-х гг. Вароша была популярным туристическим направлением в Восточном Средиземноморье, принося значительный доход Кипру. В течение 46 лет квартал оставался закрытым для посещений, однако в октябре 2020 г. Вароша была частично открыта для публики по одностороннему усмотрению Турецкой Республикой Северного Кипра²³⁰. С этого момента законсервированный в результате конфликта квартал посетило более 2 млн

²²⁹ Mallinson W. Cyprus: A Modern History. London; New York: I. B. Tauris, 2005. P. 80.

²³⁰ Gültekin P. Assessment of traumatic landscapes in the context of urban memory and dark tourism: A case study of Northern Cyprus Varosha // Journal of Infrastructure, Policy and Development. 2024. Vol. 8. Iss. 14. 10197.

туристов²³¹, что заставляет задуматься о будущем Вароши: с одной стороны, и кипрское общество (даже разделенное), и специалисты в области туризма видят перспективы в реадaptации квартала и возвращении ему статуса популярного курорта, с другой – отмечают, что сохранившиеся разрушенные отели Вароши представляют собой «место памяти», вследствие чего руины должны быть сохранены в качестве мрачного напоминания о конфликте, но при этом открыты для посещения²³².

Еще одна стратегия – стратегия *перемещения* сегодня представляется спорной, однако до сих пор достаточно распространена.

Под *перемещением* подразумевается транспортировка объектов культурно-исторического наследия на новое место и зачастую дальнейшее их экспонирование. Основная цель перемещения – сохранение объекта в случае угрозы его частичной или полной утраты. В первую очередь объекты перемещают в случае войн, природных или техногенных катастроф – в подобных ситуациях нередко впоследствии происходит возвращение объектов в исходную локацию (в качестве примера назовем происходившую в годы Великой Отечественной войны музейную эвакуацию, благодаря которой были сохранены многие коллекции и экспонаты из музеев западной части СССР). Широко распространена и практика создания музеев, в которых представлены перенесенные из разных мест характерные для культуры того или иного региона артефакты. Однако при этом перемещение нередко становится причиной рассредоточения объектов из одной локации и – как следствие – утраты контекста, поскольку многие объекты неразрывно связаны с их оригинальным местоположением. Перемещение таких объектов также имеет серьезные последствия для локальной идентичности, поскольку, по мнению Д. Лоуэнталя, оно может приводить к искажению исторической значимости объекта и

²³¹ Varosha sees two millionth visitor since reopening // Cyprus Mail [site]. URL: <https://cyprus-mail.com/2024/08/02/varosha-sees-two-millionth-visitor-since-reopening/> (accessed: 21.08.2024).

²³² Holleran M., Holleran, S. Resisting dark tourism: Northern Cyprus's 'ghost city' of Varosha // City. 2024. Vol. 28. P. 1–13.

ослаблению связи с местной культурной традицией, а в случае с национальными символами перемещение способствует десакрализации²³³.

В настоящее время перемещение в ряде случаев воспринимается как неоднозначная практика, которая, к тому же, может превращать объекты культурно-исторического наследия в объекты «трудного наследия» – здесь речь идет о глобальной дискуссии, связанной с вопросами репатриации объектов, вывезенных по тем или иным причинам из стран, с историей и культурой которых они связаны. Проблемы деколонизации музеев и репатриации культурных ценностей широко обсуждаются в научном сообществе, освещаются как в зарубежных (Т. Дженкинс, М. Филан²³⁴ и др.), так и в отечественных исследованиях (О. А. Короткова, С. Б. Чебаненко²³⁵ и др.).

В монографии «Сохраняя их мрамор. Как сокровища прошлого оказались в музеях... и почему они должны там оставаться» Т. Дженкинс подробно анализирует дилемму перемещенных объектов и ставших таким образом «трудным наследием» как для музеев, в которых они экспонируются, так и локаций, из которых они в свое время были вывезены²³⁶.

В качестве основного аргумента за репатриацию объектов сторонники этого процесса называют то, что артефакты являются неотъемлемой частью национальной идентичности и культурного наследия страны происхождения; перемещение же этих объектов нарушает целостность национальной истории и культуры.

Оппоненты в свою очередь утверждают, что артефакты становятся частью глобального культурного наследия, когда попадают в музеи и другие учреждения за пределами своей страны происхождения. Также отмечается, что

²³³ Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 438–439.

²³⁴ См.: Phelan M. Stolen and illegally exported artefacts in collections. Key issues for museums within a legal framework // Museums, Ethics and Cultural Heritage / ed. B. L. Murphy. Oxon; NY: Routledge, 2016. P. 113–120.

²³⁵ См.: Короткова О. А. Концепция деколонизации музея: проблемы и возможности // Кунсткамера. 2021. Т. 3. № 13. С. 28–38; Чебаненко С. Б. Проблема возвращения и реституции предметов африканского искусства, вывезенных из Бенина в результате британской военной экспедиции 1897 г.: практика и правовые аспекты // Вопросы музеологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 319–335.

²³⁶ Jenkins T. Keeping their marbles. How the Treasures of the Past Ended Up in Museums... and Why They Should Stay There Oxford; NY: Oxford University Press, 2016. P. 202–289.

многие артефакты были вывезены законно и что их возвращение может привести к утрате важной информации и возможностей для исследований.

Кроме того, требования о репатриации могут служить политическим целям, включая упрочение национальной идентичности и усиление позиций политических лидеров. Еще одна грань конфликта – противостояние универсализма и партикуляризма, проявляющееся в напряженности между универсальными музеями, которые стремятся представить глобальное культурное наследие, и музеями, сосредоточенными на национальной идентичности и культурном наследии отдельных стран. Также в дискуссию включаются этические аспекты репатриации, в первую очередь касающиеся вопросов исторической справедливости, вины и компенсации.

На настоящий момент единого мнения относительно репатриации объектов культурного наследия не существует – и вряд ли компромисс появится в ближайшее время. Своего рода символом споров о перемещенных объектах стал Британский музей – список стран, предъявляющих музею требования о репатриации объектов культурного наследия, достаточно широк и не ограничивается бывшими британскими колониями. Сегодня о претензиях в Великобритании и Британскому музею заявляют Греция (скульптуры Парфенона), Нигерия («бенинская бронза»), Египет (Розеттский камень), Чили (культурные ценности с острова Пасхи и области Магальянес), Мексика и Ямайка²³⁷.

Проблема перемещенных объектов обладает значительным конфликтогенным потенциалом, особенно в случаях, когда они «отягощены грузом воспоминаний о прямой колониальной зависимости»²³⁸, однако хранение и экспонирование таких объектов в крупных и доступных для самой широкой аудитории музеях (таких как упомянутый Британский музей) позволяет значительно увеличить число людей, имеющих возможность увидеть их, – и,

²³⁷ Панков Е. С. «Всё вернуть по адресам»: проблема репатриации музейных ценностей в отношениях Великобритании и стран Латинской и Карибской Америки // Ибероамериканские тетради. 2024. № 2. С. 101–125.

²³⁸ Там же. С. 122.

соответственно, узнать таким образом об истории и культуре соответствующих стран.

«Туристификация» объектов, использующих представленные стратегии репрезентации объектов «трудного наследия», демонстрирует, что, в зависимости от управленческих решений, в контексте культурно-познавательного туризма «места памяти» могут сочетать в себе и познавательную, и развлекательную функцию (пример «Бункера-42»), а в ряде случаев «трудным» представленное наследие оказывается для определенных групп и не воспринимается таковым для основной массы туристов (как в случае стратегии перемещения). Стратегия консервации представляется своего рода переходной стадией для сохранения объектов «трудного наследия» для последующей музеефикации или реадaptации (а в отдельных случаях и уничтожения), а включение в туристические маршруты законсервированных объектов позволяет получить экономическую выгоду для локального сообщества и способствует развитию руинного туризма.

2.3. Проблемы аутентичности в репрезентации «трудного наследия»

Проблема восприятия локальной культуры в контексте туризма – одна из наиболее актуальных и сложно решаемых проблем. Вместе с тем исследования процессов конструирования, производства и потребления аутентичности культур, помещенных в туристический контекст, представляются наиболее разносторонними и разнообразными²³⁹. В данном параграфе рассматриваются стратегии репрезентации объектов «трудного наследия», значительно влияющие на аутентичность таких объектов, – *реадaptация, инсценировка, копирование и эмуляция*.

Аутентичность – многозначный термин, отражающий совокупность представлений разных социокультурных групп о «подлинности, истинности и неподдельности традиционных культурных черт, на основании которых

²³⁹ Соловьева А. Н. Концептуализация аутентичности в контексте глобализации культуры // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 2. С. 138.

осуществляется репрезентация и воспроизводство их идентичности»²⁴⁰. Репрезентация локальной идентичности во многих исследованиях в области взаимодействия культуры и туризма рассматривается как по своей сути «искусственная» и «неаутентичная», а вопросы возможного негативного влияния на местную культуру уже около полувека освещаются в научных культурологических, социологических и антропологических работах – в отличие работ экономической направленности, традиционно подчеркивающих положительный эффект от развития туризма²⁴¹.

Е. В. Мошняга отмечает, что несовпадение этнокультурных автостереотипов (то есть представлений носителей культуры о себе) и гетеростереотипов (представлений носителей одной культуры о носителях другой культуры) приводит к тому, что «в угоду туристскому спросу носители культуры стараются воссоздать стереотипизированную, метафоризированную аутентичность, при этом отходя от реальной правды современной жизни»²⁴².

Такая «искусственность», появляющаяся в результате влияния туризма на локальное сообщество, приводит к тому, что местная культура подвергается коммодификации, то есть превращается в ходовой товар или услугу.

В 1961 г. историк Д. Дж. Бурстин в книге «Образ: Путеводитель по псевдособытиям в Америке», анализируя то, как изменился американский туризм, отмечал, что стремление к стандартизации туристической инфраструктуры (например, создание международных гостиничных сетей, продажа готовых туров) привела к тому, что «локальная атмосфера» точно так же начала конструироваться по определенным стандартам. Места, являющиеся или претендующие на статус «туристической Мекки», выбирают для привлечения туристов определенные достопримечательности, представляющие собой в итоге продуманный искусственный продукт, предлагающий

²⁴⁰ Там же. С. 137.

²⁴¹ См., например, Kotler P., Haider D. H., Rein I. J. *Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations*. NY: Free Press, 1993. 388 p.; Walker J. R., Walker C. J. *Tourism: Concepts and Practices*. Dubuque: Kendall Hunt Publishing, 2018.

²⁴² Мошняга Е. В. *Концептуальное пространство межкультурной коммуникации в туризме в условиях глобализации*. М.: Советский спорт, 2010. С. 112.

путешественникам косвенный опыт взаимодействия с локальной культурой, наблюдение за ней со стороны. Эти достопримечательности – «культурные миражи, которые теперь можно найти в туристических оазисах повсюду»²⁴³. Путеводители, художественная литература, кино и телевидение заранее задают тон тому, что ожидать от такой достопримечательности, под этим влиянием у туристов возникают потребности, усугубляющие «искусственность» достопримечательности, например, увидеть местные ритуалы в удобное для них время, возможность легко сфотографировать достопримечательность и т. д. Таким образом, туристический опыт представляет собой «безвкусные и не вызывающие удивления репродукции того, что турист, переполненный образами, знал и так», а интерес к иной культуре у туриста «лучше всего удовлетворяется, когда картинки в его собственном сознании получают подтверждение в какой-то далекой стране»²⁴⁴.

В 1975 г. социологи Л. Тернер и Дж. Эш выпустили книгу «Золотые орды: международный туризм и периферия развлечений», в которой подвергли воздействию массового туризма на локальную культуру еще большей критике, сравнивая его с «огромным ущербом, нанесенным культуре в результате великого нашествия варваров»²⁴⁵, и показывая, что с развитием туризма местная культура неизбежно изменяется, подвергаясь сильному влиянию извне. В 1977 г. Д. Гринвуд в своем эссе «Культура за фунт стерлингов: Антропологический взгляд на туризм как культурную коммерциализацию» продолжает анализировать проблему «хрупкости» местной культуры перед натиском активно развивающегося туризма по всему миру. Д. Гринвуд подчеркивает разницу между вовлечением локального сообщества, когда местные жители добровольно участвуют в какой-либо культурной практике, направленной на привлечение туристов, и своеобразным вторжением индустрии туризма в

²⁴³ Boorstin D. J. *The Image: A guide to pseudo-events in America*. 25th anniversary edition. NY: Vintage Books, 1992. P. 99.

²⁴⁴ Boorstin D. J. *Op. cit.* P. 108–109.

²⁴⁵ Цит. По: Чир Дж. М. Туризм без вреда: миссия выполнима? // Курьер ЮНЕСКО. Июль-сентябрь 2024 года. URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/turizm-bez-vreda-missiya-vypolnima> (дата обращения: 27.07.2024).

локальную культуру. В первом случае такая деятельность местных жителей рассматривается как *работа*, она может оплачиваться и зачастую уже лишена сакрального, ритуального смысла, представляя собой «приманку» для туриста; во втором же случае в качестве «приманки» для туристов начинают использовать те обряды, ритуалы и традиции, которые, по мнению местных жителей, направлены только на «своих», а «чужаки» не могут быть допущены ни как участники, ни как зрители, поскольку обращения с такими традициями как с туристической достопримечательностью приведут к их разрушению²⁴⁶.

Дж. Урри же видит в развитии туризма возможность не утратить, а приобрести смыслы, поскольку, по его мнению, «краеугольный камень туризма – желание непосредственно присутствовать где-либо, будь то город, наделенный особым статусом в индустрии глобального туризма, или просто уголок земли, о котором рассказывал приятель. Места надо увидеть и прочувствовать “самому”: встретиться в том доме, где прошло чье-то детство, или посетить определенный ресторан, прогуляться по берегу именно этой реки и обязательно вскарабкаться именно на этот холм, и, конечно, все лично сфотографировать. Сопричастность подразумевает, что вы увидите, дотронетесь, услышите, ощутите запах или вкус конкретного места»²⁴⁷. Туризм дает возможность познакомиться с другими культурами, чтобы сильнее ощутить собственную культурную принадлежность – и это справедливо и для путешествующей, и для принимающей стороны. Оказавшийся в непривычном для себя окружении турист чувствует свою принадлежность к конкретной культуре, так же и принимающее сообщество, презентуя туристу свою культуру, актуализирует важные для себя смыслы, память о своей истории. Стремительное распространение туризма по всему миру, подкрепляемое медиатизацией, приводит к тому, что «практически каждое место получает шанс занять свою нишу»²⁴⁸, в том числе за счет того, что может

²⁴⁶ Greenwood D. J. Culture by the Pound: An anthropological perspective on tourism as cultural commoditization // Hosts and Guests: The anthropology of tourism / V. L. Smith (ed). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. P. 173.

²⁴⁷ Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 142.

²⁴⁸ Там же. С. 148.

сконструировать свой образ как уникальный и аутентичный с точки зрения потребителя.

Реадаптация позволяет привести в соответствие с современными потребностями объекты, которые без адаптации к новым условиям скорее всего исчезли бы. Длительное сохранение обычно предполагает и новое использование, порой далеко уходящее от первоначального предназначения, поскольку то, что становится все менее и менее пригодным для изначальных целей, с ходом времени чаще всего просто перестают существовать²⁴⁹.

Стратегия *реадаптации* может быть применена как к одной из составляющих объекта «трудного наследия», так и всему пространству объекта. Пример частичной реадаптации объекта можно обнаружить в Тобольском тюремном замке. Тюремный замок входит в состав Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и представляет собой Музей Сибирской каторги и ссылки. Мемориально-архитектурный комплекс с реконструированными интерьерами, воспроизводящими обстановку тюремного быта, иллюстрирует историю одного из наиболее известных пенитенциарных учреждений XIX–XX веков. Со времени основания в 1855 г. эта тюрьма служила ключевым распределительным пунктом для государственных и уголовных заключенных, направляемых по этапу на Сибирский Север и Восток. До 1989 г. Тобольская центральная тюрьма оставалась одним из самых суровых и жестких исправительных заведений России. Основной акцент в экспозиции Музея Сибирской каторги и ссылки, как и во многих других музеях-тюрьмах, сделан на истории тюрьмы, уделяется внимание узникам (среди известных арестантов каторжно-пересыльной тюрьмы – Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко²⁵⁰), содержащимся в замке, а особенности тюремного быта отражаются в элементах экспозиции²⁵¹. Туристы могут усилить впечатления от

²⁴⁹ Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 439–440.

²⁵⁰ Скульмовская, Л. Г. Роль современного музея в актуализации наследия: традиции и инновации // Культура как вид человеческого бытия и познания : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию д-ра филос. наук, профессора Полищука Виктора Ивановича, Ишим, 06 июля 2015 года. – Ишим: Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, 2015. – С. 203.

²⁵¹ Стаф В. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 3. С. 793.

экскурсии приняв участие в квесте «Побег из Тюремного замка», в основе которого – реальные события. Есть возможность приобрести фирменные сухари и сувениры в тюремной лавке, сделать памятные фотографии и селфи в специально оборудованной фотозоне. Однако для еще большего погружения посетителей в атмосферу с 2014 г. в Тюремном замке открыт хостел «Узник», номера которого расположены непосредственно в бывших камерах²⁵².

Реадаптации всего пространства объекта «трудного наследия» часто наблюдаются в случаях переосмысления в европейских городах старых еврейских кварталов, опустевших в период Второй мировой войны. В частности, через такую реадaptацию, вернувшую в кварталы жизнь и позволившую развиваться, оставив сложное прошлое позади, прошли Йозефов в Праге, Леопольдштадт в Вене и Казимеж в Кракове²⁵³. Однако при этом в кварталах сохраняется ряд примет, служащих напоминанием о мрачных страницах истории. Так, Пинкасова синагога в Йозефове (одна из старейших сохранившихся синагог Праги) стала музеем памяти и мемориалом жертвам Холокоста в Чехии. Мемориал в Пинкасовой синагоге – один из первых подобных памятников в Европе и сохраняет память о почти 80 тыс. погибших. Кроме того, в музее открыта уникальная выставка детских рисунков из Терезинского гетто²⁵⁴. При этом сам квартал – один из самых популярных у туристов, и, соответственно, его пространство подверглось стихийной «туристификации», вследствие которой локальный бизнес ориентирован в основном именно на туристические потоки, а не местное население²⁵⁵.

Особенно интересна в этом контексте трансформация VII района Будапешта – Эржбетвароша. Геттоизация еврейского населения в июне 1944 г. в Будапеште сначала следовала нетипичной схеме. Вместо того, чтобы объявить

²⁵² Тюремный замок // Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник [сайт]. URL: <https://tiamz.ru/home-rus/tyuremnyj-zamok.html> (дата обращения: 23.07.2024).

²⁵³ Szívós E. Turbulent history, troublesome heritage: political change, social transformation, and the possibilities of revival in the “Old Jewish quarter” of Budapest // *Hungarian Studies*. 2015. Vol. 29. Iss. 1–2. P. 94.

²⁵⁴ Pinkas Synagogue // Jewish Museum in Prague [site]. URL: <https://www.jewishmuseum.cz/en/explore/sites/pinkas-synagogue/> (accessed: 24.08.2024).

²⁵⁵ См.: Dumbrovská V. Urban Tourism Development in Prague: From Tourist Mecca to Tourist Ghetto // *Tourism in the City Towards an Integrative Agenda on Urban Tourism* / Eds. N. Bellini, C. Pasquinelli. Cham: Springer, 2017. P. 274–283.

один конкретный район города еврейским гетто, указ мэра постановил, что все евреи Будапешта должны переехать в так называемые дома с желтыми звездами (здания, специально обозначенные как обязательные места проживания евреев). Большинство таких зданий располагалось на пештской стороне города: их концентрация была особенно высока в V, VI, VII районах, где традиционно было сосредоточено еврейское население Будапешта. Однако уже в октябре 1944 г. были созданы два гетто, крупнейшее из которых находилось на территории Эржбетвароша²⁵⁶. За время оккупации Венгрии немецкими войсками еврейское население Будапешта сократилось с 200 тыс. до 70 тыс. человек в гетто²⁵⁷. После завершения войны не все жители Эржбетвароша вернулись в свои дома, многие попавшие в гетто люди впоследствии иммигрировали в Израиль (первая волна иммиграции пришлась на 1948 г.)²⁵⁸. Опустевший район не пользовался популярностью у горожан, стремившихся перебраться в новые, более современные районы, не омраченные событиями недавнего страшного прошлого. Городские власти не могли найти инвесторов для реновации района. Эржбетварош пребывал в упадке до начала 2000-х гг., пока в 2002 г. в районе не открылся первый руин-бар – Szimpla Kert. Этот бар «первопроходцем» нового типа заведений, которые использовали заброшенные здания и пространства в городе, превращая их в уникальные места отдыха и общения. Szimpla Kert быстро приобрел популярность и стал символом движения руин-баров в Будапеште (см. рис. 2 и 3 в приложении).

Феномен руин-баров Будапешта показал, что креативные заведения могут успешно функционировать даже при наличии социального и физического упадка в городах, часто используя этот упадок для создания нестандартных предложений в сфере туризма и гостеприимства. Кроме того, подобный формат способен сыграть ключевую роль в процессе городского возрождения, в частности, в случае Эржбетвароша именно привлекательность руин-баров

²⁵⁶ Szívós E. Op. cit. P. 103.

²⁵⁷ Hungary after the German Occupation // Holocaust Encyclopedia [site]. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/hungary-after-the-german-occupation> (accessed: 23.07.2024).

²⁵⁸ Szívós E. Op. cit. P. 109.

позволила развернуться джентрификации квартала, что привело к значительному преобразению района, трансформирующегося из депрессивного пространства в модное и дорогое, а также популярное у туристов²⁵⁹. Однако стоит отметить, что руин-бары изменяются вместе с районом, превращаясь из баров, буквально расположенных в заброшенных зданиях, в более традиционные площадки.

При этом история Будапештского гетто в Эржбетвароше также сохраняется: на территории Большой синагоги, расположенной в этом районе, открыт мемориальный парк Рауля Валленберга, посвященный памяти венгерских евреев, погибших во время Холокоста, и памяти праведников народов мира.

Еще одной стратегией, широко распространенной при работе с объектами «трудного наследия», является стратегия *инсценировки*.

Инсценировки призваны погрузить посетителя в прошлое. Эта стратегия зачастую опирается на иммерсивность и интерактивность, придающие, по мнению Д. Лоуэнтала, истории «жизненную достоверность для миллионов тех, кто уже перестал замечать ее присутствие или кого клонит в сон от старинных памятников, не говоря уже об учебнике истории»²⁶⁰. Прежде всего инсценировки представлены в формате так называемой «живой истории», активно применяющиеся в деятельности различных музеев и движений исторических реконструкторов.

Формат «живой истории» на музеефицированной территории может включать как классические экскурсии с гидом, рассказывающим о прошлом и демонстрирующим работу тех или иных артефактов, так и наблюдение и взаимодействие с людьми, носящими тщательно воспроизведенные копии одежды определенного времени, говорящими как конкретный или абстрактный персонаж из прошлого с соответствующим акцентом, а также занимающимися

²⁵⁹ Lugosi P., Bell D., Lugosi K. Hospitality, Culture and Regeneration: Urban Decay, Entrepreneurship and the «Ruin» Bars of Budapest // Urban Studies. 2010. Vol. 47. Iss. 14. P. 3079–3101.

²⁶⁰ Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 458.

традиционными занятиями и ремеслами. Таким образом, «живая история» представляет собой воссоздание быта конкретной эпохи. Несмотря на то, что «живая история» является воплощением подхода «эдьютейнмент», подразумевающего сочетание образовательной и развлекательной функций, важная роль отводится исторической точности в представлении эпохи, сохранению объектов материального и нематериального культурно-исторического наследия и их актуализации за счет иммерсивного подхода²⁶¹; в основе музеев «живой истории» – треугольник «исследование – знание – представление»²⁶². Формат «живой истории» становится все более распространенным, и на сегодняшний день функционирует большое число музеев «ожившего прошлого», проводится много фестивалей реконструкции – и все они привлекают туристов. В частности, на территории России при поддержке Российского военно-исторического общества проводится около 50 военно-исторических фестивалей, в которых участвуют более 11 тыс. представителей клубов военно-исторической реконструкции. В среднем эти мероприятия посещают порядка 1,7 млн зрителей²⁶³.

Вместе с тем такой подход нередко подразумевает представление вымышленного прошлого, своего рода фантазию о прошедших временах, сочетающую в себе как некоторые подлинные приметы былых эпох, так и приметы настоящего (современная инфраструктура, соблюдение санитарных норм, норм безопасности и т. д.). Таким образом, инсценировка предстает своего рода игрой в прошлое, для которой при этом характерны «временные провалы», из-за которых участники инсценировки начинают переживать эмоции, сопоставимые с теми, что и участники реальных событий, в результате чего могут воспринимать происходящее как *настоящее* – особенно такая

²⁶¹ Божок Н. С. Культурно-историческая реконструкция в оптике иммерсивного подхода: теоретическая и эмпирическая экспликация (часть 1) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/60KLSK421.pdf> (дата обращения: 23.07.2024).

²⁶² Boardman K. Revisiting living history: A business, an art, a pleasure, an education // The Living History Anthology: Perspectives from ALHFAM / M. B. Katz-Hyman, C. Jones, S. J. McCabe, M. Seelhorst (Eds.). NY; Oxon: Routledge, 2019. P. 13–15.

²⁶³ Военно-исторические фестивали // Российское военно-историческое общество [сайт]. URL: <https://rvio.histrf.ru/projects/project-activity/festivals/2016#categories> (дата обращения: 13.08.2024).

вовлеченность характерна для реконструкций сражений. Кроме того, подобное чрезмерное погружение в игру свойственно и для зрителей, которые начинают активно поддерживать одну из представленных в инсценировке сторон. Тем не менее спецификой инсценировки как игры представляется то, что действующим лицам и аудитории – как и историкам – известен исход событий²⁶⁴.

Стратегия инсценировки ввиду указанного обязательного игрового элемента оказывается весьма спорной в отношении репрезентации объектов «трудного наследия», поскольку *игра в трагедию* в социуме воспринимается как нечто неуместное, недопустимое и кощунственное. Исключение составляют, как отмечалось выше, реконструкции значимых сражений, так как в данном случае такой формат актуализирует важные события из локальной истории в сознании зрителей, позволяя ощутить чувства сопереживания и единения – в скорби по погибшим героям и в гордости за своих предков, и служит укреплению национальной идентичности.

Особенно интересен случай инсценировки, связанной с «трудным наследием» Вандейской войны во Франции.

Вандейская война – гражданская война между республиканцами и роялистами, развернувшаяся в 1793–1796 гг. во время Французской революции и отличившаяся беспрецедентностью по жестокости и числу жертв, ввиду чего по окончанию конфликта стратегия умолчания или интерпретации событий как случайностей или недоразумений была невозможной, следовательно, конструировалась вымышленная реальность, которая могла бы отвлечь от реальной и занять свое место в научных и художественных трудах: на протяжении всего XIX века происходило «перемещение» Вандейской войны: сначала от конкретного события к опоэтизированному, романтизированному образу, затем – к идеологически нагруженному символу²⁶⁵.

²⁶⁴ Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 457.

²⁶⁵ Мягкова Е. М. Вандея в исторической памяти французов XIX столетия // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 250.

Так, например, В. Гюго писал о Вандейской войне в романе «Девяносто третий год»: «Вандея – знаменитое, но черное имя; Вандея готова была кончить самоубийством ради того, что уже кончилось. Вандея – приносившая себя в жертву ради заядлых эгоистов, отдававшая свою беззаветную отвагу ради трусов, не имевшая в войне ни стратегии, ни тактики, ни плана, ни цели, ни вождя, ни ответственности. Вандея, показавшая, в какой мере воля может стать бессилием; рыцарственная и дикая, нелепая в своем разнузданном зверстве, воздвигавшая против света преграду тьмы; невежество, целые годы оказывающее глупое и спесивое сопротивление истине, справедливости, праву, разуму, свободе»²⁶⁶.

Несмотря на глубокие исследования истории Вандеи, проведенные учеными за последние два столетия, ряд вопросов продолжает оставаться нерешенным. Среди таких проблем выделяются споры относительно количества жертв Вандейской войны, ее характера. Также предмет дискуссий составляет вопрос о продолжающемся противостоянии Вандеи с остальной частью Франции – и по сей день достаточно широко распространено мнение о сохранении этого антагонизма: Вандея продолжает оставаться объектом интенсивных научных и политических дебатов в начале XXI века, выступая в качестве постоянного антисимвола и антитезы Французской революции²⁶⁷.

Р. Сеше, один из исследователей истории Вандейской войны, даже заявил о произошедшем франко-французском геноциде, а также о политике меморицида (то есть уничтожения памяти и прошлого определенной группы людей), которая применяется относительно описания событий, происходивших во время этого восстания, указывая на отсутствие должной поддержки коммеморативных практик, связанных с сохранением памяти о трагедии жителей Вандеи²⁶⁸.

²⁶⁶ Гюго В. Девяносто третий год // Собр. соч. в 15 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1956. С. 196.

²⁶⁷ Таньшина Н. П. Вандея в исторической памяти и политической культуре Франции // Наука. Общество. Оборона. Москва. 2020. Т. 8. № 2. 14–14.

²⁶⁸ Сеше Р. Вандея: от геноцида к «меморициду» // Французский ежегодник 2016. Т. 49: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 36–54.

Несмотря на то, что память о Вандейской войне представлена достаточно большим количеством исторических мест, музеев, кладбищ и мемориалов, многие из них мало известны широкой публике и не генерируют значительного турпотока. Исключение представляет тематический исторический парк «Пюи-дю-Фу» (Puui du Fou), который, как уже отмечалось выше, использует стратегию *инсценировки* в репрезентации «трудного наследия» Вандеи. Исторический парк «Пюи-дю-Фу» был основан на территории руинированного средневекового замка Пюи-дю-Фу в 1977 г. Ф. де Вилье (впоследствии видным политическим деятелем, основателем и лидером правой националистической партии «Движение за Францию»). Первый спектакль-реконструкция, «Синесения» (Cinésénie) представили в 1978 г. – в представлении рассказывалась история Вандеи от Средних веков до Второй мировой войны через судьбу семьи Мопилье. Вдохновением послужила история участника Вандейской войны Ж.–Л. Мопилье. Спустя десять лет начал действовать полноценный тематический парк, а с 2010-х гг. «Пюи-дю-Фу» превратился в настоящий феномен, став единственным историческим парком, входящим в список самых посещаемых парков развлечений в Европе. Специалисты отмечают интерес аудитории к «Пюи-дю-Фу» ввиду возросшей международной осведомленности об уникальной концепции парка и относительно скромной ценовой политике. В самой же Франции по посещаемости «Пюи-дю-Фу» в последние годы уступает только «Диснейленду» и парку Студии Уолта Диснея, расположенных под Парижем²⁶⁹. Сегодня на территории парка можно увидеть различные инсценировки и иммерсивные шоу, часть из которых носит сугубо развлекательный характер, а часть – представляет спектакли, связанные с разными событиями и деятелями французской истории, например, экспедиции Лаперуза или битве при Вердене.

Вандейской войне посвящен один из самых известных спектаклей «Пюи-дю-Фу» – «Последний панаш», представляющий собой «новый вид шоу,

²⁶⁹ AECOM's Theme Index and Museum Index Reports// AECOM. URL: <https://aecom.com/theme-index/> (дата обращения: 04.08.2024).

рассказывающий историю, основанную на реальных событиях» и основанный на биографии Ф.-А. де Шаретта де ла Контри, французского монархиста, участника войны за независимость США и одного из предводителей Вандейского восстания и главы Католической и Королевской армии²⁷⁰, представленного в шоу в качестве самоотверженного героя-патриота. В 2023 г. на основе спектакля Puy du Fou Studio выпустила художественный фильм «За короля!» (оригинальное название *Vaincre ou mourir* – «Победить или умереть»), привлекая зрителей и вызвавший обширную дискуссию в СМИ.

За время своего существования «Пюи-дю-Фу» стал парком-феноменом, пользующимся большим успехом у посетителей – в 2021 г. открылся филиал парка в Толедо (Испания), а оригинальную площадку в последние годы посещает более 2 млн человек²⁷¹. Спектакли парка получают престижные отраслевые награды, такие как премии Ассоциации тематических развлечений (TEA), премия «Парксмания» и др. При этом деятельность «Пюи-дю-Фу» становится предметом не только обсуждения в медиа, но и научных исследований, в основном подвергающих парк критике за «двусмысленные и, в конечном счете, весьма тревожные отношения с истиной и ложью»²⁷², связанные с контрреволюционным и антисовременным прочтением прошлого, лишь создающим впечатление правдивости и обращения к историческим источникам²⁷³. Несмотря на подобную критику, парк получает поддержку со стороны консервативно настроенной части общества, полагающей, что спектакли помогают привлечь внимание к истории Франции²⁷⁴, и продолжает активно продвигать свои спектакли: «Пюи-дю-Фу» принимал участие в одной из крупнейших туристских ярмарок мира – Международной туристической бирже

²⁷⁰ Le Dernier Panache // Puy du Fou [site]. URL: <https://www.puydufou.com/france/fr/le-dernier-panache#section-2> (accessed: 01.08.2024).

²⁷¹ AECOM's Theme Index and Museum Index Reports // AECOM. URL: <https://aecom.com/theme-index/> (дата обращения: 04.08.2024).

²⁷² Besson F., Ducret P., Lancereau G. Larrère M. Le Puy du Faux. Enquête sur un parc qui déforme l'histoire Paris: Les Arènes, 2022. P. 48.

²⁷³ Ibid. P. 65.

²⁷⁴ Chrisafis A. No rides, but lots of rows: "reactionary" French theme park plots expansion // The Guardian [site]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/22/no-rides-but-lots-of-rows-reactionary-french-theme-park-plots-expansion> (accessed: 01.08.2024).

в Берлине (ITB), сотрудничает с различными музеями (временные выставки в Британском музее и в музее Прадо) и мероприятиями (парк представил свои тематические платформы на карнавале в Рио-де-Жанейро, а также отрывки из своих спектаклей на Венецианском кинофестивале)²⁷⁵. Таким образом, «Пюи-дю-Фу» представляет собой пример исторического парка развлечений, оказывающего влияние на формирование исторической памяти в современной Франции.

Стратегию *копирования* в контексте культурно-познавательного туризма можно рассмотреть в связи с двумя ситуациями.

Во-первых, это изготовление реплик в случае полной утраты или перемещения того или иного объекта/артефакта, вызывающее споры относительно подлинности и, соответственно, культурно-исторической значимости копии. В качестве примера можно назвать ситуацию с Воротами Иштар, одним из самых известных сохранившихся памятников архитектуры Вавилонского царства. С 1930 г. реконструкция перемещенных Ворот Иштар экспонируется в Пергамском музее в Берлине. На месте их изначального расположения в ходе масштабных раскопок Вавилона и реставрационных работ, начатых по распоряжению С. Хуссейна, была создана уменьшенная копия, которая, однако, была уничтожена в 2003 г. во время войны в Ираке – вместе с рядом оригинальных артефактов и объектов²⁷⁶. Впоследствии была изготовлена новая реплика объекта, которую сегодня могут увидеть туристы. Таким образом, копия Ворот Иштар представляет «трудное наследие», символизирующее и сложное отношение к перемещенным в европейские музеи объектам, и чудовищные разрушения, произошедшие вследствие крупного военного конфликта.

²⁷⁵ Puy du Fou: Global expansion of an entertainment Champion // Ipanovia – Global Expansion Advisory [site]. URL: <https://www.ipanovia.com/puy-du-fou-global-expansion-of-an-entertainment-champion/#:~:text=2023%20marked%20a%20historic%20year,a%20range%20of%20merchandising%20products> (accessed: 08.08.2024).

²⁷⁶ Months of war that ruined centuries of history // Guardian [site]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jan/15/arts.iraq> (accessed: 08.08.2024).

Во-вторых, копии широко используются для привлечения дополнительного внимания к конкретным темам и применяются в отношении ставших символами явлений и артефактов. Здесь примером может послужить дневник Тани Савичевой. Трагедия блокадного Ленинграда занимает особое место в истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. Посещение объектов, связанных с памятью о городе в период блокады, вызывает сильные эмоции, связанные с сопереживанием и состраданием, а для россиян такие объекты представляют собой особый нарратив, объединяющий тему подвига жителей блокадного города и скорбь о погибших; некоторые (как Пискаревское мемориальное кладбище) на протяжении уже длительного времени воспринимаются в качестве сакральных пространств²⁷⁷.

История Тани Савичевой стала воплощением трагедии ленинградских детей в годы блокады, а ее дневник за счет своей визуальной силы и лаконичности стал чрезвычайно узнаваемым текстом. Такая узнаваемость и символичность позволила создавать копии текста, в частности, в качестве подарков для участников различных делегаций могли использоваться факсимильные малотиражные издания дневника²⁷⁸. Кроме того, копия дневника выставлена в одном из павильонов Пискаревского мемориального кладбища; в состав созданного в память о погибших детях блокадного Ленинграда мемориального комплекса «Цветок жизни» входит траурный курган «Дневник Тани Савичевой» – монумент представляет собой восемь стел в виде страниц дневника. Копия дневника также демонстрируется на постоянной выставке «Идиллия и злодеяние» в Центре исторической документации Оберзальцберга (Берхтесгаден, Германия) – витрина с названием «Хроники смерти» расположена в зоне, посвященной трагическим судьбам жертв преступлений нацистов (см.

²⁷⁷ Каспэ И. Место смерти: о значении Ленинградской блокады в позднесоветской культуре // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 59–105.

²⁷⁸ Павловская А. Ю. Блокадный дневник и память о войне 1950–1970-х гг.: этапы архивации и канонизации эго-документа в публичном дискурсе // Ученые записки НовГУ. 2023. № 6 (51). С. 640.

рис. 4 в приложении)²⁷⁹. Оригинал же дневника выставлен в Государственном музее истории Санкт-Петербурга.

Стратегия, связанная с *эмуляцией*, распространена в репрезентации прошлого в контексте ностальгического туризма.

«Ностальгирующих» туристов в целом можно разделить на две категории: настоящих и исторических²⁸⁰. Настоящие «ностальгирующие» туристы посещают места, связанные с их индивидуальными воспоминаниями и личной историей, чтобы попробовать вновь пережить личный прошлый опыт или переосмыслить его. Для таких путешествий также можно предложить название «сентиментальные путешествия». Исторические «ностальгирующие» туристы – те, кто стремится погрузиться в культурную среду, обладающую особым символическим значением, которое транслируют разные медиа, создавая таким образом идеализированное восприятие как собственно места, так и прошлого. К этой категории туристов относятся в том числе путешественники, испытывающие *анемою* – ностальгию о прошлом, которое не было пережито²⁸¹, в первую очередь относящаяся к поколению цифровой эпохи и его представлениями об аналоговых временах. Обе категории «ностальгирующих» туристов – равно как и предлагаемый в рамках имитирующих прошлое объектов туристический продукт – обращаются к сглаженному, возможно, даже романтизированному образу прошлого, включая те случаи, когда такой объект связан с «трудным наследием». Это тяготение к смягченному представлению и восприятию в том числе и спорных страниц истории позволяет говорить именно об эмуляции – как представлении аудитории «улучшенной» копии прошлого, не стремящейся при этом его подменить.

Как уже отмечалось ранее, музеи, представляющие быт недавних эпох, пользуются особой популярностью у широкой аудитории «ностальгических»

²⁷⁹ Idyll und Verbrechen // Die Dokumentation Obersalzberg [site]. URL: <https://obersalzberg.de/en/exhibitions/dauerausstellung/> (accessed: 15.08.2024).

²⁸⁰ Earl A., Hall C. M. Nostalgia and tourism // Journal of Heritage Tourism. 2023. № 18 (3). P. 311.

²⁸¹ Nieland S., Mahendran K., Crafter S. I'll never forget: Remembering of past events within the Silent Generation as a challenge to the political mobilization of nostalgia // Culture & Psychology. 2023. Vol. 29 (1). P. 68–90.

туристов. Ввиду того, что воспоминания об относительно недавнем прошлом представляются особенно яркими, появляется возможность говорить об активизации интерпретированной (interpreted) ностальгии – вида ностальгии, подразумевающего попытку актора любым образом объективировать ностальгию, которую он испытывает, ответить на вопросы, почему он испытывает это чувство, что оно означает и какую пользу может принести как самому актору, так и обществу в целом²⁸².

Об этом свидетельствуют отзывы посетителей, в которых, помимо выражения впечатлений о посещении, встречаются также рефлексия, рассуждения об эпохе и ее восприятию в целом, личные воспоминания. Приведем несколько примеров подобных отзывов:

- на Музей социалистического быта в Казани: «Советский Союз занимает довольно значимую страницу в истории России, а многие вспоминают о том времени с теплом. Ностальгия способна стирать из памяти все плохое, оставляя лишь хорошее, а у большинства людей, живших при СССР, приятные воспоминания связаны с бытом. Здесь вам и автомат с газировкой, и велосипед из детства, и игрушки, которые невозможно было сломать. Создатели музея сумели собрать внушительную коллекцию, на изучение которой понадобится не час и не два. Каждый, чья молодость прошла в Союзе, пустит скупую ностальгическую слезу, а все родившиеся после, смогут увидеть воочию то, о чем вечерами рассказывали мамы и бабушки. И не только увидеть, но и потрогать, ведь правилами музея это разрешено»²⁸³;

- на Музей социалистического быта в Санкт-Петербурге (в настоящее время закрыт на неопределенный срок): «зашла поностальгировать. вышла, чуть не плача. думала, буду тыкать пальчиком и радостно вопить, у нас это было! а получилось – опрокинулась в прошлое, трудное, голодное, неудобное,

²⁸² Davis F. Yearning for yesterday: A Sociology of Nostalgia. NY: The Free Press, 1979. P. 18–26.

²⁸³ Музей социалистического быта // Яндекс Карты [сайт]. URL: https://yandex.ru/maps/org/105822237185/reviews?reviews%5BpublicId%5D=r495w851k9f9mkd9cw19qa61cm&si=z0c2233gw3uyazvf9tbgaqdyg&utm_source=review (дата обращения: 23.06.2024).

вспомнила борьбу за выживание, и стало невероятно жаль себя и жизнь, которую нам так исковеркали»²⁸⁴;

- на музей ГДР в Берлине: «Вещи из самой глубинки и ложные «истины». Для меня, выросшей в ГДР, это было путешествие во времени, которое привело от музея к квартире в 1970-х годах. Временами у меня возникало ощущение, что меня представляют в «негативном» свете! По словам моего нынешнего мужа, в то время квартиры людей на Западе не были оформлены по-другому! С 1976 года я работала воспитательницей детского сада в районе Галле. Мои коллеги и я не действовали так, как утверждалось и изображалось в музее во время массовых оккупаций с танками и солдатами... это НЕПРАВДА! Из какого детского сада привезли мебель? В Цайце в 1979 году я находила такое в детском саду Рейхсбан, а в новых детских садах такого уже не было! Ничто не следует замалчивать, но 1970-е годы не были временем перемен! Для меня имело бы смысл создать музей ФРГ, отражающий то же время, что и музей ГДР, например, в квартире рядом с музеем ГДР»; «Визит в наше прошлое. В сентябре этого года мы с моей подругой были в музее ГДР на берегу Шпрее в Берлине-Митте. Выставка была очень хорошей, и нам обоим она очень понравилась. К сожалению, есть и ошибки, которые сразу замечаешь, будучи бывшим гражданином ГДР. В частности, это относится к изображению системы образования. Я вырос в фактически существующем социализме, а не в коммунистическом государстве. ГДР никогда бы не достигла коммунизма. Это произошло просто из-за старого руководства государства, неважно, какие министры из партий единого блока (ХДС, ЛДПГ, НДПГ и т. д.) и СЕПГ, которое слишком сильно ограждало себя от народа. Желаю создателям выставки всего наилучшего и счастливого Нового года»²⁸⁵.

Однако описанные стратегии, особенно инсценировки и эмуляции, вкупе со стремлением быстро привлечь как можно больше туристов способны

²⁸⁴ Музей Социалистического Быта // TripAdvisor [сайт]. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g298507-d13150354-r631754753-Museum_of_Soviet_Life_Style-St_Petersburg_Northwestern_District.html (дата обращения: 23.06.2024). Орфография и пунктуация автора сохранены.

²⁸⁵ DDR Museum // TripAdvisor [site]. URL: https://www.tripadvisor.de/Attraction_Review-g187323-d619185-Reviews-DDR_Museum-Berlin.html (accessed: 23.06.2024). Перевод автора.

привести к созданию определенной туристической гиперреальности, в рамках которой объекты культурного наследия превращаются в своего рода симулякры, а локальные история и память обретают форму «смонтированного» произведения²⁸⁶. Крайним проявлением такой симуляции является «диснейфикация» культурно-исторического наследия, подразумевающая доминирование развлекательной функции над познавательной. Прошлое становится товаром, под влиянием туристической индустрии превращаясь в такую же «индустрию памяти», где локальное общество представляется своего рода экспонатом, местная культура трансформируется в сувениры, а посещение достопримечательностей воспринимается как развлечение, а не как способ получить исторический опыт²⁸⁷.

Воплощение «диснейфикации» в контексте туризма представляет собой подмену локальной культуры универсальной корпоративной культурой, для которой важны легкая визуальная узнаваемость, высокие продажи услуг и сувениров и удовлетворение запросов потребителей. Используя метафоры Ш. Зукин²⁸⁸, объекты культурно-исторического наследия в процессе превращения в туристические объекты могут сохранить только «яркие фасады», тогда как все остальное будет низведено до симуляции, схожей с ежедневными шоу в «Диснейленде». Исторические пространства объекта перекраиваются под нужды туристической инфраструктуры, а местное население начинает восприниматься как обслуживающий персонал. Часто подобный сценарий связан с усилением влияния глобальных корпораций в определенных регионах, городах, на определенных объектах, а также со стремлением извлечения максимальной и быстрой экономической выгоды из туризма по конкретным направлениям. Помимо этого, в случае появления развлекательных туристических пространств, другие локальные культурно-исторические объекты

²⁸⁶ Groebner V. Touristischer Geschichtsgebrauch. Über einige Merkmale neuer Vergangenheiten im 20. und 21. Jahrhundert // *Historische Zeitschrift*. 2013. № 296 (2). P. 422–428; Мошняга Е. В. Развитие туризма в эпоху постмодернизма // *Вестник РМАТ*. 2014. № 2. С. 18–19.

²⁸⁷ Головашина О. В. Человек путешествующий: прошлое как символический ресурс и идентификационные риски // *Философия и культура*. 2018. № 5 (125). С. 42–43.

²⁸⁸ Зукин Ш. *Культуры городов*. М.: «НЛО», 1999. С. 47–68.

могут терять финансовую поддержку от стейкхолдеров, что может привести к заметному ухудшению их состояния²⁸⁹. Серьезным последствием «диснейфикации» и восприятия объектов наследия как исключительно развлекательных могут привести к возникновению туризмофобии в локальном сообществе. Туризмофобия связана с ощущением утраты значимости у местного сообщества, негативным отношением к туристам и развитию туристической инфраструктуры, которое воспринимается как уничтожение аутентичного пространства и привычного уклада жизни.

Особенно острыми проблемы коммодификации и «диснейфикации» становятся в контексте объектов «трудного наследия». Случаи попыток чрезмерной коммерциализации таких объектов вызывают резонанс и негативную реакцию со стороны не только локального, но и глобального сообщества – что в очередной раз подчеркивает сложность работы с подобным наследием.

В качестве примера можно назвать так и не воплощенную идею министерства туризма Румынии по строительству в Трансильвании тематического парка развлечений, связанного с образом Дракулы. Проект обсуждался на протяжении нескольких лет, но всегда подвергался общественной критике – концепция воспринималась как искажающая историю и даже оскорбительная, поскольку в первую очередь основывалась на поп-культурных представлениях, растиражированных медиа, а не реальных фактах и местных легендах²⁹⁰.

Вместе с тем социологические исследования, проведенные среди местного населения и иностранных туристов, посещающих Румынию, показали, что проведенные как среди иностранных, так и румынских граждан, показали, что Дракула является важным персонажем, который прочно ассоциируется с образом страны, а также занимает четвертое место среди популярных

²⁸⁹ Bryman A. *The Disneyization of Society*. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publication, 2004. P. 171.

²⁹⁰ Jamal T., Tanase A. *Impacts and Conflicts Surrounding Dracula Park, Romania: The Role of Sustainable Tourism Principles* // *Journal of Sustainable Tourism*. 2005. Vol. 13. № 5. P. 440–455.

позитивных (!) ассоциаций иностранных туристов с Румынией²⁹¹. А для румынской аудитории прообраз Дракулы – Влад III Цепеш – воспринимается неоднозначно: и как национальный герой, и – одновременно – как чрезмерно жестокий правитель. В молодежной среде Н. Чаушеску и Влад III Цепеш часто ставятся в один ряд, олицетворяя собой «легендарные ужасы» прошлого²⁹². Эту противоречивость, а также смешение с литературным персонажем в контексте туризма и локальной идентичности исследователь феномена Дракула-туризма Д. Лайт назвал «дилеммой Дракулы»²⁹³.

Тем не менее в официальных туристических брошюрах, предлагаемых министерством туризма Румынии, делается акцент на существенной разнице между реальной исторической личностью – валашским господарем (князем) Владом III Цепешем (Колосажателем) – и мифическим Дракулой. Например, в разделе о Трансильвании дается следующая информация: «Трансильвания – многонациональная территория, известная иностранцам благодаря писателю Брэму Стокеру и его знаменитому графу Дракуле. Фильмы, снятые Голливудом о персонаже-вампире, подчеркивают путаницу между вымышленным персонажем и реальным правителем Владом Цепешем, который вдохновил Стокера на создание его Дракулы. Отделение фактов от вымысла – одна из целей многих путешественников в Трансильванию. И будьте уверены, что им не о чем будет жалеть, совсем наоборот. Имя Дракулы связано с одним из самых известных замков Трансильвании – Бран (недалеко от Брашова)»²⁹⁴. В разделе о Бране как достопримечательности после пересказа связанной с замком легенды о том, как Дракула стал вампиром, указывается, что «легенда вдохновлена валашской исторической личностью, князем Владом (1456–1462), известным как Колосажатель за казнь своих врагов посредством сажания на кол. Историческая правда заключается в том, что Влад Цепеш посещал замок Бран только проездом.

²⁹¹ Candrea A. N., Ispas A., Untaru E. N., Nechita F. Marketing the Count's way: how Dracula's myth can revive Romanian tourism // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V. 2016. Vol. 9 (58). № 1. P. 83–90.

²⁹² Watson S. The legacy of communism: difficult histories, emotions and contested narratives // International Journal of Heritage Studies. 2018. Vol. 24. Iss. 7. P. 784.

²⁹³ Light D. The Dracula Dilemma: Tourism, Identity and the State in Romania. London: Routledge, 2012.

²⁹⁴ Romania. Explore the Carpathian garden // Romania.Travel. Ministerul Turismului. URL: https://www.romania.travel/uploads/downloads/Brosura_MT_engleza_comp.pdf. P. 33.

Сейчас в замке находится музей»²⁹⁵. Таким образом, образ Дракулы в настоящее время министерством туризма Румынии используется для культурно-исторического просвещения.

Вместе с тем, существует большое количество туристических и экскурсионных агентств, предлагающих развлекательные туры по Румынии, активно эксплуатирующие поп-культурный образ князя-вампира, например, экскурсионное бюро в Брашове The Land of Dracula или подразделение Dracula Tour британского туроператора Transylvania Live, предлагающее (помимо собственно культурно-познавательных туров по местам, связанных с Дракулой, и посещения тематических вечеринок на Хэллоуин) присутствие на ритуальном убийстве живого мертвеца, которое было показано на канале Travel Channel как часть одного из Дракула-туров, организованных этой компанией²⁹⁶. Также существует большое количество объектов туристической инфраструктуры, использующих имя Дракулы в своих названиях, – отели, рестораны и т. д. Следовательно, на данный момент наблюдается необычное разделение турпродукта на официальное представление о Владе Цепеше, развенчивающее мифы о Дракуле, но использующие их для привлечения внимания туристов к Трансильвании, и неофициальное продвижение развлекательных туров, построенных на коммодифицированном образе Дракулы-вампира. Однако, несмотря на колоссальное влияние медиа и спрос на Дракула-продукт, подавляющее большинство гидов в Трансильвании заявляют о том, что чувствуют персональную ответственность за то, чтобы история Румынии воссоздавалась верно и предпочитают рассказывать местные легенды, а не мифы о Дракуле, таким образом сохраняя и транслируя локальные памятные нарративы²⁹⁷.

²⁹⁵ Ibid. P. 34.

²⁹⁶ Dracula Tour [site]. URL: <https://dracula-tour.com> (accessed: 01.05.2024).

²⁹⁷ Banyai M. Dracula's image in tourism: Western bloggers versus tour guides // European Journal of Tourism Research. 2010. Vol. 3. № 1. P. 16–17.

Сложными остаются и вопросы изготовления сувениров, связанных с объектами «трудного наследия». Именно на этом уровне сталкиваются политика памяти и туризм, а мемориализация и коммодификация сливаются.

В результате массового производства и потребления брендированных продуктов, созданных на основе трагической истории, возникает своеобразная иконография трагических мест, приводящая к примитивному восприятию таких пространств²⁹⁸, нарративы упрощаются до типичных сюжетов, которые и тиражируются в сувенирах и – постепенно – могут утрачивать смысловую связь с местом и событием. В частности, с самого момента открытия неоднозначно воспринимается сувенирный магазин Национального мемориала и музея 11 сентября в Нью-Йорке. Споры вызывали как сам факт наличия такого магазина, так и предлагаемый ассортимент товаров: кроме книг и DVD с документальными материалами, можно было купить украшения, тарелки, значки, кружки, коврики для мыши, магниты, пазлы, брелоки, флаги, мягкие игрушки, игрушечные пожарные машины, чехлы для мобильных телефонов, сумки, футболки, худи и даже жилеты собак-спасателей Пожарного департамента Нью-Йорка²⁹⁹.

Против подобной эксплуатации трагедии 9/11 выступили родственники погибших во время теракта. Д. Ричес, чей сын служил пожарным и погиб во Всемирном торговом центре 11 сентября, заявил: «Они там продают браслеты; они зарабатывают деньги на моем погибшем сыне»³⁰⁰. Д. Хорнинг, сын которой также погиб во время теракта, высказалась схожим образом: «Для меня это самая грубая и бесчувственная вещь – коммерческое предприятие в месте, где погиб мой сын. Это, по сути, наша Могила неизвестного. Продавать здесь безделушки я нахожу довольно шокирующим и отвратительным. Я думаю, что это прибыльное предприятие, чтобы поддерживать завышенные зарплаты, и они

²⁹⁸ Stone P. R., Grebanar A. “Making Tragic Places”: dark tourism, kitsch and the commodification of atrocity // *Journal of Tourism and Cultural Change*. 2022. Vol. 20. № 4. P. 469.

²⁹⁹ Edelman S. The 9/11 museum’s absurd gift shop // *New York Post* [site]. URL: <https://nypost.com/2014/05/18/outrage-over-911-museum-gift-shops-crass-souvenirs> (accessed: 03.08.2024).

³⁰⁰ Phillip A. Families infuriated by “crass commercialism” of 9/11 Museum gift shop [site] // *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2014/05/19/families-infuriated-by-crass-commercialism-of-911-museum-gift-shop> (accessed: 03.08.2024).

готовы сделать это через труп моего сына»³⁰¹. Ассортимент сувениров в СМИ называли тривиальным и неуместным китчем³⁰², также сравнивали с сувенирными магазинами других музеев, хранящих память о трагических событиях, подчеркивая, что их ассортимент в основном представляет собой книги и другие образовательные материалы, а не одежду, плюшевые игрушки и украшения³⁰³.

Сегодня в ассортименте 17 тематических сувенирных коллекций, таких как «Собаки 11 сентября», «Любовь сильнее ненависти», «Выжившее дерево», «Скайлайн» (очертания Нью-Йорка до теракта 11 сентября 2001 г., то есть с характерным силуэтом «башен-близнецов» Всемирного торгового центра) и др. Отдельно выделена линейка сувениров «Никогда не забыть» (Never Forget – этот лозунг в некоторой степени напоминает о лозунге Never Again – «Никогда больше», связанном с памятью о Холокосте и других геноцидах); есть рубрикация по типу продукции – украшения, подарки, книги, бестселлеры и т. д. (см. рис. 5 в приложении)³⁰⁴. Многие образы, использованные как основа для сувениров, были растиражированы в медиа в репортажах, освещающих трагические события (собаки-спасатели, уцелевшее грушевое дерево, ставшее частью мемориала и символизирующее «живое напоминание о стойкости, выживании и возрождении»³⁰⁵). Такие сувениры не способствуют сохранению памяти о произошедшем, а превращают в модный принт или подвеску на брелке – просто узнаваемое изображение, утратившее свое изначальное мемориальное значение и не вызывающее соответствующих эмоций.

Однако для большинства объектов «трудного наследия», соотносящихся с «мрачной» частью спектра Ф. Стоуна, функция сохранения памяти остается более значимой, чем развлекательная. Это касается и предлагаемой сувенирной

³⁰¹ 9/11 Museum store. The official 9/11 Museum gift store New York City [site]. URL: <https://www.groundzeromuseumstore.org> (accessed: 03.08.2024).

³⁰² Phillip A. Op. cit.

³⁰³ Are the 9/11 museum's commemorative toys and hoodies a step too far? // The Guardian [site]. URL: <https://www.theguardian.com/culture/shortcuts/2014/may/19/911-museum-gift-shop-bad-taste-new-york> (accessed: 03.08.2024).

³⁰⁴ Museum store // 9/11 Memorial & Museum [site]. URL: <https://store.911memorial.org> (accessed: 03.08.2024).

³⁰⁵ The Survivor Tree // 9/11 Memorial & Museum [site]. URL: <https://www.911memorial.org/visit/memorial/survivor-tree> (accessed: 03.08.2024).

продукции, традиционно представляющей собой в основном открытки и фотоальбомы с узнаваемыми объектами и видами «мест памяти», каталоги музейных предметов, а также разнообразные путеводители по объекту (см. рис. 6 и рис. 7 в приложении). При таком подходе сувенир, с одной стороны, становится элементом трансляции памяти, с другой – удовлетворяет потребность туриста приобрести что-то на память о посещении трагического места. Интересной с точки зрения культурно-познавательного туризма кажется и распространенная в период СССР практика выпуска коллекционных значков, которые можно было привезти из поездки, включающей посещение «мест памяти» (см. рис. 8 в приложении).

В настоящее время многие «места памяти» стремятся защитить символы и образы, с которыми они связаны, от чрезмерной эксплуатации и коммодификации. Так, согласно Федеральному закону «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»³⁰⁶, для производства изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции, а также товаров народного потребления с использованием изображений зданий музеев, объектов, расположенных на территориях музеев, а также с использованием их названий и символики необходимо получить разрешение дирекции каждого конкретного музея.

Стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» в контексте культурно-познавательного туризма играют важную роль в формировании культурной памяти и идентичности. Коммеморация является ключевой стратегией репрезентации объектов «трудного наследия» и помогает укреплять чувство единства внутри сообщества, формируя идентичность через разделяемое отношение к прошлым событиям. Музеефикация объектов «трудного наследия» и их экспонирование способствуют сохранению памяти о трагических или

³⁰⁶ Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 N 54-ФЗ (с изменениями на 12 декабря 2023 года) (редакция, действующая с 1 января 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9020113> (дата обращения: 21.08.2024).

неоднозначно оцениваемых событиях, а также делают их доступными для широкой аудитории.

«Трудное наследие» является специфическим видом ресурсов культурно-познавательного туризма. Хотя стратегии его сохранения в целом соответствуют общепринятым подходам к сохранению культурных объектов, специфика «трудного наследия» заключается в его коммеморативном характере. По этой причине проблема аутентичности и коммодификации наследия, актуальная для сферы туризма в целом, для «трудного наследия» приобретает особую сложность в силу этических дилемм и – как следствие – высокого риска возникновения туризмобии. Вместе с тем появляется все больше направлений культурно-познавательного туризма, ориентированных на объекты «трудного наследия» и влияющих на распространение тех или иных стратегий репрезентации такого наследия для туристов. В частности, для объектов, являющихся якорными для патристического туризма, основной представляется именно специфическая для «трудного наследия» стратегия коммеморации; для объектов руинного туризма – стратегия консервации, ностальгического – эмуляции, а в ряде случаев – перемещения. Для объектов, попадающих в фокус dark-туризма, актуальны все рассмотренные в диссертационном исследовании, за исключением реадаптации. В связи с этим можно предположить, что объекты «трудного наследия» наиболее востребованы в рамках именно этого направления культурно-познавательного туризма.

Заключение

Подводя итоги диссертационного исследования, отметим, что концепт «трудное наследие» занимает особое место в современных исследованиях культурной памяти и культурно-исторического наследия. Этот тип наследия вызывает множество дискуссий и споров, поскольку зачастую он связан с трагическими событиями, преступлениями против человечества, войнами и другими формами злодеяний. Вместе с тем исследования показывают, что «трудное наследие» может также служить важным инструментом для формирования национальной идентичности и способствовать социальной сплоченности, а сохранившиеся «места памяти», связанные с травмирующими или неоднозначными событиями, привлекают внимание как массовой аудитории, так и специалистов. Рост числа научных работ, посвященных «трудному наследию», показывает, что это понятие включает в себя достаточно разнородные категории – «трудным» может оказываться как наследие каких-либо глобальных потрясений, так и наследие, неоднозначно воспринимаемое в контексте локальных нарративов.

Так, в исследовании сделан вывод, что одной из ключевых особенностей «трудного наследия» является его способность вызывать смешанные эмоции и стимулировать рефлексию о прошлом, настоящем и будущем. Эта особенность делает его важным ресурсом для культурно-познавательного туризма и в целом для политики сохранения и популяризации культурного наследия, а также требует разработки специальных методологических подходов к исследованию и интерпретации этих объектов, которые позволят сохранить их физическую целостность и обеспечить понимание их роли в истории.

Исследование показало, что сразу несколько направлений культурно-познавательного туризма фокусируются на объектах «трудного наследия». В первую очередь это dark-туризм и патриотический туризм, также «трудное наследие» вызывает интерес в рамках таких видов культурно-познавательного туризма, как ностальгический и руинный.

Разнообразие направлений культурно-познавательного туризма, обращенных к «трудному наследию», позволяет по-разному представлять такие объекты для широкой аудитории, что было продемонстрировано в работе на примере нескольких стратегий репрезентации наследия – стратегии коммеморации, экспонирования, консервации, перемещения, реадаптации, копирования, инсценировки и эмуляции. Основной из них является стратегия коммеморации, подчеркивающая мемориальную значимость объектов «трудного наследия». Посещение туристами объектов «трудного наследия», использующих эту стратегию, может способствовать формированию значимых нарративов, поддерживающих сохранение культурной памяти, и предотвращению повторения трагедий прошлого. Подобные «места памяти» играют существенную роль в укреплении взаимопонимания между различными культурами и народами. Многие объекты «трудного наследия» такого типа обрели особую символическую значимость и обладают высокой узнаваемостью во всем мире.

Нужно отметить, что в последние годы наблюдается тенденция к «виртуализации» мемориалов и мемориальных проектов, что приводит к определенной конкуренции между материальными и нематериальными «местами памяти». Тем не менее и исследователями, и самими посетителями подчеркивается, что именно материальные, аутентичные «места памяти» обладают особой атмосферой, усиливающей восприятие транслируемых нарративов. Таким образом, виртуальные коммеморативные практики не заменяют собой соответствующие практики, реализуемые в рамках туристической деятельности, а дополняют их, способствуют решению проблем информационной доступности объектов «трудного наследия», а в ряде случаев указывают и на необходимость более полного материального воплощения памяти о тех или иных событиях (как, например, в случае с Кыштымской аварией), а также на высокий их туристский потенциал.

Объекты, использующие стратегию коммеморации, ориентированы на реализацию познавательной функции туризма. Вместе с тем в процессе

«туристификации» объектов «трудного наследия» соотношение познавательной и развлекательной функций может изменяться. В зависимости от управленческих решений в рамках культурно-познавательного туризма «места памяти» могут совмещать познавательные и развлекательные функции в равной степени (стратегия экспонирования). В основном это касается музеефицированных объектов, не связанных с исключительными случаями злодеяний. Рассмотренные в работе примеры показывают, что чаще всего такая стратегия применяется для музеефицированных тюрем, бункеров, катакомб, некоторых фортификационных сооружений, а также бывших промышленных пространств. В отдельных случаях наследие может восприниматься как «трудное» лишь для определенных групп, тогда как основная масса туристов не испытывает противоречивых эмоций (что иллюстрирует стратегия перемещения), что и позволяет рассказывать об этих объектах по-разному, в зависимости от аудитории применяя те или иные современные музейные практики.

Некоторые стратегии репрезентации, такие как консервация, выступают промежуточным этапом для последующего сохранения объектов «трудного наследия» посредством музеефикации или реадаптации. Включение объектов, подвергшихся консервации, в туристические маршруты приносит экономическую выгоду местному сообществу и способствует скорейшей трансформации объекта.

Популярность набирают стратегии, которые относительно недавно начали применяться к объектам «трудного наследия» как объектам туристского интереса, – эмуляция и инсценировка. О привлекательности подобных иммерсивных форматов свидетельствует успех таких проектов, как исторический парк «Пюи-дю-Фу», который может привести к появлению тренда на открытие тематических парков с шоу-спектаклями, рассчитанных на самую широкую аудиторию, при этом представляющих истории, касающиеся и сложного прошлого.

Таким образом, стратегии, рассмотренные в данном исследовании, демонстрируют разнообразие подходов к репрезентации «трудного наследия»: от сохранения аутентичного «места памяти» и музейных экспозиций до интерактивных представлений и пространств, создающих эффект погружения в прошлое. Выбор конкретной стратегии зависит от множества факторов, включая исторический контекст, целевую аудиторию и экономические возможности.

Впрочем, применение некоторых стратегий (в частности, инсценировки и эмуляции) в сочетании с желанием оперативно увеличить поток посетителей, способно привести к возникновению феномена туристической гиперреальности. В таком случае объекты «трудного наследия» рискуют превратиться в стереотипизированные пространства, утратившие аутентичность и оригинальность. Локальные исторические нарративы и коллективная память могут приобрести характер искусственно сконструированной реальности, напоминающей «смонтированное» произведение, где подлинность уступает место коммерческой привлекательности. Коммодификация объектов «трудного наследия» – одна из главных и сложно решаемых проблем, возникающих при развитии культурно-познавательного туризма. Туризм на объектах «трудного наследия» сопряжен с рядом этических проблем, которые возникают вследствие специфики самих объектов и их интерпретации в рамках туристической деятельности. Основные этические вызовы включают риск коммерциализации и чрезмерной эксплуатации трагедии, которые могут привести к утрате уважения к памяти жертв и снижению значимости исторических событий и – как следствие – снижению образовательной и мемориальной ценности объектов «трудного наследия». Показательным примером является продажа в «местах памяти» сувениров, не всегда представляющихся уместными. Также распространена проблема неправомерного присвоения истории – локальное сообщество и потомки жертв могут чувствовать, что их история используется без должного учета их интересов и мнения. Это может приводить к конфликтам между местными сообществами и организаторами туристической деятельности,

связанными с возникновением чувства несправедливого обращения с памятью, и туризмофобии.

Объекты «трудного наследия» представляют собой уникальные ресурсы для развития культурно-познавательного туризма. Эти объекты, несмотря на сложность восприятия и связанные с ними возможные негативные ассоциации, имеют значительный потенциал для формирования глубокого понимания истории и осознания ответственности за будущее. Важно отметить, что грамотное управление такими объектами и использование соответствующих стратегий репрезентации позволяют превратить их в значимые точки притяжения для туристов, заинтересованных в познании и рефлексии.

Интеграция объектов «трудного наследия» в систему культурно-познавательного туризма открывает новые перспективы для развития туризма, образования и межкультурного диалога. Диссертационное исследование демонстрирует, что такие объекты могут стать важными инструментами для сохранения культурной памяти, укрепления национальной идентичности и повышения уровня осведомленности о проблемах прошлого и настоящего.

Перспективным представляется более детальное изучение рассмотренных в работе стратегий репрезентации «трудного наследия», в частности, коммеморации, эмуляции и инсценировки, в контексте отдельных направлений в рамках культурно-познавательного туризма, таких как патриотический туризм, dark-туризм, индустриальный и ностальгический виды туризма, а также исследование конкретных категорий объектов «трудного наследия» и особенностей их функционирования как объектов туристского интереса.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Федеральный закон от 26 мая 1996 N 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями на 12 декабря 2023 года) (редакция, действующая с 1 января 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9020113> (дата обращения: 21.08.2024).
2. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. N 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изменениями на 14 октября 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9032907> (дата обращения: 21.10.2024).
3. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями на 8 августа 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения: 21.08.2024).
4. Указ Президента РФ от 22 декабря 2011 г. N 1671 «Об отнесении федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902319333> (дата обращения: 02.07.2024).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. N 1561-р «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» (с изменениями на 20 июня 2024 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420294740?marker=6500IL> (дата обращения: 07.08.2024).

6. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (дата обращения: 12.05.2024).
7. Ассоциация музеев памяти [сайт]. URL: <https://memorymuseums.ru/> (дата обращения: 27.08.2024).
8. Аушвиц-Биркенау. Будущее и настоящее // Auschwitz-Birkenau State Museum [site]. URL: https://www.auschwitz.org/gfx/auschwitz/userfiles/auschwitz/historia_terazniejszosc/auschwitz_historia_i_terazniejszosc_wer_rosyjska_2010.pdf (accessed: 01.09.2024).
9. Бункер-42 на Таганке [сайт]. URL: <https://bunker42.com/> (дата обращения: 21.07.2024).
10. Бутовский полигон – наша память! [сайт]. URL: <https://butovopoligon.ru/> (дата обращения: 09.06.2024).
11. В Тверской области открылась железнодорожная станция «Ржевский мемориал» // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11315591> (дата обращения: 02.08.2024).
12. Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» [сайт]. URL: <https://stalingrad-battle.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).
13. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда [сайт]. URL: <https://blokadamus.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).
14. Гюго, В. Девяносто третий год // Собр. соч. в 15 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1956. С. 196.
15. Жертвам Кыштымской аварии 1957 г. // ВДПО [сайт]. URL: <https://xn--b1ae4ad.xn--p1ai/place/1865#:~:text=Мемориал%20расположен%20в%20микрорайоне%20Кыштымского,Кыштым%2057> (дата обращения: 29.09.2024).

16. ИНЕС: Руководство для пользователей международной шкалы ядерных и радиологических событий // Международное агентство по атомной энергии [сайт]. URL: <https://www.iaea.org/ru/publications/8446/ines-rukovodstvo-dlya-polzovateley-mezhdunarodnoy-shkaly-yadernyh-i-radiologicheskikh-sobytiy> (дата обращения: 01.09.2024).
17. Кононенко, В. Посмертно... репрессировать? // Человек и закон. 1989. № 1. С. 73–78.
18. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник [сайт]. URL: <https://tiamz.ru/> (дата обращения: 23.07.2024).
19. Международный день памяти о чернобыльской катастрофе, 26 апреля // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/observances/chernobyl-remembrance-day> (дата обращения: 26.04.2024).
20. Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» [сайт]. URL: <https://mperm36.ru/v-2023-godu-muzej-zapovednik-perm-36-vel-aktivnuyu-i-raznostoron> (дата обращения: 09.06.2024).
21. Местопамяти.рф [сайт]. URL: <https://xn--80ajknckhojebl.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.09.2024).
22. Музей-заповедник «Сталинградская битва» занял второе место по посещаемости в России // Смотрим [медиаплатформа]. URL: <https://smotrim.ru/article/3757041> (дата обращения: 02.07.2024).
23. Национальная трагедия. Массовые захоронения жертв политических репрессий 1937–1938 гг. на территории Российской Федерации [сайт]. URL: <https://rusgolgofamap.ru/> (дата обращения: 09.06.2024).
24. Посетите Польшу / Главное управление по иностранному туризму при Совете министров СССР. Москва : Внешторгиздат, № 17126.
25. Российское военно-историческое общество [сайт]. URL: <https://rvio.histrf.ru/> (дата обращения: 13.08.2024).
26. Яндекс Карты [сайт]. URL: <https://yandex.ru/maps/org/> (дата обращения: 23.06.2024).

27. Budapest Declaration On World Heritage // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1217/> (accessed: 13.06.2024).
28. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (accessed 21.02.2024).
29. ICOMOS International Charter for Cultural Heritage Tourism (2022): Reinforcing cultural heritage protection and community resilience through responsible and sustainable tourism management // ICOMOS. URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Secretariat/2023/CSI/eng-franc_ICHTCharter.pdf (accessed 01.03.2024).
30. Kyoto Declaration on Tourism and Culture: Investing in future generations // UN Tourism. URL: https://pre-webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2019-12/Kyoto-Declaration_FINAL_13122019.pdf (accessed 01.03.2024).
31. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/archive/opguide08-en.pdf> (accessed: 31.01.2024).
32. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention 2023 // UNESCO. <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed: 13.06.2024).
33. Report of the rapporteur on the Third Session of the World Heritage Committee // UNESCO [site]. URL: <https://whc.unesco.org/document/730> (accessed: 13.06.2024).
34. Report on the Conference on authenticity in relation to the World Heritage Convention // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/documents/734> (accessed: 13.06.2024).
35. UNESCO World Heritage and Sustainable Tourism Programme // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/uploads/activities/documents/activity-669-7.pdf> (accessed 01.03.2024).

36. Warsaw recommendation on recovery and reconstruction of cultural heritage // UNESCO [site]. URL: <https://whc.unesco.org/en/news/1826> (accessed: 13.06.2024).
37. 9/11 Memorial & Museum [site]. URL: <https://911memorial.org> (accessed: 03.08.2024).
38. AECOM's Theme Index and Museum Index Reports // AECOM. URL: <https://aecom.com/theme-index/> (дата обращения: 04.08.2024).
39. Alcatraz and Ghost Hunting Tour // The Haunt Ghost Tour [site]. URL: <https://thehauntghosttours.com/alcatraz-ghost-tour/> (accessed: 21.07.2024).
40. Are the 9/11 museum's commemorative toys and hoodies a step too far? // The Guardian [site]. URL: <https://www.theguardian.com/culture/shortcuts/2014/may/19/911-museum-gift-shop-bad-taste-new-york> (accessed: 03.08.2024).
41. Auschwitz-Birkenau State Museum [site]. URL: <https://www.auschwitz.org/en/museum/news/visit-auschwitz-org,1716.html#:~:text=Over%201.2%20million%20people%20have,expected%20to%20exceed%201.8%20million> (accessed: 27.09.2024).
42. Chrisafis, A. No rides, but lots of rows: “reactionary” French theme park plots expansion // The Guardian [site]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/22/no-rides-but-lots-of-rows-reactionary-french-theme-park-plots-expansion> (accessed: 01.08.2024).
43. Cutting Edge | Bringing cultural tourism back in the game // UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/cutting-edge-bringing-cultural-tourism-back-game> (accessed 01.03.2024).
44. Die Dokumentation Obersalzberg [site]. URL: <https://obersalzberg.de/en/> (accessed: 15.08.2024).
45. Discover Medical London [site]. URL: <https://discovermedicallondon.com> (accessed: 11.06.2024).
46. Dracula Tour [site]. URL: <https://dracula-tour.com> (accessed: 01.05.2024).

47. Edelman, S. The 9/11 museum's absurd gift shop // New York Post [site]. URL: <https://nypost.com/2014/05/18/outrage-over-911-museum-gift-shops-crass-souvenirs> (accessed: 03.08.2024).
48. Evaluations of World Heritage Nominations related to Sites Associated with Memories of Recent Conflicts // ICOMOS [site]. URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/World_Heritage/ICOMOS_Discussion_paper_Sites_associated_with_Memories_of_Recent_Conflicts.pdf (accessed: 13.06.2024). P. 6.
49. Expert Meeting on the “Global Strategy” and thematic studies for a representative World Heritage List (UNESCO Headquarters, 20–22 June 1994) // UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/archive/global94.htm#debut> (accessed: 13.06.2024).
50. Global Travel & Tourism Catapults into 2023 Says WTTC // World Travel & Tourism Council. URL: <https://wttc.org/news-article/global-travel-and-tourism-catapults-into-2023-says-wttc> (accessed 01.03.2024).
51. Google Карты [сайт]. URL: <https://www.google.com/maps/>(дата обращения: 23.06.2024).
52. Holocaust Encyclopedia [site]. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/> (accessed: 23.07.2024).
53. Ipanovia – Global Expansion Advisory [site]. URL: <https://www.ipanovia.com/> (accessed: 08.08.2024).
54. Jewish Museum in Prague [site]. URL: <https://www.jewishmuseum.cz/en/> (accessed: 24.08.2024).
55. Linz Tourismus [site]. URL: <https://www.linztourismus.at/en/> (accessed: 31.07.2024).
56. Months of war that ruined centuries of history // Guardian [site]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jan/15/arts.iraq> (accessed: 08.08.2024).
57. Nanjing Massacre hall sees record high visitors during National Day holiday // Xinhua News [site]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/09/c_138458193.htm (accessed: 27.09.2024).

58. National Park Service [site]. URL: <https://www.nps.gov> (accessed: 23.07.2024).
59. Parliament of Australia [site]. URL: <https://www.aph.gov.au/> (accessed: 11.06.2024).
60. Phillip, A. Families infuriated by “crass commercialism” of 9/11 Museum gift shop [site] // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2014/05/19/families-infuriated-by-crass-commercialism-of-911-museum-gift-shop> (accessed: 03.08.2024).
61. Puy du Fou [site]. URL: <https://www.puydufou.com/> (accessed: 01.08.2024).
62. Romania. Explore the Carpathian garden // Romania.Travel. Ministerul Turismului. URL: https://www.romania.travel/uploads/downloads/Brosura_MT_engleza_comp.pdf. P. 34.
63. Science Museum [site]. URL: <https://www.sciencemuseum.org.uk/> (accessed: 11.06.2024).
64. Statista [site]. URL: <https://www.statista.com/> (accessed: 27.09.2024).
65. Szypulski, P. Greetings from Auschwitz. Zurich: Edition Patrick Frey, 2016. 88 p.
66. The Boy In The Striped Pyjamas author defends work from criticism by Auschwitz memorial // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/jan/07/john-boyne-defends-work-from-criticism-by-auschwitz-memorial> (accessed: 02.07.2024).
67. The Thalidomide tragedy and our engagement today [site]. URL: <https://www.thalidomide-tragedy.com/> (accessed: 11.06.2024).
68. Tripadvisor [сайт]. URL: <https://www.tripadvisor.ru/> (дата обращения: 23.06.2024).
69. Tripster [сайт]. URL: <https://tripster.ru> (дата обращения: 11.06.2024).
70. UN Tourism. URL: <https://www.unwto.org/> (accessed 01.03.2024).
71. UNESCO [site]. URL: <https://whc.unesco.org/en/> (accessed: 01.09.2024).

72. Varosha sees two millionth visitor since reopening // Cyprus Mail [site].
URL: <https://cyprus-mail.com/2024/08/02/varosha-sees-two-millionth-visitor-since-reopening/> (accessed: 21.08.2024).

73. Zeitgeschichte museum. – Linz: voestalpine Stahlwelt GmbH.

74. 東日本大震災・原子力災害伝承館 [site]. URL:
<https://www.fipo.or.jp/lore/en> (accessed: 11.03.2024).

Литература

1. Абрамов, Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.

2. Ананьев, В. Г. К вопросу о периодизации музеологии // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2 (34). С. 38–42.

3. Андреева, О. В. Великая Отечественная война в исторической памяти России // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в. : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Стерлитамак, 28 сентября 2018 г.). Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 5–11.

4. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти. Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 528 с.

5. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.

6. Афанасьев, О. Е. Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества: роль и функции в туризме // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 3. С. 7–17.

7. Баранова, В. А., Донцов, А. И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11 (107). С. 76–82.

8. Баранова, В. А., Донцов, А. И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 29–46.
9. Бердяев, Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж: YMCA-Press. 190 с.
10. Божок, Н. С. Культурно-историческая реконструкция в оптике иммерсивного подхода: теоретическая и эмпирическая экспликации (часть 1) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/60KLSK421.pdf> (дата обращения: 23.07.2024).
11. Бойм, С. Ю. Будущее ностальгии. Москва : «НЛО», 2001. 362 с.
12. Бугрова, Е. Д. Речевой портрет танатотуриста // Речевая коммуникация в современной России : тезисы докладов VI Международной научной конференции (Омск, 27–30 сентября 2021 г.). Омск : Изд-во ОмГУ, 2021. С. 7–9.
13. Бугрова, Е. Д., Кириллова, Н. Б. Культурно-познавательный туризм как ресурс memory studies // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21. № 4. С. 348–357.
14. Васильев, А. Теория социальной памяти Аби Варбурга. Между философией культуры и историей искусства // Искусствознание. 2009. № 1–2. С. 16–39.
15. Вахсман, Н. История нацистских концлагерей. М.: Центрполиграф, 2018. 783 с.
16. Венедиктова, Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Тюмень, 2004. 20 с.
17. Головашина, О. В. Как боль становится общей? Культурная травма как процесс // Studia Humanitatis. 2018. № 4. URL: <https://sthum.ru/content/golovashina-ov-kak-bol-stanovitsya-obshchey-kulturnaya-travma-kak-process> (дата обращения: 02.07.2024).

18. Головашина, О. В. Человек путешествующий: прошлое как символический ресурс и идентификационные риски // Философия и культура. 2018. № 5 (125). С. 42–43.
19. Дулина, Н. В. Культурная память как механизм идентификации в социокультурном пространстве города (на примере г. Волгограда) // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2020. С. 406–407.
20. Земсков, В. Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и Политика. 2009. № 6 (33). 89–105.
21. Зорин, И. В., Квартальнов, В. А. Энциклопедия туризма. Москва : Финансы и статистика, 2014. 368 с.
22. Зубанова, Л. Б., Шуб, М. Л. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 48–60.
23. Зукин, Ш. Культуры городов. Москва : «НЛЮ», 1999. 246 с.
24. Иванова, О. В. Коммеморативные практики музеев памяти: опыт Музея истории ГУЛАГа // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 4. С. 1366–1418.
25. Каледа, К. Г. Бутовский полигон: история и мемориализация // Церковь. Богословие. История : Материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции, посвященной 100-летию мученической кончины святых Царственных страсотерпцев и их верных спутников, Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 года. Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 24–29.
26. Каспэ, И. Место смерти: о значении Ленинградской блокады в позднесоветской культуре // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 59–105.

27. Квартальнов, В. А. Туризм. Москва : Финансы и статистика, 2014. 336 с.
28. Короткова, О. А. Концепция деколонизации музея: проблемы и возможности // Кунсткамера. 2021. Т. 3. № 13. С. 28–38.
29. Кошман, Л. В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 5. С. 7–15.
30. Кощеев, Д. А., Исопескуль, О. Ю. Проектирование туристских кластеров: системно-агломерационный подход. Москва : ИНФРА-М, 2020. 326 с.
31. Красильникова, Е. И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Автореф. дисс. ... д. и. н. : 07.00.02. Омск, 2016. 36 с.
32. Ксенофонтова, И. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 133–144.
33. Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании / О. Н. Астафьева, Н. Б. Кириллова, О. В. Шлыкова [и др]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. 242 с.
34. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Изд-во «Владимир Даль»; ИД «Русский Остров», 2004. 624 с.
35. Макарова, Е. А. Фредерик, Ч. Бартлетт и его теория схемы: современный взгляд // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 6. С. 114–120.
36. Малетин, С. С. Туризм специальных интересов: концептуальные подходы исследования // Вестник НГУЭУ. 2014. № 4. С. 218–225.
37. Малинова, О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4 (87). С. 6–22.

38. Масаев, М. В., Разбеглова, Т. П. О некоторых аспектах феномена культурной войны // Дискурс-Пи. 2016. № 1 (22). С. 61–67.

39. Мастеница, Е. Н., Серикова, А. Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // Образование и культурное пространство. 2021. № 1. С. 79–85.

40. Мегилл, А. Историческая эпистемология. Историческая эпистемология: Научная монография. Москва : «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009.

41. Минькова, Н. В. Амбивалентность отношения к смерти во Второе Средневековье и в массовой культуре постмодерна // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 209–213.

42. Мошняга, Е. В. Концептуальное пространство межкультурной коммуникации в туризме в условиях глобализации. Москва : Советский спорт, 2010. 218 с.

43. Мошняга, Е. В. Развитие туризма в эпоху постмодернизма // Вестник РМАТ. 2014. № 2. С. 15–20.

44. Мурашко, М. А., Пархоменко, Д. В., Асецкая, И. Л., Косенко, В. В., Поливанов, В. А., Глаголев, С. В. Роль и практика фармаконадзора в российском здравоохранении // Разработка и регистрация лекарственных средств. 2014. № 3 (8). С. 182–190.

45. Мягкова, Е. М. Вандея в исторической памяти французов XIX столетия // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 249–267.

46. Новосельская, В. В. Потенциал культурного туризма как направления туристской индустрии: комплексный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 250–260.

47. Олик, Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

48. Основы туризма / под ред. Е. Л. Писаревского. Москва : Федеральное агентство по туризму, 2014. 384 с.
49. Павловская, А. Ю. Блокадный дневник и память о войне 1950–1970-х гг.: этапы архивации и канонизации эго-документа в публичном дискурсе // Ученые записки НовГУ. 2023. № 6 (51). С. 637–645.
50. Панков, Е. С. «Всё вернуть по адресам»: проблема репатриации музейных ценностей в отношениях Великобритании и стран Латинской и Карибской Америки // Ибероамериканские тетради. 2024. № 2. С. 101–125.
51. Рундквист, Н. А. Страшные тайны Урала. Екатеринбург : «Квист», 2016. 184 с.
52. Самовер, Н. В. «Трудное» наследие как Всемирное: Россия в контексте международного опыта // Журнал Института Наследия. 2018. № 3(14). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/241.html> (дата обращения: 15.07.2024).
53. Сафронова, Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. Москва ; Санкт-Петербург : НесторИстория, 2018. С. 11–26.
54. Сенявская, Е. С. Проблема героических символов в общественном сознании России: уроки истории // Вестник РУДН. Серия «Отечественная история». 2002. № 1. С. 16–22.
55. Серикова, А. Ю. Трудное наследие в работах зарубежных исследователей: сущность и трактовки // Вестник СПбГИК. 2022. № 3 (52). С. 108–114.
56. Серпионова, Е. И., Кудрин, Е. И. «Фабрика смерти стала фабрикой туризма». Сравнительный анализ путеводителей по мемориалу Аушвиц // Военно-исторический журнал. 2023. № 11. С. 86–91.
57. Сеше, Р. Вандея: от геноцида к «меморициду» // Французский ежегодник 2016. Т. 49: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. Москва, 2016. С. 36–54.

58. Сибиряков, И. В., Сосновских, Е. Г. Виртуальный образ экологической катастрофы (на примере Кыштымской аварии 1957 г.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2023. Т. 23. № 3. С. 25–34.

59. Скрипкина, Л. И. Проблемы презентации «трудного наследия» в экспозиционно-выставочной работе историко-краеведческих музеев // «Трудное наследие» российской истории в экспозиционно-выставочной деятельности музеев: Межрегиональный научный семинар в рамках заседания Научного совета исторических и краеведческих музеев РФ. Рязань, 25–27 апреля 2018 г.: материалы и доклады. Рязань: Издатель Ситников, 2019. С. 11–22.

60. Скульмовская, Л. Г. Роль современного музея в актуализации наследия: традиции и инновации // Культура как вид человеческого бытия и познания : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию д-ра филос. наук, профессора Полищука Виктора Ивановича, Ишим, 06 июля 2015 года. Ишим : Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, 2015. С. 199–204.

61. Сливкова, Ю. В. Экспозиционная деятельность музеев: трансформация как индикатор общественных изменений // Дни Ришелье в Гурзуфе : Сборник научных трудов VI научно-практической конференции, Гурзуф, 21 сентября 2019 года. Ялта : Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник», 2021. С. 9–12.

62. Смирнов, С. Ю. Технологии дегероизации в сознании российского общества // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 3. № 4. С. 222–226.

63. Соловьева, А. Н. Концептуализация аутентичности в контексте глобализации культуры // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 2. С. 137–141.

64. Стаф, В. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 3. С. 791–800.

65. Стаф, В. С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 183–187.
66. Таньшина, Н. П. Вандея в исторической памяти и политической культуре Франции // Наука. Общество. Оборона. Москва. 2020. Т. 8. № 2. 14–14.
67. Толстиков, В. С., Кузнецов, В. Н. Кыштымская радиационная авария 1957 года: первые оценки радиационной обстановки после взрыва // Глобальная ядерная безопасность. 2018. № 2 (27). С. 107–115.
68. Травма:пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.
69. «Трудное наследие» российской истории в экспозиционно-выставочной деятельности музеев: Межрегиональный научный семинар в рамках заседания Научного совета исторических и краеведческих музеев РФ. Рязань, 25–27 апреля 2018 г.: материалы и доклады / отв. ред. И. В. Чувилова. Рязань : Издатель Ситников, 2019. 196 с.
70. Туризм и рекреация на пути устойчивого развития: отечественные и зарубежные исследования / под ред. В. И. Кружалина, А. Ю. Александровой. Москва : Советский спорт, 2008. 432 с.
71. Урри, Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. Москва : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 136–150.
72. Урри, Дж. Мобильности. Москва : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 567 с.
73. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
74. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. Москва : Новое издательство, 2007. 348 с.
75. Хаттон, П. История как искусство памяти. Санкт-Петербург : Изд-во «Владимир Даль», 2004. 424 с.

76. Чебаненко, С. Б. Проблема возвращения и реституции предметов африканского искусства, вывезенных из Бенина в результате британской военной экспедиции 1897 г.: практика и правовые аспекты // Вопросы музеологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 319–335.

77. Чир, Дж. М. Туризм без вреда: миссия выполнима? // Курьер ЮНЕСКО. Июль-сентябрь 2024 года. URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/turizm-bez-vreda-missiya-vypolnima> (дата обращения: 27.07.2024).

78. Шевырин, С. А. История музея-заповедника «Пермь-36»: опыт историографического осмысления и музеефикации // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 4. С. 1325–1368.

79. Шерих, Д. Агонизирующая столица. Как Петербург противостоял семи страшнейшим эпидемиям холеры. Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. 285 с.

80. Шуб, М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов. Челябинск : ЧГИК, 2021. 283 с.

81. Шуб, М. Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования. Челябинск : ЧГИК, 2018. 303 с.

82. Шуб, М. Л. Функции культурной памяти // Вестник культуры и искусств. 2016. № 4 (48). С. 71–76.

83. Ярычев, Н. У. Феномен коммеморации в структуре мемориальной культуры // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы междунар. науч.-творч. форума (научной конференции), 18–19 нояб. 2021 г. Челябинск: ЧГИК, 2021. С. 97–100.

84. Arumugam, A., Nakkeeran, S., Subramaniam, R. Exploring the Factors Influencing Heritage Tourism Development: A Model Development // *Sustainability*. 2023. № 15. 11986.

85. Assmann, J. Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. № 65. P. 125–133.

86. Banerjee, D. The Mystery of the Missing Pandemic // History of the Present. 2023. Vol. 13. Iss. 1. P. 57–70.
87. Banyai, M. Dracula's image in tourism: Western bloggers versus tour guides // European Journal of Tourism Research. 2010. Vol. 3. № 1. P. 5–22.
88. Bartlett, F. C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 344 p.
89. Becker, E. The Denial of Death. New York : Free Press, 1975. 315 p.
90. Besson, F., Ducret, P., Lancereau, G. Larrère, M. Le Puy du Faux. Enquête sur un parc qui déforme l'histoire Paris: Les Arènes, 2022. 192 p.
91. Boardman, K. Revisiting living history: A business, an art, a pleasure, an education // The Living History Anthology: Perspectives from ALHFAM / M. B. Katz-Hyman, C. Jones, S. J. McCabe, M. Seelhorst (Eds.). New York ; Oxon : Routledge, 2019. P. 13–16.
92. Bocoum, H., Toulhier, B. La fabrication du Patrimoine : l'exemple de Gorée (Sénégal) // In Situ. Revue des patrimoines. 2013. № 20. URL: <http://journals.openedition.org/insitu/10303> (accessed: 01.09.2024).
93. Boorstin, D. J. The Image: A guide to pseudo-events in America. 25th anniversary edition. New York : Vintage Books, 1992.
94. Bryman, A. The Disneyization of Society. London ; Thousand Oaks ; New Delhi : SAGE Publication, 2004.
95. Bugrova, E. D., Kirillova, N. B. Memorial museums as an object for studying cultural and historical heritage in the system of modern education // Perspectives of Science and Education. 2024. Vol. 70. № 4. P. 40–53.
96. Byrne, D. Western hegemony in archaeological heritage management // History and Anthropology. 1991. Vol. 5, Iss. 2. P. 269–276.
97. Candrea, A. N., Ispas, A., Untaru, E. N., Nechita, F. Marketing the Count's way: how Dracula's myth can revive Romanian tourism // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V. 2016. Vol. 9 (58). № 1. P. 83–90.
98. Causevic, S., P. Lynch, P. Phoenix Tourism: Post-Conflict Tourism Role // Annals of Tourism Research 2011. Vol. 38. Iss. 3. P. 780–800.

99. Chadha, A. Ambivalent heritage: between affect and ideology in a colonial cemetery // *Journal of Material Culture*. Vol. 11. Iss. 3. P. 339–363.
100. Davis, F. *Yearning for yesterday: A Sociology of Nostalgia*. New York : The Free Press, 1979. 146 p.
101. Drvenkar, N., Banožić, M., Živić, D. Development of memorial tourism as a new concept – possibilities and restrictions // *Tourism and Hospitality Management*. 2015. Vol. 21. № 1. P. 63–77.
102. Dumbrovská, V. Urban Tourism Development in Prague: From Tourist Mecca to Tourist Ghetto // *Tourism in the City Towards an Integrative Agenda on Urban Tourism* / Eds. N. Bellini, C. Pasquinelli. Cham : Springer, 2017. P. 274–283.
103. Durkin, K. F. Death, Dying, and the Dead in Popular Culture // *Handbook of Death & Dying: in 2 vols*. Thousand Oaks : SAGE Publ., 2003. Vol. 1. The Presence of Death. P. 43–49.
104. Earl, A., Hall, C. M. Nostalgia and tourism // *Journal of Heritage Tourism*. 2023. № 18 (3). P. 307–317.
105. Edensor, T. *Industrial Ruins: Space, Aesthetics and Materiality*. London : Bloomsbury Academic, 2005. 208 p.
106. Foley, M., Lennon, J. J. Editorial: Heart of darkness // *International Journal of Heritage Studies*. 1996. Vol. 2. Iss. 4. P. 195–197.
107. Foucault, M. *Language, counter-memory, and practice*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1977. 240 p.
108. Gautschi, P., Hodel, J. Public History and Tourism – A Success Story? // *Public History Weekly*. 2023. Vol. 11. № 4. URL: [dx.doi.org/10.1515/phw-2023-21496](https://doi.org/10.1515/phw-2023-21496) (accessed: 01.03.2024).
109. González, D. Dark tourism and memorial tourism: Nexus and divergences between theoretical models // *European Journal of Tourism Research*. 2018. Iss. 20. P. 46–58.
110. Greenwood, D. J. Culture by the Pound: An anthropological perspective on tourism as cultural commoditization // *Hosts and Guests: The anthropology of*

tourism / V. L. Smith (ed). Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1989. P. 171–185.

111. Groebner, V. Touristischer Geschichtsgebrauch. Über einige Merkmale neuer Vergangenheiten im 20. und 21. Jahrhundert // *Historische Zeitschrift*. 2013. № 296 (2). P. 422–428.

112. Gültekin, P. Assessment of traumatic landscapes in the context of urban memory and dark tourism: A case study of Northern Cyprus Varosha // *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2024. Vol. 8. Iss. 14. 10197.

113. Hall, C. M. Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict by J. E. Tunbridge and G. J. Ashworth // *Annals of Tourism Research*. 1997. Vol. 24. Iss. 2. P. 496–498.

114. Hamber, B. Conflict museums, nostalgia, and dreaming of never again // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. Iss. 3. P. 268–281.

115. Havlena, W. J., Holak, S. L. The Good Old Days: Observations on Nostalgia and Its Role in Consumer Behavior // *Advances in Consumer Research* / Holman R. H., Solomon M. R. (eds). Provo : Association for Consumer Research, 1991. P. 323–329.

116. Hodgkinson, S. The concentration camp as a site of “dark tourism” // *Témoigner. Entre histoire et mémoire*. 2013. Vol. 116. P. 22–32.

117. Holleran, M., Holleran, S. Resisting dark tourism: Northern Cyprus’s ‘ghost city’ of Varosha // *City*. 2024. Vol. 28. P. 1–13.

118. Holsey, B. Slavery Tourism: Representing a Difficult History in Ghana // *The Oxford Handbook of Public History* / P. Hamilton and J. B. Gardner (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2017.

119. Huysen, A. The Politics of Identification: “Holocaust” and West German Drama // *New German Critique*. 1980. № 19. Special Iss. 1: Germans and Jews. P. 117–136.

120. Jamal, T., Tanase, A. Impacts and Conflicts Surrounding Dracula Park, Romania: The Role of Sustainable Tourism Principles // *Journal of Sustainable Tourism*. 2005. Vol. 13. № 5. P. 440–455.

121. Jenkins, T. Keeping their marbles. How the Treasures of the Past Ended Up in Museums... and Why They Should Stay There. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2016. 384 p.
122. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. Iss. 2. P. 179–197.
123. Korstanje, M. E., Ivanov, S. Tourism as a Form of New Psychological Resilience: The Inception of Dark Tourism // *Cultur: Revista de Cultura e Turismo*. 2012. No 6 (4). P. 56–71.
124. Kotler, P., Haider, D. H., Rein, I. J. Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations. New York : Free Press, 1993. 388 p.;
125. Le Gallou, A. From urban exploration to ruin tourism: a geographical analysis of contemporary ruins as new frontiers for urban tourism // *International Journal of Tourism Cities*. 2018. № 4 (2). P. 245–260.
126. Lewis, H., Schrier, T., Xu S. Dark tourism: motivations and visit intentions of tourists // *International Hospitality Review*. 2022. Vol. 36. № 1. P. 107–123.
127. Light, D. Progress in dark tourism and thanatourism research: An uneasy relationship with heritage tourism // *Tourism Management*. 2017. № 61. P. 75–301.
128. Light, D. The Dracula Dilemma: Tourism, Identity and the State in Romania. London: Routledge, 2012. 208 p.
129. Liu, Y., Dupre, K., Jin, X. A systematic review of literature on contested heritage // *Current Issues in Tourism*. 2020. Vol. 24. Iss. 4. P. 442–465.
130. Lugosi, P., Bell, D., Lugosi, K. Hospitality, Culture and Regeneration: Urban Decay, Entrepreneurship and the «Ruin» Bars of Budapest // *Urban Studies*. 2010. Vol. 47 Iss. 14. P. 3079–3101.
131. Macdonald, S. Difficult heritage: negotiating the Nazi past in Nuremberg and beyond. Oxon : Routledge, 2009. 240 p.
132. Mallinson, W. Cyprus: A Modern History. London ; New York : I. B. Tauris, 2005. 264 p.

133. Margalit, A. *The ethics of memory*. Cambridge ; London : Harvard University Press, 2004. 240 p.
134. Mather, J. *From trauma to tourism: Balancing the Needs of the Living and the Dead* // *The Routledge Handbook of museums, heritage, and death* / T. Biers, K. Stringer Clary (eds.). Oxon; New York: Routledge, 2024. P. 292–305.
135. Meskell, L. *Negative heritage and past mastering in archaeology* // *Anthropological Quarterly*. 2002. Vol. 75. Iss. 3. P. 557–574.
136. Moro, A., Invernizzi, N. *A tragédia da talidomida: a luta pelos direitos das vítimas e por melhor regulação de medicamentos* // *História, Ciências, Saúde – Manguinhos*. 2017. Vol. 24. № 3, jul.-set. P. 603–622.
137. Nieland, S., Mahendran, K., Crafter, S. *I'll never forget: Remembering of past events within the Silent Generation as a challenge to the political mobilization of nostalgia* // *Culture & Psychology*. 2023. Vol. 29 (1). P. 68–90.
138. Nora, P. *Foreword* // *Heritage, Memory and Identity* / H. Anheier and Y. Isar (eds). Thousand Oaks : Sage Publications, 2011. P. xi–xii.
139. *Pandemic Re-Awakenings The Forgotten and Unforgotten 'Spanish' Flu of 1918–1919* / ed. G. Beiner. Oxford : Oxford University Press, 2022. 391 p.
140. Phelan, M. *Stolen and illegally exported artefacts in collections. Key issues for museums within a legal framework* // *Museums, Ethics and Cultural Heritage* / ed. B. L. Murphy. Oxon; New York : Routledge, 2016. P. 113–120.
141. Prodan, A. *Alcatraz Island: Historic Monument & Uncomfortable Heritage* // *A Reader in Uncomfortable Heritage and Dark Tourism* / eds. S. Merrill, L. Schmidt. Cottbus : BTU Cottbus, 2009. P. 14–18.
142. Richards, G. *Rethinking cultural tourism*. Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2021. 196 p.
143. Richards, G. *What is cultural tourism?* // *Erfgoed voor toerisme: een visie van de gezamenlijke erfgoedkoepels op erfgoed en cultuurtoerisme* / E. den Hartigh, A. van Maaren (eds.). Amsterdam : Stichting Nationaal Contact Monumenten, 2003.

144. Rico, T. Negative Heritage: The Place of Conflict in World Heritage // Conservation and Management of Archaeological Sites. 2008. Vol. 10. № 4. P. 344–352.
145. Rogoś, A. Dynamics of the particular and the common: Monuments and patriotic tourism in socialist Yugoslavia – a case study of Kosovo // Slavia Meridionalis. 2019. № 19. 1970. URL: <https://doi.org/10.11649/sm.1970> (accessed: 19.07.2024).
146. Rothberg, M. Mulidirectional Memory: remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford : Stanford University Press. 403 p.
147. Sather-Wagstaff, J. Heritage That Hurts: Tourists in the Memoryscapes of September 11. New York : Routledge, 2011. 243 p.
148. Seaton, A. V. Guided by the Dark: from thanatopsis to thanatourism // International Journal of Heritage Studies. 1996. Vol. 2. Iss. 4. P. 234–244.
149. Shils, E. Tradition. Chicago : University of Chicago Press, 1981. 334 p.
150. Soyez, D. Le tourisme industriel en Allemagne: États de lieux, point faibles et défis // Geography, Environment, Sustainability. 2014. Vol. 7. Iss. 4. P.28–39.
151. Stone, P. R., Grebanar, A. “Making Tragic Places”: dark tourism, kitsch and the commodification of atrocity // Journal of Tourism and Cultural Change. 2022. Vol. 20. № 4. P. 457–474.
152. Stone, P., Sharpley, R. Consuming Dark Tourism a Thanatological Perspective // Annals of Tourism Research. Vol. 35. 2008. Iss. 2. P. 574–595.
153. Strange, C., Kempa, M. Shades of dark tourism: Alcatraz and Robben Island // Annals of Tourism Research. 2003. Vol. 30. № 2. P. 386–405.
154. Sturken, M. Tangled memories: the Vietnam War, the AIDS epidemic, and the politics of remembering. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press. 358 p.
155. Szívós, E. Turbulent history, troublesome heritage: political change, social transformation, and the possibilities of revival in the “Old Jewish quarter” of Budapest // Hungarian Studies. 2015. Vol. 29. Iss. 1–2. P. 93–120.

156. Terdiman, R. *Present past: modernity and the memory crisis*. Ithaca : Cornell University Press, 1993. 390 p.
157. Trigg, D. *The Memory of Place: A Phenomenology of the Uncanny*. Athens : Ohio University Press, 2012. 347 p.
158. Tunbridge, J. E. Ashworth, G. J. *Dissonant Heritage: the management of the past as a resource in conflict*. Chichester : John Wiley & Sons, 1996. 314 p.
159. Turtinen, J. *Globalising heritage: on UNESCO and the transnational construction of a world heritage // SCORE rapportserie. Vol. 12*. Stockholm : Stockholm Center for Organizational Research, 2000. 25 p.
160. van Huis, I., Kaasik-Krogerus, S. Lähdesmäki, T., Ellena, L. *Introduction: Europe, Heritage and Memory – Dissonant Encounters and Explorations // Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe*. Cham : Springer Nature Switzerland ; Palgrave Macmillan. P. 1–21.
161. Vasileva, A. *Contextualising Buzludzha: Dissonance, Rejection and Cultural Appropriation of Bulgarian Postwar Heritage // In Restauro: Post-war Heritage of Art and Architecture in Central and Eastern Europe. Integrated Approaches to Dissonant Monuments and Sites*. Berlin : hendrik Bäbller verlag. P. 74–80.
162. Walker, J. R., Walker, C. J. *Tourism: Concepts and Practices*. Dubuque : Kendall Hunt Publishing, 2018. 424 p.
163. Watson, S. *The legacy of communism: difficult histories, emotions and contested narratives // International Journal of Heritage Studies*. 2018. Vol. 24. Iss. 7. P. 781–794.
164. Williams, P. *Memorial museums. The global rush to commemorate atrocities*. Oxford ; New York : Berg Publisher, 2007. 240 p.
165. Witek-Malicka, W. *Fact-checking “The Tattooist of Auschwitz” // Memoria*. 2018. № 14. URL: <https://viewer.joomag.com/memoria-en-no-14-11-2018/0766192001543510530> (accessed: 01.09.2024).
166. Yeomans, R. *From Comrades to Consumers. Holidays, Leisure Time, and Ideology in Communist Yugoslavia // Yugoslavia’s sunny side: a history of tourism in*

socialism (1950s–1980s). Budapest : Central European University Press, 2010. P. 69–106.

167. Yerushalmi, Y. *Zakhor: Jewish history and Jewish memory*. Seattle ; London : University of Washington Press, 1982. 144 p.

168. Young, J. E. *The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning*. New Haven ; London : Yale University Press, 1993. 415 p.

Рис. 1 – Мемориальная плита в Государственном музее Аушвиц-Биркенау
(фотография автора)

Рис. 2 – Руин-бар в Будапеште (фотография автора)

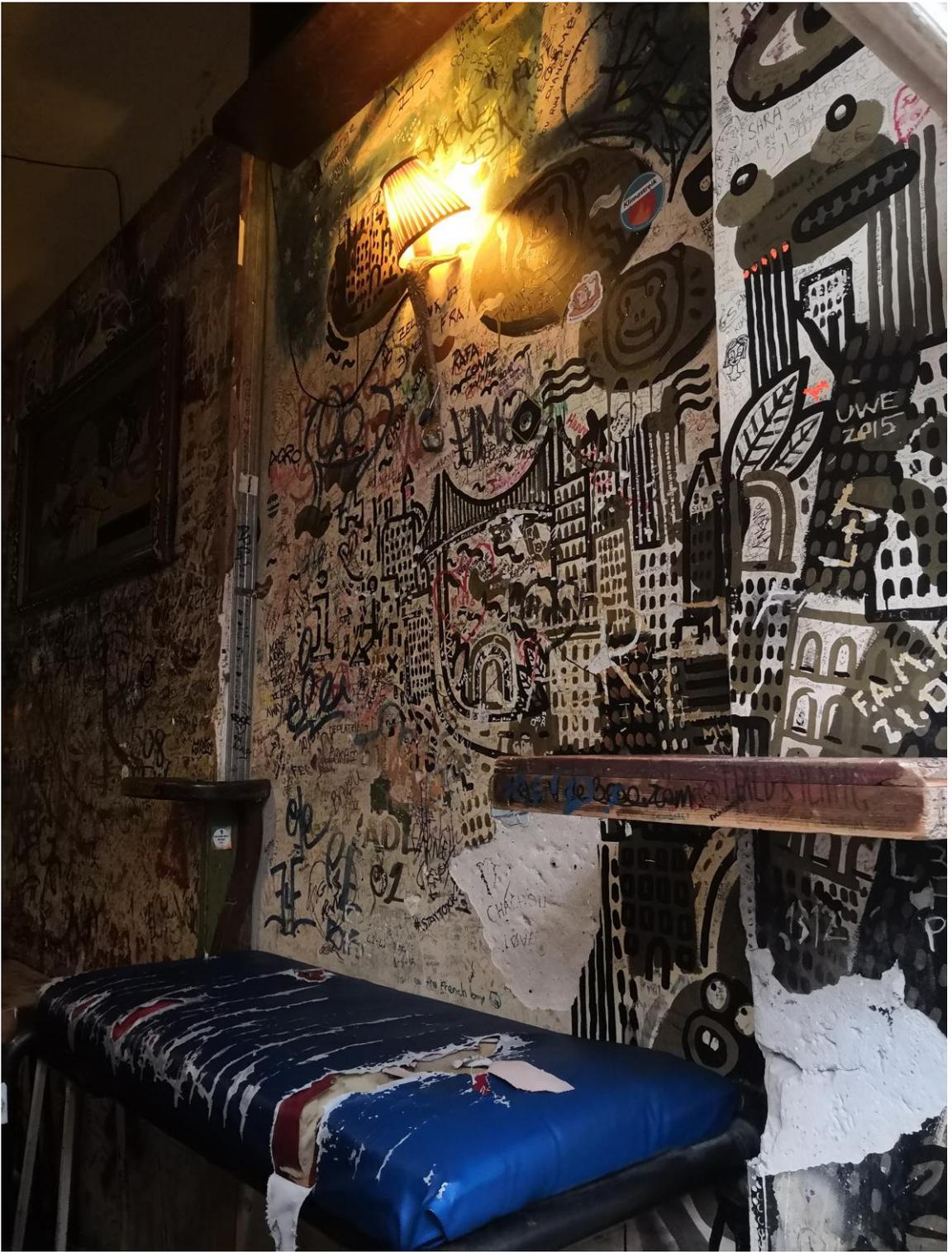

Рис. 3 – Руин-бар в Будапеште (фотография автора)

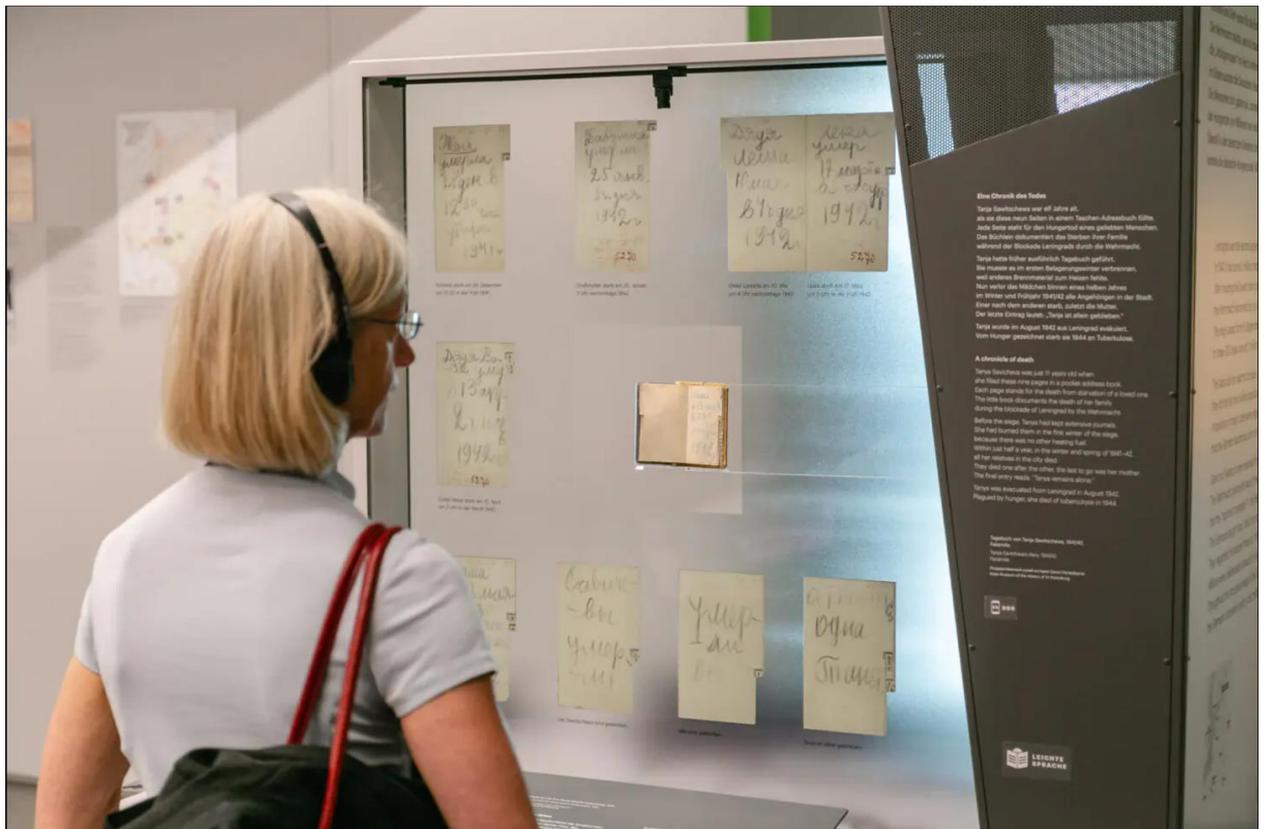
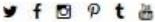

Рис. 4 – Копия дневника Тани Савичевой в Центре исторической документации
Оберзальцберга³⁰⁷

³⁰⁷ Источник: Idyll und Verbrechen // Die Dokumentation Obersalzberg [site]. URL: <https://obersalzberg.de/en/exhibitions/dauerausstellung/> (accessed: 15.08.2024).

Q Search **MUSEUM STORE**

BEST SELLERS NEVER FORGET COLLECTIONS APPAREL & ACCESSORIES GIFTS BOOKS JEWELRY CUSTOMER SERVICE

HOME > BEST SELLERS

BEST SELLERS SORT BY: **FEATURED**

			
Museum Membership \$ 75.00	3D Limited Edition Mini Print - 9"x10" Black Frame in Color \$ 249.00	U.S. Flag Flown Over the 9/11 Memorial \$ 85.00	ALEX AND ANI Ribbon Bracelet - Silver \$ 45.00
			
Never Forget Hooded Sweatshirt - Black \$ 54.95	Never Forget T-shirt - Black/Grey \$ 33.95	FDNY Shield T-Shirt - Navy \$ 33.95	NYPD Shield T-Shirt - Navy \$ 33.95
			
Never Forget Water Bottle Black \$ 32.95	No Day Shall Erase You Paperback \$ 29.95	Never Forget Flag Coin \$ 24.95	Remember Marble Mug \$ 22.95

Рис. 5 – Бестселлеры сувенирного магазина Национального мемориала и музея 11 сентября³⁰⁸

³⁰⁸ Источник: Museum Store // 9/11 Memorial & Museum. URL: <https://store.911memorial.org/collections/best-sellers>.

Рис. 6 – Советские и современные фотоальбомы, посвященные мемориалам и мемориальным музеям (из коллекции автора)

Рис. 7 – Советские и современные открытки, посвященные мемориалам и мемориальным музеям (из коллекции автора)

Рис. 8 – Советские коллекционные памятные значки (из коллекции автора)